

*Всесоюзный Институт Юридических Наук
Министерства Юстиции СССР*

КУРС
СОВЕТСКОГО
ГРАЖДАНСКОГО
ПРАВА

МОСКВА • 1951

34с4
ФН

Проф. Е. А. Флейшиц

ДЫС II 15198.

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА
ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА
И
ИЗ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО
ОБОГАЩЕНИЯ

48922

СГБГУ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЮРИДИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

СПбГУ

ЧАСТЬ I

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

ГЛАВА I

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

§ 1. Понятие обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве

Глава XIII раздела «Обязательственное право» Гражданского кодекса РСФСР (ст. ст. 403—415) и соответствующие главы гражданских кодексов других союзных республик¹ озаглавлены «Обязательства, возникающие вследствие причинения другому вреда».

Судебная практика и советская юридическая литература обыкновенно называют соответствующую категорию обязательств короче: «обязательства из причинения вреда».

Однако в названных постановлениях советских гражданских кодексов речь идет не о любом вреде.

Под вредом в советском гражданском праве понимается всякое умаление охраняемого советским правом блага.

В названных же постановлениях речь идет только о вреде, который может быть выражен, исчислен в деньгах, о вреде имущественном².

Но и не всякий имущественный вред, причиненный другому, служит основанием возникновения обязательства возместить этот вред в соответствии с названными постановлениями.

¹ В дальнейшем при указании на статьи ГК имеются в виду статьи ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик.

² В советском гражданском праве понятие имущественных отношений шире понятия отношений, допускающих денежную оценку: отношение с денежным содержанием есть всегда имущественное отношение, но имущественное отношение не всегда допускает денежное выражение, — например, земельные отношения являются имущественными отношениями, хотя земля не подлежит денежной оценке.

Однако в области обязательств из причинения вреда понятию имущественного вреда придается значение вреда, который может быть выражен, исчислен и возмещен в деньгах. Это отчетливо выражено в ст. 410 ГК РСФСР (см. гл. II).

Для того, чтобы обязательство возместить имущественный вред, причиненный другому, подпадало под действие ст. ст. 403—415 ГК РСФСР, надо: а) чтобы было совершено противоправное действие; б) чтобы между противоправным действием и вредом существовала причинная связь; в) чтобы противоправное действие, которым причинен вред, было совершено причинителем вреда, кроме случаев, особо указанных в законе, по своей вине.

Кроме того, в случаях, когда между лицом, об ответственности которого идет речь, и потерпевшим существует обязательство, возникшее из договора, из административного акта планирования или из иного, предусмотренного законом основания, надо г) чтобы противоправное действие, которым причинен вред, не было неисполнением такого обязательства.

Таким образом, обязательства, регулируемые ст. ст. 403—415 ГК РСФСР, должны быть охарактеризованы как обязательства возмещения имущественного вреда, причиненного другому противоправным и, по общему правилу, виновным действием, не представляющим собою неисполнения обязательства, существующего между лицом, ответственным за вред, и потерпевшим.

В этом смысле и понимается термин «обязательства из причинения вреда» в нашей судебной практике и в советской юридической литературе.

Правда, не сразу после введения в действие Гражданского кодекса было единодушно признано, что в ст. ст. 403—415 под обязательствами из причинения вреда в принципе понимаются обязательства возместить виновно причиненный вред. Но давно уже сомнений в этом нет. Едва ли кто-нибудь сомневался в том, что в названных статьях речь идет об обязательствах возмещения вреда, причиненного противоправным действием. Почти не вызывал сомнений и имущественный характер подлежащего возмещению вреда. Наконец, судебная практика Верховного суда СССР, так же как и наша юридическая литература, разграничивает две области возмещения имущественного вреда: 1) возмещение вреда, причиненного неисполнением обязательства, и 2) возмещение вреда, причиненного противоправным действием без неисполнения тем самым обязательства, существующего между лицом, ответственным за вред, и потерпевшим. В первом случае вред не вполне точно называют «договорным» вредом. Во втором случае вред называют «внедоговорным» вредом. Обобщая в постановлении от 10 июня 1943 г.¹ предшествующую практику в данном вопросе, Пленум Верховного суда СССР признал, что ст. ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующие

¹ Сборник действующих постановлений Пленума и директивных писем Верховного суда СССР, 1946, стр. 176.

статьи ГК других союзных республик «имеют в виду возмещение за вред, возникший вне договорных отношений». Точнее было бы сказать: возмещение имущественного вреда, причиненного без нарушения обязательства, существующего между ответственным за вред и потерпевшим.

Иногда вместо термина «обязательства из причинения вреда» в литературе употребляется термин: «обязательства из правонарушений».

Этот термин также не вполне точен. Правонарушением является всякое действие, противное советскому праву в объективном смысле, в том числе и неисполнение обязательства должником.

В связи с этим иногда различают правонарушение в «широком», т. е. в только что указанном смысле, и правонарушение в узком или тесном смысле, т. е. в том смысле, который вкладывается в это понятие ст. ст. 403—415 ГК¹.

Реже других, но все же встречается в нашей литературе выражение «обязательства из деликтов», «деликтные» обязательства, причем под деликтом понимается причиняющее имущественный вред противоправное действие, не представляющее собою неисполнения обязательства².

Наконец, иногда говорят о гражданской ответственности, понимая под этой ответственностью именно ответственность за вред, регулируемую ст. ст. 403—415 ГК³.

Очевидно, однако, что «гражданской», т. е. регулируемой нормами советского гражданского права, является также и ответственность за имущественный вред, причиняемый неисполнением обязательств. Поэтому и термин «гражданская ответственность» не выражает особенностей ответственности по ст. ст. 403—415 ГК.

Таким образом, связанная со ст. ст. 403—415 ГК основная терминология носит некоторый условный, но твердо установившийся и потому не вызывающий неопределенности характер.

¹ См., в частности, М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности — Сборник «Вопросы Советского гражданского права», изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 144: «1) Для применения ст. 403 необходима противоправность причинения вреда. Причинитель отвечает потому, что совершил правонарушение... Должник обязан исполнить обязательство. Неисполнение является неправомерным, неисполнение можно рассматривать как особый вид правонарушения». «Советское гражданское право», учебник для юридических высших учебных заведений, 1950, т. I, стр. 428; И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, Юриздат, 1950, стр. 291.

² См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 389, и «Гражданское право», учебник, 1944, т. I, стр. 317.

³ См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 389.

§ 2. Социально-экономическое значение обязательств из причинения вреда

1. Обязательства из причинения вреда служат средством осуществления весьма важных политических, хозяйственных и культурно-воспитательных задач.

Они позволяют восстанавливать за счет лица, ответственного за вред, материальные блага, нарушенные противоправным действием: заменять новыми уничтоженные, исправлять поврежденные, испорченные вещи, являющиеся объектом социалистической собственности или личной собственности граждан.

Тем самым они служат одним из средств охраны как социалистической собственности — священной и неприкосновенной основы советского строя, так и личной собственности, производной от собственности социалистической.

Эти функции обязательств из причинения вреда сближают их с государственным имущественным страхованием.

Обязательства из причинения вреда играют важную роль в деле возмещения имущественного вреда в тех случаях, когда такой вред есть следствие нарушения нематериальных благ граждан.

Они являются одним из средств восстановления за счет лица, ответственного за вред, здоровья граждан и их трудоспособности, нарушенных противоправным действием другого лица. Если следствием таких действий является смерть потерпевшего, обязательства из причинения вреда служат одним из средств обеспечения лиц, состоявших на иждивении умершего.

Эти функции обязательств из причинения вреда сближают их с социальным страхованием и социальным обеспечением и с государственным личным страхованием¹.

Обязательства из причинения вреда служат также средством возмещения имущественного вреда, с которым оказывается связано противоправное нарушение таких нематериальных благ советских граждан, как имя, честь, авторство литературного, научного или художественного произведения, авторство изобретения или технического усовершенствования.

Общим образом следует сказать: всякий раз, когда умаление противоправным действием (не представляющим неисполнения обязательства) материального или нематериального блага другого лица является вредом имущественным, — между лицом, по своей вине, а в отдельных случаях и без вины совершившим такое действие (или между тем, кто в силу закона обязан отвечать вместо этого лица), и потерпевшим возникает обязательство из причинения вреда: причинивший вред (или лицо, по закону от-

¹ Сказанное в дальнейшем о социальном страховании относится также и к социальному обеспечению, а равно и к взаимному страхованию членов промыслово-кооперативных артелей и членов артелей кооперации инвалидов.

ответственное за вред) обязаны возместить вред в соответствии со ст. ст. 403—415 ГК.

В наиболее общей форме это положение выражено в ст. 403 ГК РСФСР: «Причинивший вред личности или имуществу другого обязан возместить причиненный вред. Он освобождается от этой обязанности, если докажет, что он не мог предотвратить вреда, либо что был уполномочен на причинение вреда, либо что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего».

Понятно, что установление законом ответственности за всякий имущественный вред, виновно, а иногда и без вины причиненный другому, является важным средством укрепления социалистической законности, усиления внимания к правовым постановлениям, устанавливающим меры охраны социалистической собственности, а равно и к постановлениям, направленным на охрану материальных и нематериальных благ граждан. Оно является средством укрепления тщательного, бдительного отношения к исполнению таких постановлений.

Тем самым установленная законом ответственность за имущественный вред, причиненный другому, является и весьма важным средством воспитания в гражданах навыков внимательного, бережного отношения к чужим материальным и нематериальным благам.

Можно сказать больше: определенные черты организации ответственности за имущественный вред, причиненный другому (см. главу XI), воспитывают в гражданах и навыки бережного отношения к своему имуществу, к своему здоровью и к другим охраняемым советским правом благам. Ибо поведение потерпевшего учитывается судом при разрешении вопроса об ответственности причинителя вреда.

В своей превентивной, воспитательной функции обязательства из причинения вреда сближаются с наказанием, налагаемым в силу постановлений уголовного законодательства.

Связанные, таким образом, с другими институтами гражданского, трудового (социальное страхование), а также уголовного права, обязательства из причинения вреда являются, однако, самостоятельным институтом советского гражданского права, который особым средством — возмещением вреда лицом, по закону ответственным за вред, — достигает целей, общих ему с некоторыми другими институтами советского гражданского права, а также с некоторыми институтами других отраслей советского права.

Возмещение вреда лицом, по закону ответственным за вред, как непосредственная задача обязательств из причинения вреда, отличает их от страхования, государственного и социального, на основе которого в руках государства сосредоточиваются круп-

ные суммы, складывающиеся из мелких взносов страхователей и обеспечивающие вместе с суммами, отпускаемыми по государственному бюджету, возможность покрытия потерь, возникающих вследствие определенных несчастных случаев у отдельных страхователей или лиц, в пользу которых произведено страхование.

Из этого отличия вытекают и отличия условий, в которых возникают согласно закону обязательства из причинения вреда, с одной стороны, и ответственность страховщика — с другой.

С установлением по закону ответственности за вред, причиненный другому, неразрывно связана проблема вины причинителя вреда, а также проблема учета виновного поведения потерпевшего.

В отношениях, вытекающих из государственного страхования, вопрос о вине возникает только в случаях, когда Госстрах освобождается от ответственности вследствие того, что наступление страхового случая вызвано умыслом или грубой небрежностью страхователя или выгодоприобретателя (ст. 393 ГК), и в случаях, когда Госстрах осуществляет право регресса к лицу, вызвавшему своими действиями наступление страхового случая (ст. 395 ГК).

Социальное страхование является формой материального обеспечения трудящихся, закрепленной ст. 120 Конституции СССР. Поэтому право трудящегося на получение установленных законом выплат от органов социального страхования возникает независимо от вины организации или лица, в сфере деятельности которых трудящемуся причинен вред, и даже независимо от обнаружения причинителя вреда (ст. 176 КЗоТ). В то же время даже и грубая неосторожность (небрежность) трудящегося, содействовавшая наступлению несчастного случая, повлекшего за собой увечье или смерть трудящегося, не лишает его, а в случае его смерти — его иждивенцев права на получение соответствующих платежей от органов социального страхования.

Обязательства из причинения вреда отличны и от наказания. Наказание, по общему правилу (кроме штрафа, конфискации), осуществляет свои воспитательные задачи в отношении преступника путем непосредственного воздействия на его личность. Угрозой такого воздействия осуществляется и задача общего предупреждения. Обязательства из причинения вреда непосредственно воздействуют не на личность, а на имущественную сферу правонарушителя. Угрозой имущественной ответственности осуществляют они и задачу предупреждения правонарушений.

Отличные от отношений, вытекающих из страхования, с одной стороны, и от наказания — с другой, обязательства из причинения вреда соприкасаются, однако, как со страхованием, государственным и социальным, так и с наказанием.

Если вред причинен уничтожением или повреждением вещи, застрахованной в порядке государственного имущественного страхования, то возникает вопрос о соотношении ответственности Госстраха и лица, ответственного за вред (см. гл. II).

Если причинены увечье или смерть трудящегося, застрахованного в порядке социального страхования, то возникает вопрос о соотношении права трудящегося или его иждивенцев на получение платежей от органов социального страхования с правом на возмещение им вреда лицом, ответственным за вред (см. гл. II, XIII).

Однородный вопрос возникает, если потерпевший застрахован в порядке государственного личного страхования (см. гл. II).

Обязательства из причинения вреда соприкасаются с наказанием в тех случаях, когда вред причинен действием, запрещенным под страхом наказания. В таких случаях уголовная ответственность сочетается с гражданской ответственностью за вред. При этом нередки случаи, когда гражданскую ответственность за вред, причиненный наказуемым действием, несет не лицо, совершившее такое действие, а другое лицо, по закону ответственное за вред. В таких случаях возникает и вопрос о регрессе к причинителю вреда (см. гл. II, VI, VII, VIII).

Сочетание обязательств из причинения вреда с отношениями, возникающими из государственного или социального страхования, с одной стороны, и с наказанием — с другой, обеспечивает наилучшее осуществление задач, общих для этих институтов, средствами, присущими каждому из них.

Следует подчеркнуть различие в значении обязательств из причинения вреда и обязательств из договоров, из односторонних сделок и административных актов планирования.

Обязательства из договоров, так же как обязательства из односторонних сделок, — а в некоторых областях хозяйственной жизни и обязательства, возникающие непосредственно из административных актов планирования, — служат правовой формой нормальных хозяйственных связей между участниками советского гражданского оборота.

Более того, договор между социалистическими организациями есть «лучшее средство сочетания хозяйственного плана и принципов хозрасчета»¹.

Делу выполнения народнохозяйственных планов служат и обязательства, возникающие между социалистическими организациями в предусмотренных законом случаях непосредственно из административных актов планирования.

Договоры между социалистическими организациями и гражд-

¹ В. М. Молотов, В борьбе за социализм (речи и статьи), Партиздат, 1935, стр. 258.

данами также служат орудием выполнения народнохозяйственных планов.

Служа орудием выполнения народнохозяйственных планов, все договоры социалистических организаций являются и одним из важнейших средств неуклонного повышения материального и культурного уровня жизни трудящихся.

В некоторых областях хозяйственных отношений (как, например, в колхозной торговле, в области отношений, связанных с личной собственностью на жилой дом) играют немалую роль и договоры между гражданами.

Договор (как и односторонняя сделка) совершается, определенный акт планирования издается для того, чтобы соответствующее обязательство возникло.

Иное следует сказать об обязательствах из причинения вреда. Эти обязательства возникают из действий, нарушающих как советское право, так и нормальные хозяйственные отношения. Непосредственной целью обязательств из причинения вреда является устранение последствий такого нарушения, восстановление нормального правового и хозяйственного положения.

Понятно поэтому, что обязательства из договоров (и односторонних сделок), так же как и обязательства из административных актов планирования, регламентируются законом не только так, чтобы, возникнув, такие обязательства неуклонно исполнялись, но и так, чтобы такие обязательства при наличии соответствующих предпосылок возникали.

Обязательства же из причинения вреда регламентируются законом так и для того, чтобы, возникнув, они неуклонно исполнялись, и вместе с тем так и для того, чтобы неуклонная реальность их исполнения была одним из основных факторов сокращения числа случаев возникновения таких обязательств.

Служа средством охраны материальных и нематериальных благ и средством предупреждения их нарушений, обязательства из причинения вреда тем самым служат и средством охраны разнообразных правоотношений, связанных с этими благами, средством предупреждения нарушения этих правоотношений.

Охраняя разнообразные правоотношения социалистического общества, предупреждая и искореняя их нарушение, обязательства из причинения вреда служат и делу осуществления тех целей, на которые согласно закону направлены эти правоотношения в соответствии с разнообразнейшими политическими, хозяйственными и культурными задачами, разрешаемыми Советским государством на пути построения коммунизма.

2. Как учит товарищ Сталин, «...надстройка порождается базисом»¹.

¹ Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 4.

Совершенно очевидно, что институт обязательств из причинения вреда, служащий прежде всего средством охраны социалистической собственности, мог возникнуть лишь в обществе, для которого социалистическая собственность является священной и неприкосновенной экономической основой, источником богатства и могущества, источником зажиточной и культурной жизни всех членов этого общества.

Понятно, что только в обществе, где собственность отдельного гражданина является личной собственностью, создаваемой личным трудом, и где она не может стать основой эксплуатации чужого труда, институт обязательств из причинения вреда, охраняя собственность гражданина, охраняет тем самым и его личность. Ибо и сам институт личной собственности служит одним из средств развития личности в сочетании с интересами социалистического общества, — личности гражданина — строителя коммунизма.

Наконец, совершенно ясно, что только в обществе, где на основе социалистической собственности устранены противоречия классов, для которого «из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди»¹, — только в таком обществе обязательства из причинения вреда служат подлинным средством охраны жизни и здоровья человека, а не демагогическим прикрытием эксплуатации.

Но если надстройка порождается базисом, то «...это вовсе не значит, — подчеркивает товарищ Сталин, — что она только отражает базис, что она пассивна, нейтральна... Наоборот, появившись на свет, она становится величайшей активной силой»² и, став этой силой, воздействует на базис.

Воздействие надстройки на базис есть сложный процесс, — прежде всего потому, что сложна сама надстройка.

Товарищ Сталин характеризует надстройку как «...политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды общества и соответствующие им политические, правовые и другие учреждения»³. «Специфические особенности надстройки состоят в том, что она обслуживает общество политическими, юридическими, эстетическими и другими идеями и создает для общества соответствующие политические, юридические и другие учреждения»⁴.

Таким образом, надстройка — это политические, правовые, религиозные, художественные, философские взгляды, идеи. Она

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 491.

² Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 4—5.

³ Там же, стр. 3.

⁴ Там же, стр. 30.

создает и соответствующие этим взглядам или идеям политические, правовые и другие учреждения.

При этом очевидно, что если каждая из частей надстройки воздействует на базис, а политические, правовые и другие учреждения соответствуют политическим, правовым, религиозным и другим взглядам общества, его идеям, то и учреждения не могут не воздействовать на взгляды, идеи, которым они соответствуют.

Тем самым воздействие политических, правовых и других учреждений на базис является двояким: непосредственным и при посредстве взглядов, идей, которым, с одной стороны, соответствуют учреждения и которые, с другой стороны, подпадают под воздействие учреждений.

Это двоякое воздействие отчетливо выступает в обязательствах из причинения вреда.

Установленная законом ответственность за вред, причиненный социалистической собственности, не может не служить важным непосредственным стимулом к воздержанию от причинения такого вреда. Институт обязательств из причинения вреда непосредственно содействует неуклонному укреплению экономической основы советского социалистического общества, его базиса.

В то же время неуклонное применение правовых постановлений об ответственности за вред, причиненный социалистической собственности, усиливает и сознание политического, этического, хозяйственного значения обязанностей каждого гражданина беречь и укреплять социалистическую собственность, закрепленных ст. 131 Конституции СССР. Тем самым обязательства из причинения вреда содействуют и обеспечению такого поведения граждан, которое ведет к новому усилению охраны социалистической собственности. А одним из последствий такого поведения является и возникновение новых правовых институтов, в свою очередь стимулирующих поведение, направленное на охрану и укрепление социалистической собственности. Таков, в частности, сложившийся в судебной практике и ждущий своего закрепления и развития законодательством институт обязательств из предотвращения вреда, угрожающего социалистической собственности¹.

В определении по делу Марцинюка с Дзержинской железной дорогой (1940 г.) о возмещении дорогой вреда, понесенного Марцинюком, когда, проезжая по Дзержинской ж. д., он по своему почину принял участие в тушении пожара, возникшего в поезде, стоявшем на соседнем пути, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала: «Хотя раздел XIII Гражданского кодекса об обязательствах, возникших вследствие причинения другому вреда, не предусматривает прямо ответствен-

¹ См. С. Н. Ланктоф, Новая категория обязательств в советском гражданском праве — Юридический сборник Киевского государственного университета № 3, Киев, 1948, стр. 99 и сл.

ности в таких случаях предприятия, однако отказ в иске Марцинюку по этому формальному основанию является неправильным... Марцинюк действовал в данном случае не в личных интересах, а в интересах государственной социалистической собственности, обязанность беречь и укреплять которую составляет долг каждого гражданина согласно ст. 131 Конституции СССР. Поэтому суд должен был, руководствуясь ст. 4 Гражданского процессуального кодекса, возложить на железную дорогу, в целях охраны имущества которой действовал Марцинюк, обязанность возместить Марцинюку понесенный им личный имущественный вред»¹.

Иначе говоря, Судебная коллегия признала, что так как глава XIII раздела «Обязательственное право» Гражданского кодекса РСФСР исходит из обязанности каждого гражданина охранять и укреплять социалистическую собственность, то известная неполнота постановлений ГК не может при наличии ст. 4 ГПК служить основанием к отказу в иске о возмещении вреда, понесенного человеком вследствие действий, совершенных им для предотвращения другого вреда, признаваемого им более важным: вреда, грозившего социалистической собственности. Так, отправляясь от существа главы XIII раздела «Обязательственное право» Гражданского кодекса, Судебная коллегия положила начало развитию нового института — обязательств из предотвращения вреда социалистической собственности.

С полной отчетливостью выступает этот институт и в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по рассмотренному в 1949 году делу Бычковой-Гончаренко с обществом «Динамо».

Инженер Бычков, проживая на территории стадиона «Динамо», принял участие в тушении пожара, охватившего склады с имуществом общества «Динамо», и погиб, спасая это имущество. В определении по названному выше делу о возмещении вреда семье Бычкова, потерявшей с его смертью кормильца, Судебная коллегия указала:

«Следуя принципам социалистической морали и указаниям Сталинской Конституции о всемерной охране и укреплении общественной социалистической собственности, Бычков совершил самоотверженный поступок и выполнил свой гражданский долг. При таких условиях спортивное общество «Динамо», имущество которого, жертвуя своей жизнью, спасал Бычков, не должно оставаться безучастным к положению семьи Бычкова, лишившейся кормильца, и, исходя из конкретных обстоятельств данного случая, народный суд правильно признал ответчика обязанным возместить вред, понесенный семьей погибшего Бычкова».

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1940 г., стр. 224.

Предотвращение вреда, угрожающего социалистической собственности, стало нормой социалистической морали. В связи с этим обязательства из предотвращения вреда, угрожающего социалистической собственности стали самостоятельным институтом советского гражданского права и должны найти свое выражение в особых постановлениях закона.

В развитии этого института, как это видно и из определений Судебной коллегии Верховного суда СССР, существенную роль сыграли обязательства из причинения вреда.

Порожденный базисом советского общества институт обязательств из причинения вреда, непосредственно направленный на охрану социалистической собственности и, следовательно, непосредственно воздействующий на базис, содействует и укреплению в сознании граждан значения этой охраны. Тем самым он содействует и совершению поступков, направленных на предотвращение вреда, угрожающего социалистической собственности. Совершение таких поступков ведет к возникновению нового института — обязательств из предотвращения вреда социалистической собственности, — института, направленного на дальнейшее укрепление социалистической собственности, т. е. на дальнейшее укрепление базиса советского социалистического общества.

Несомненно, существенное воздействие оказывает на базис советского социалистического общества и установленная гл. XIII раздела «Обязательственное право» Гражданского кодекса РСФСР ответственность предприятий за причинение смерти или повреждение здоровья трудящихся.

Благодаря неуклонному оздоровлению труда в СССР производственный травматизм за годы сталинских пятилеток сократился в три раза, а в машиностроении, в черной металлургии, в химической промышленности — в четыре раза. Резко сократилось и число профессиональных заболеваний, а некоторые из них исчезли полностью («меднолитейная лихорадка», свирепствовавшая на всех литейных заводах царской России, «судорожная болезнь», поражавшая раньше рабочих металлургических, стекольных, сахарных заводов)¹.

В этом процессе оздоровления условий труда решающую роль играют соответствующие мероприятия Коммунистической партии и постановления советского трудового законодательства об охране труда, поставление советской передовой науки на службу советскому хозяйству, возрастающие с каждым годом государственные ассигнования на охрану труда и вовлечение профсоюзами целой армии активистов в дело борьбы за охрану труда. Но существенную роль играет и неуклонное применение

¹ См. «Советское трудовое право», учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов, под ред. проф. Н. Г. Александрова, М., 1949, стр. 233—234.

постановлений гражданского законодательства об ответственности предприятий за смерть и повреждение здоровья трудящихся.

Это подчеркнуто постановлением Президиума ВЦСПС от 25 декабря 1936 г.¹, обязавшим ЦК профсоюзов предъявлять регрессные иски к предприятиям, в сфере деятельности которых несчастный случай повлек за собой смерть или повреждение здоровья трудящегося. Ибо неуклонное предъявление таких исков является важным стимулом к принятию мер, предотвращающих несчастные случаи.

А предотвращение несчастных случаев в деятельности социалистических предприятий есть не только средство охраны жизни и здоровья трудящихся, но и одно из средств, обеспечивающих бесперебойную и планомерную работу предприятий, направленную на неуклонный рост экономической мощи нашей страны.

Таким образом, в функционировании института обязательств из причинения вреда с величайшей отчетливостью выступает взаимодействие базиса советского социалистического общества и его правовой надстройки.

§ 3. Обязательства из причинения вреда в буржуазном гражданском праве

«Всякий базис имеет свою, соответствующую ему надстройку... капиталистический базис имеет свою надстройку, социалистический — свою»².

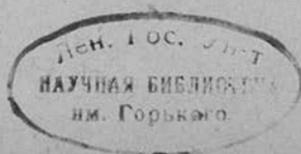
Принципиальная противоположность между социалистическим базисом и базисом капиталистическим определяет и противоположность надстройки, соответствующей социалистическому базису, с одной стороны, и капиталистическому базису — с другой.

Понятно, что и обязательствам из причинения вреда советского гражданского права, — как части правовой надстройки над социалистическим базисом, принципиально противоположен институт, соответствующий ему в буржуазном гражданском праве, как часть правовой надстройки над капиталистическим базисом.

«Обязательства из деликтов» во французском праве, «обязательства из недозволенных действий» в германском гражданском уложении, «обязательства из правонарушений» в праве англо-американском — при значительном числе технико-юридических различий между ними — тождественны в своем классовом содержании: они служат средством защиты капиталистической

¹ «Бюллетень ВЦСПС» 1937 г. № 1, цит. по книге Л. Майданика — «Регрессные иски профсоюзов и иски потерпевших к предприятиям», Профиздат, М., 1946, стр. 5.

² Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, изд. «Правда», 1950, стр. 3.

собственности (главным образом, крупной), а в период империализма стали средством служения интересам монополий и особенно широко используются в качестве орудия борьбы против рабочего класса.

В целях наиболее широкой защиты интересов крупных собственников все системы буржуазного права в тех или иных пределах допускают имущественное возмещение неимущественного, так называемого «морального» вреда.

Самая неопределенность понятия «морального» вреда дает возможность использовать это понятие во всех случаях, где это представляет интерес с точки зрения крупного капитала. В период империализма возмещение «морального» вреда играет важную роль в борьбе монополий между собой и с аутсайдерами.

Признается подлежащим возмещению «моральный» вред, заключающийся в «нарушении деловой репутации», в «подрызе кредита», в «подрыве доверия публики».

Такой вред возмещается и в Англии и в США и особенно широко во Франции, где суды после первой мировой войны стали возлагать на профессиональный союз возмещение «морального» вреда, причиненного предпринимателю забастовкой, которой руководил союз.

В то же время на предпринимателя никогда не возлагается возмещение «морального» вреда рабочему в связи с исполнением им служебных обязанностей (см. гл. II).

Чрезвычайно неопределенным является в буржуазном праве и понятие противоправного действия, которое влечет за собою обязанность возместить причиненный этим действием вред. Практически суд имеет возможность признать или отвергнуть противоправность любого действия. Ибо критерии оценки действия, причинившего вред, устанавливаются не только законом, но — в силу «каучуковых норм» закона — также и «добрыми нравами», требованиями «нравственности», «общественным порядком».

Особенно широки возможности английских и американских судов, которые применяют до сих пор прецеденты, сложившиеся в условиях феодализма.

Понятно, что во всех случаях такие широкие возможности используются судами всех империалистических стран в интересах монополистического капитала (см. гл. II).

Тем же интересам служат и антинаучные «юридические теории» причинности, выдвигаемые в буржуазной литературе для прикрытия маневров суда, признающего или отвергающего наличие причинной связи между противоправным действием и вредом, исходя из того конкретного интереса крупного капитала, которому должно служить решение по данному делу (см. гл. IV).

Особенно цинично проявляется эксплуататорская природа буржуазного гражданского права в обязательствах возмещения

предпринимателем вреда, понесенного рабочим при исполнении им служебных обязанностей.

Специальные законы, изданные во второй половине XIX и в XX вв., устанавливают ответственность предпринимателя «по принципу причинения» и таким образом расширяют ее по сравнению с ответственностью, регулируемой общими нормами закона, исходящими из «принципа вины».

Но в то же время ни один из этих законов не обеспечивает рабочему или служащему полного возмещения вреда. По французскому закону 1898 года рабочий или служащий получает возмещение определенной законом части понесенного им вреда. По законам Англии и США он получает возмещение вреда в размере, не превышающем заработной платы за определенное число лет. В оправдание этого положения выдвинута и «научная теория»: предприниматель и рабочий «несут совместно риск», связанный с работой на предприятии, рабочий «принимает на себя этот риск», поступая на работу в предприятие.

Однако «теория совместного риска» не применяется в тех случаях, когда вред причинен предпринимателю рабочим или служащим в связи с исполнением им служебных обязанностей. Рабочий или служащий обязан возместить этот вред полностью.

Таким образом, обязательства из причинения вреда буржуазного гражданского права отражают эксплуататорскую сущность этого права с особым цинизмом и величайшей жестокостью.

ГЛАВА II

ВРЕД

§ 1. Вред, подлежащий возмещению по ст.ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик

1. Вредом называется, как уже сказано, уничтожение или умаление охраняемого советским правом блага.

Таковыми благами являются разнообразнейшие материальные вещи, а также нематериальные блага — жизнь, здоровье, имя, честь советских граждан, авторство литературных, научных или художественных произведений, авторство технических изобретений и усовершенствований.

При существовании товарно-денежной формы хозяйственных связей уничтоженное или поврежденное материальное благо может быть заменено другим, однородным и равноценным благом, путем оплаты деньгами нового приобретаемого блага, либо восстановлено путем оплаты деньгами материалов и труда, необходимых для восстановления умаленного блага.

Иной является природа нематериальных благ.

Жизнь человека ни восстановить, ни «возместить» невозможно. Но для окружающих эта смерть может быть связана и с умалением материальных благ, если эти лица состояли на иждивении умершего. Материальные блага, разумеется, возместимы и в этих случаях.

Утрата трудоспособности, тяжело поражая моральный мир человека, не может не отражаться и на материальных условиях его жизни: утрачена или ограничена возможность осуществления права на труд, утрачен или ограничен источник материальных средств существования человека. Утраченные или умаленные материальные блага поддаются возмещению и в этих условиях, а утраченная трудоспособность может оказаться и восстановленной за счет оплаты лекарств, лечения в санатории и т. п.

Невозместим в деньгах вред, который заключается в умалении чести гражданина, в умалении уважения к нему со стороны окружающих под влиянием распространенных о нем порочащих сведений, не соответствующих действительности. Но возместим в деньгах вред, заключающийся, например, в том, что под влиянием умаляющих честь сведений, оказавшихся ложными, учреждение

или предприятие уволило потерпевшего со службы или разорвало другие деловые отношения с ним.

Невозместим в деньгах вред, причиненный автору тем, кто ряд его сограждан считает автором его произведений другое лицо, которое присвоило себе авторство этих произведений. Но возместим в деньгах вред, заключающийся в том, что автор потерял гонорар, полученный вместо него тем, кто присвоил себе его авторство.

Иначе говоря, если умаление материальных благ представляет собою вред, поддающийся выражению и возмещению в деньгах, то и умаление нематериальных благ может быть связано с таким же вредом.

Вред, который может быть выражен и возмещен в деньгах, называют, как указано выше, имущественным вредом; вред, который не может быть возмещен в деньгах, называют неимущественным вредом.

Иногда употребляется выражение «личный вред» или «вред, причиненный личности». Смысл, придаваемый этому выражению, не всегда одинаков. В одних случаях под личным вредом понимается неимущественный вред. В других случаях личным вредом называют имущественный вред, но причиненный путем противоправного воздействия на личность человека: причинение смерти, повреждение здоровья и т. п.

Денежное выражение имущественного вреда называется убытком.

Убыток может выражаться либо в утрате материальной ценности, которой потерпевший обладал, — положительный ущерб (ст. 117 ГК), либо в неполучении потерпевшим материальной ценности, на получение которой потерпевший мог с достаточным основанием рассчитывать, если бы не было совершено действие, причинившее ему вред, — упущенная выгода (ст. 117 ГК).

Обязательства из причинения вреда советского гражданского права являются, как уже сказано, обязательствами возмещения только имущественного вреда.

Понятно, что обязывая к возмещению имущественного вреда, причиненного не только умалением материальных благ, но также и умалением благ нематериальных, советское гражданское право тем самым охраняет и нематериальные блага: создается мощный стимул к воздержанию от действий, умаляющих нематериальные блага.

Но нематериальные блага охраняются и другими средствами советского гражданского права (наряду с охраной их правом уголовным и административным). Честь гражданина находит себе охрану в решениях суда, признающих несоответствующими дей-

ствительности распространенные об истце порочащие сведения. Таковы, в частности, судебные решения по трудовым делам об изменении формулировок оснований к увольнению с работы.

Авторство охраняется судебными решениями о признании авторства¹.

Большое значение для охраны нематериальных благ имеют решения суда, воспреещающие дальнейшее совершение ответчиком действий, умаляющих такие блага (например, распространение издания, воспроизводящего с грубыми ошибками научное или литературное произведение истца, и т. п.). Весьма существенны судебные решения, обязывающие ответчика совершить действие, предотвращающее повторение нарушения нематериального блага (например, решение, обязывающее уничтожить дефектный тираж издания определенного произведения).

В тех случаях, когда нарушение чести или авторства является одновременно и причинением вреда, возместимого в деньгах, потерпевший вправе предъявить в суде двойное требование: 1) о признании судом разглашенных порочащих потерпевшего сведений не соответствующими действительности и 2) о возмещении причиненного ему разглашением этих сведений имущественного вреда. Равным образом в случаях, когда выдавший себя за автора чужого произведения причинил тем самым действительному автору также и имущественный вред (например, получив причитающийся автору гонорар), потерпевший вправе предъявить в суде два требования: 1) о признании потерпевшего автором данного произведения или изобретения и 2) о возмещении имущественного вреда, причиненного ему фактом присвоения его авторства другим лицом. Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 8 октября 1928 г. об авторском праве (СУ 1928 г. № 132, ст. 861) отчетливо различает два вида требований автора. Статья 11 этого постановления говорит: «авторское право подлежит защите от нарушения также и в тех случаях, когда с нарушением его не связаны определенные имущественные интересы. Независимо от возмещения убытков, автор вправе требовать совершения таких действий, которые необходимы для удовлетворения законных интересов автора». А статья 10 поясняет: «убытки, причиненные нарушением авторского права, подлежат возмещению согласно правилам главы XIII Обязательственного права Гражданского Кодекса РСФСР».

2. На то, что обязательства из причинения вреда советского гражданского права являются обязательствами возмещения только имущественного вреда, указывает несомненный смысл ст. 410

¹ См., например, решения Верховного суда СССР по спору об авторстве, опубликованные в «Советской юстиции» 1939 г. № 21—22 и 1940 г. № 23—24.

ГК РСФСР: «Возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно, в возмещении причиненных убытков», т. е. в денежном возмещении причиненного вреда.

В литературе советского гражданского права иногда пытались обосновать однородный с только что высказанным взгляд также и ссылкой на то, что ст. 403 и ряд других статей гл. XIII раздела «Обязательственное право» советских гражданских кодексов говорят о «возмещении вреда», а не о «вознаграждении за вред». При этом указывали, что если в отличие от других статей ст.ст. 409 и 415 ГК говорят не о возмещении вреда, а о «вознаграждении за вред», то это якобы объясняется тем, что в этих статьях речь идет о вреде, причиненном личности и потому трудно переводимом на деньги и по существу невозместимом.

Однако и в ст. 409 ГК говорится не о том невозместимом в деньгах «вреде личности», каким является смерть человека, а только о возмещении имущественного вреда, связанного со смертью человека. Статья 409 предоставляет право на получение «вознаграждения» тем, кто состоял на иждивении лица, которому причинена смерть, и кто не имеет других средств существования. А ст. 415, устанавливающая объем права на «вознаграждение» в случае смерти или повреждения здоровья лица, не застрахованного в порядке социального страхования, определяет этот объем путем отсылки к ст. 414, регулирующей право на «возмещение» имущественного вреда, причиненного смертью или повреждением здоровья лиц, застрахованных в порядке социального страхования.

Выражение «вознаграждение за вред» употребляет также и ст. 411 ГК, которая содержит правило исчисления судом сумм, присуждаемых на основании статей 403—415 ГК.

Эти суммы названы в ст. 411 «вознаграждением». Но при этом сказано, что суд применяет правило ст. 411 во «всех случаях» определения размера «вознаграждения». Очевидно, здесь имеются в виду также и случаи применения судом статей гл. XIII раздела ГК «Обязательственное право», говорящих не о «вознаграждении» за вред, а о «возмещении» вреда. Ибо о каких «всех случаях» определения размера «вознаграждения» за вред может идти речь, если о «вознаграждении» говорят только ст. ст. 409 и 415, причем последняя отождествляет, по существу, предусматриваемое ею «вознаграждение» с «возмещением», о котором идет речь в ст. 414?

Совершенно понятно, что для ГК слова «вознаграждение за вред» и «возмещение вреда» имеют тождественное значение.

Независимо от того, какое из этих выражений употребляется той или иной статьей гл. XIII раздела «Обязательственное право» советских гражданских кодексов, все эти статьи всегда имеют в

виду только имущественный вред, в том числе и имущественный вред, причиненный нарушением нематериального блага.

Так неизменно понимаются эти статьи в судебной практике. Разъясняя порядок применения ст. 409 ГК, п. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. говорит: «Возмещение (разрядка моя. — Е. Ф.) за вред в этих случаях определяется судом в соответствии с той частью заработка умершего, которая приходилась на содержание членов семьи или иждивенцев». Указывая порядок исчисления вреда, подлежащего возмещению в силу ст. ст. 413 и 414 ГК, п. 6 того же постановления Пленума Верховного суда говорит, что «возмещение вреда, причиненного повреждением здоровья (увечье) производится в виде присуждения убытков, связанных с потерей потерпевшим заработка». Следовательно, к возмещению убытков сводится и «вознаграждение», предусматриваемое ст. 415 ГК, ибо ст. 415 прямо отсылает к ст. 414.

Таким образом, Пленум Верховного суда считает выражения «вознаграждение за вред» и «возмещение вреда» тождественными по смыслу во всех постановлениях ГК и относит все эти постановления без исключения только к случаям причинения имущественного вреда.

Ввиду сказанного следует признать, что в ст. 403, устанавливающей общее правило об обязанности «причинившего вред личности или имуществу» возместить этот вред, под «вредом личности» понимается имущественный вред, причиненный противоправным воздействием на личность потерпевшего.

Статья 403 различает не два вида вреда, а два вида благ, противоправным воздействием на которые может быть причинен имущественный вред: материальные блага и нематериальные блага, неотделимые от личности потерпевшего.

Следует также думать, что в будущем гражданском кодексе СССР, в постановлении, призванном заменить нынешнюю ст. 403 ГК РСФСР, целесообразно установить общее правило «о возмещении имущественного вреда». Раскрывая значение слов «имущественный вред», Гражданский кодекс СССР должен будет с ясностью показать, что ответственность за такой вред охраняет как материальные блага государственных и общественных организаций и граждан СССР, так и блага нематериальные в тех случаях, когда нарушением нематериального блага причинен имущественный вред.

3. Имущественное возмещение неимущественного вреда, которое по существу представляет собою перевод на деньги таких благ, как жизнь, здоровье, честь, творческие достижения человека, несовместимо с основными воззрениями советского социалистического общества, с его высоким уважением к личности человека.

4. Подлежащий возмещению вред должен быть вредом личным, еще не возмещенным. Если причинивший вред заменил поврежденное им благо другим равноценным, привел поврежденное им благо в то же состояние, в каком оно находилось до причинения вреда, либо предоставил потерпевшему денежные средства, необходимые для восстановления прежнего состояния, то обязательство из причинения вреда прекратилось исполнением¹.

Но если вред возмещен не его причинителем, а другим лицом? Непосредственной задачей обязательств из причинения вреда является возмещение имущественного вреда тому, кто понес вред.

Поэтому, если вред полностью возмещен потерпевшему не причинителем вреда, а другим лицом, хотя бы и не обязанным к такому возмещению, право потерпевшего на возмещение ему вреда прекратилось.

Но если вред возмещен лицом, не обязанным к возмещению вреда вместо причинителя, то между возместившим вред и причинителем вреда возникает обязательство из «деятельности в чужом интересе без поручения» или из «ведения чужих дел без поручения»². Причинитель вреда обязан возратить лицу, возместившему вред, суммы, уплаченные в соответствии с размером подлежащего возмещению вреда: Таким образом, осуществляется и воспительная функция обязательств из причинения вреда.

Если вред возмещен вместо причинителя лицом, которое было обязано к такому возмещению в силу закона, то, кроме случая, когда причинителем вреда является недееспособный, не несущий ответственности за причиняемый им вред, или несовершеннолетний, вместо которого в определенных случаях отвечают его родители или попечитель, — у возместившего вред также возникает право регресса к лицу, виновными действиями причинившему вред. В конечном итоге вред возмещается тем, кто его виновно причинил (см. гл. VI, VII, VIII).

Однако часто вред возмещается вместо причинителя вреда лицом, обязанным к такому возмещению не в силу закона, а в силу правоотношения, в котором это лицо состоит с потерпевшим или с причинителем вреда в целях несения ответственности вместо

¹ Судебная коллегия Верховного суда СССР по уголовным делам разъяснила 17 июня 1944 г. по делу Саркисяна, что «по делам о хищениях материальный ущерб подлежит взысканию только в том случае, если похищенные предметы не возвращены законным владельцам» (Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1944 г., стр. 192—193).

² В. А. Рясенцев, «Ведение чужого дела без поручения», — Ученые записки МГУ, вып. 116, — Труды юридического факультета, 1946, стр. 101 и сл.

последнего. Это — все те случаи, в которых вред возмещается потерпевшему страховщиком.

Понятно, что с полным возмещением вреда страховщиком право требования потерпевшего к причинителю вреда отпадает. Но не отпадает обязанность причинителя возместить причиненный им вред: страховщик вправе предъявлять соответствующее требование к причинителю вреда по праву регресса. Именно так разрешает советское гражданское право вопрос о соотношении возмещения вреда и страхования, когда дело идет о вреде, причиненном уничтожением или повреждением материальных вещей, застрахованных в порядке государственного имущественного страхования: в силу ст. 395 ГК РСФСР к страховщику, уплатившему страховое вознаграждение, переходят «притязания и права», которые имеют страхователь или выгодоприобретатель на возмещение им тех убытков, на покрытие которых выдано страховое вознаграждение.

Иначе решается вопрос, когда дело идет о личном государственном страховании. Личное государственное страхование не ставит себе цели возмещения вреда. «В личном страховании потребность, являющаяся результатом страхового случая, удовлетворяется по абстрактному мерилу. Самый размер этой потребности... заранее определен в известном отвлечении от различных конкретных возможностей твердой страховой суммой»¹. Иначе говоря, суммы, выплачиваемые Госстрахом при наступлении страхового случая, предусмотренного личным страхованием, представляют собою не возмещение вреда, а способ удовлетворения потребностей, которые могут возникнуть вследствие наступления страхового случая. Статья 367 ГК говорит о том, что страховщик «обязуется в случае наступления предусмотренного в договоре события (страхового случая) при имущественном страховании возместить страхователю или третьему лицу (выгодоприобретателю) понесенные ими убытки в пределах условленной по договору суммы (страховой суммы), при личном же страховании уплатить страховую сумму».

Поэтому получение страховой суммы, выплаченной Госстрахом по личному страхованию, не прекращает в лице потерпевшего право требования о возмещении ему вреда причинителем этого вреда. Госстрах, уплативший страховую сумму по личному страхованию, не приобретает права регресса к причинителю вреда.

Не являются возмещением вреда, хотя они именно так названы в ст. ст. 413 и 414 ГК РСФСР, и выплачиваемые органами социального страхования пособия по случаю временной утраты трудящимся трудоспособности и пенсии

¹ В. К. Райхер, *Общественно-исторические типы страхования*, изд. Академии наук, 1949, стр. 216—217.

по инвалидности или по случаю утраты кормильца семьи.

Лишь «применяя условно терминологию главы XI Гражданского кодекса РСФСР, посвященной имущественному и личному страхованию, осуществляемому через органы Госстраха, наше законодательство о социальном страховании называет предприятия и учреждения «страхователями», а рабочих и служащих — «застрахованными»¹.

Социальное страхование есть форма государственного материального обеспечения трудящихся, закрепленная ст. 120 Конституции СССР. С этой формой обеспечения неразрывно связаны и мероприятия по охране труда. Одним из средств стимулирования таких мероприятий со стороны предприятий и учреждений является право регресса органов социального страхования к предприятию или учреждению, в ходе деятельности которого трудящемуся причинен вред, послуживший основанием выплаты пособия или пенсии (об условиях возникновения этого права регресса см. гл. XIII).

Из юридической природы государственного личного страхования как способа удовлетворения возникающих вследствие страхового случая потребностей, с одной стороны, и социального страхования как формы государственного материального обеспечения трудящихся, с другой, вытекает и положение ст. 375-в ГК: суммы, уплачиваемые по социальному страхованию, и страховая сумма, уплачиваемая застрахованному по государственному личному страхованию, уплачиваются «независимо друг от друга и взаимному зачету не подлежат».

5. Как уже сказано, в судебной практике и в юридической литературе иногда различают «договорный вред» и «внедоговорный вред». Проводимое здесь различие не относится, однако, к существу вреда. Дело идет о различии действий, которыми причинен вред.

Под «договорным» вредом понимается вред, причиненный нарушением обязательства и подлежащий возмещению «в соответствии с условиями договора, существующего между сторонами (ст. ст. 117—122 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик), или же по правилам того закона, который регулирует данное правоотношение» (постановление Пленума Верховного суда СССР «О судебной практике по искам из причинения вреда» от 10 июня 1943 г.).

Под внедоговорным вредом понимают вред, причиненный, по выражению названного постановления Пленума Верховного суда

¹ «Трудовое право», учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов под ред. Н. Г. Александрова, Юриздат, 1949, стр. 314.

СССР, «вне договорных отношений» и подлежащий возмещению по ст. ст. 403—415 ГК.

Вопрос о различиях и соотношении ответственности за вред, причиненный неисполнением обязательств, с одной стороны, и за вред, причиненный «вне договорных отношений», — с другой, рассмотрен в гл. XV.

§ 2. Понятие вреда в буржуазном гражданском праве

Как уже указано, все системы буржуазного гражданского права допускают, — одни в более, другие в менее широких пределах, — имущественное возмещение неимущественного вреда. «Так как по внешности денег нельзя узнать, что именно превратилось в них, то в деньги превращается все...»¹: скорбь по поводу смерти родственников, обида, нанесенная супружеской изменой, «умаление достоинства» в конкурентной борьбе. Французские юристы Мазо, авторы едва ли не самого обширного в буржуазной юридической литературе исследования обязательств из причинения вреда, с полной откровенностью говорят: «Денег достаточно могущественны, чтобы быть иногда в состоянии возместить вред и в сфере моральной... Человек часто вынужден удовлетворяться эквивалентом. Наилучшим эквивалентом являются деньги, потому что, обладая деньгами, потерпевший располагает почти неограниченными возможностями»².

В полном соответствии с этим французские суды чрезвычайно широко присуждают возмещение «морального вреда».

Французская судебная практика признала подлежащим возмещению «моральный вред», причиненный родителям, потерявшим в железнодорожной катастрофе ребенка; мужу, оскорбленному изменой жены, — причем в этом случае возмещение вреда присуждается с «сообщника» жены.

С конца 20-х годов XX в. французские суды превратили возмещение «морального вреда» в орудие борьбы против рабочего класса. В ряде случаев с профессионального союза был присужден «моральный вред», причиненный предпринимателю забастовкой, которой руководил союз.

Используется имущественное возмещение «морального вреда» и в других реакционных политических целях: родителям присуждается возмещение «морального вреда», причиненного им посягательством преподавателей на религиозные чувства детей, членам семей детронированных монархов присуждается возмещение «морального вреда», причиненного им демонстрацией кинофиль-

¹ Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 138.

² Léon et Henri Mazeaud, Traité théorique et pratique de responsabilité contractuelle et delictuelle, 1934, т. 1, стр. 384, 387, 397—399.

мов, способных представить в смешном виде бывшую королевскую семью, и т. д.

Понятно, что во всех таких случаях размер подлежащего возмещению вреда определяется судом по свободному усмотрению, т. е. по произволу.

Очень характерен и тот единственный случай, в которой французская судебная практика считает исключенным имущественное возмещение неимущественного вреда: на почве толкования закона 9 апреля 1898 г. об ответственности предпринимателей за вред, понесенный рабочими при исполнении служебных обязанностей, судебная практика установила твердое правило о возмещении рабочему только вреда, выразившегося в умалении трудоспособности: «моральный вред» (обезображение, следы ожогов на лице, потеря зубов вследствие взрыва на предприятии и т. д.) рабочему не возмещается.

Широко допускает возмещение «морального вреда» также и прецедентное право Англии и еще шире — прецедентное право США.

В США возмещается и «моральный вред», причиненный распространением оказавшихся не соответствующими действительности сведений о неплатежеспособности другого лица, и «моральный вред», выразившийся в страданиях по поводу утраты любимой собаки, убитой другим лицом, и т. п.

Усмотреть или не усмотреть в любом случае наличие «морального» вреда и исчислить его размер так или иначе — все это вопросы, разрешаемые по свободному усмотрению суда.

А усмотрение буржуазного суда есть всегда особенно беззастенчивое, — даже без надобности ссылаться на закон, — проявление служения интересам крупного капитала, а в период империализма — интересам монополий. Поэтому институт возмещения «морального» вреда значительно укрепился в условиях общего распада буржуазной законности, характерного для периода империализма как для периода, когда суд и все буржуазное право в целом призваны оправдывать и поддерживать произвол монополий.

ГЛАВА III

ПРОТИВОПРАВНОСТЬ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

§ 1. Понятие противоправного действия в советском гражданском праве

1. Для того, чтобы причинение другому имущественного вреда служило основанием возникновения обязательства возместить этот вред, надо, чтобы вред был причинен противоправным действием. Действующие советские гражданские кодексы выражают это положение в отрицательной форме: ст. 403 ГК РСФСР говорит о том, что причинивший вред обязан его возместить, если он не докажет, что был «управомочен на причинение вреда».

Таким образом, предъявляя требование о возмещении вреда, потерпевший не обязан доказывать противоправный характер действия, которым ему причинен вред. Причинивший вред вправе доказывать, что действие, которым он причинил вред, было правомерно.

Вред, причиненный правомерным действием, подлежит возмещению лишь в случаях, указанных в специальных постановлениях закона.

2. Противоправность любого действия заключается в том, что оно противоречит советскому праву в объективном смысле слова.

Противоправность действия, которое влечет за собой обязанность возместить причиненный этим действием вред, заключается в том, что, противореча праву в объективном смысле, это действие нарушает и субъективное право лица, которому причиняется вред.

Нарушение субъективного права может выразиться в воспрепятствовании осуществлению этого права или в совершении действий, вызывающих прекращение права.

Более точная характеристика действий, нарушающих субъективное право другого лица, неразрывно связана с тем или иным пониманием самой категории субъективного права.

В советской юридической литературе высказаны различные взгляды по вопросу о сущности субъективного права.

По взгляду М. М. Агаркова, субъективное право тождественно с притязанием. Притязание же определяется как закрепленная

нормой права возможность лица приводить в движение аппарат государственного принуждения¹.

При таком понимании субъективного права его нарушением пришлось бы считать только совершение действий, препятствующих приведению в движение аппарата государственного принуждения.

Такие нарушения субъективных прав — редчайшее явление.

Н. Г. Александров определяет субъективное право как охраняемую государством возможность одного лица требовать известного поведения от другого².

Это определение позволяет считать нарушением субъективного права всякое действие обязанного лица, противоречащее содержанию требований, которые может предъявить управомоченный.

Но сущность субъективного права не исчерпывается требованиями, с которыми управомоченный может обращаться к обязанным лицам.

Нельзя не согласиться с С. Н. Братусем, что субъективное право есть не только возможность требовать от другого известного поведения, но и мера поведения самого управомоченного³.

Следует сказать больше: именно для обеспечения лицу управомоченному меры известного поведения, закрепляемой за ним нормой права, ему и предоставляется той же нормой возможность требовать соответствующего поведения от лиц обязанных, а если это требование не удовлетворяется, — обращаться к органам государства для принуждения ими обязанного к удовлетворению этого требования. Охрана государством возможности требовать определенного поведения от обязанных есть средство закрепления меры возможного поведения управомоченного⁴. При-

¹ См. «Отчет о Всесоюзном совещании по обсуждению макетов учебников теории государства и права» — «Советское государство и право» 1948 г. № 9, стр. 76, 77.

² Н. Г. Александров, *Юридическая норма и правоотношение*, 1947, стр. 16—17, 18.

³ С. Н. Братусь, *Юридические лица в советском гражданском праве*, Юриздат, 1947, стр. 47; *Субъекты гражданского права*, Юриздат, 1950, стр. 11.

⁴ Иной взгляд высказал О. С. Иоффе в работе «Правоотношение по советскому гражданскому праву» (изд. Ленинградского государственного университета, 1949, стр. 52): «Для государства предоставление прав различным субъектам имеет значение постольку, поскольку оно обеспечивает такое поведение обязанных лиц, которое установлено государством в качестве обязанного при данных обстоятельствах». Однако уже в следующей фразе О. С. Иоффе указывает: «Для управомоченного наделение его субъективными правами имеет значение постольку, поскольку оно обеспечивает такое поведение других лиц, которое необходимо управомоченному при данных условиях». Но если это так, то значит и для государства центр тяжести субъективного права именно в том, что «необходимо управомоченному», —

том — именно меры возможного поведения. Ибо всякое субъективное право имеет пределы, — за управомоченным всегда закреплена возможность совершения тех или иных положительных действий. Этим действиям соответствуют (но не всегда совпадают с ними по содержанию) действия, совершения которых управомоченный может требовать от обязанных лиц.

Так, в частности, собственник, основными правомочиями которого являются права владения, пользования и распоряжения вещью, вправе требовать от всех других лишь воздержания от действий, которые препятствовали бы осуществлению этих правомочий.

Только автор вправе совершать указанные в законе действия в отношении своего произведения и в то же время требовать от всех других воздержания от совершения таких же действий в отношении произведения.

Наниматель вправе пользоваться нанятой вещью и требовать от наймодателя до начала пользования передачи нанятой вещи, а после передачи — воздержания от действий, которые препятствуют пользованию вещью, а равно и совершения некоторых положительных действий: производства капитального ремонта и т. п. Наконец, некоторые обязательственные права совпадают по содержанию с действием, которое должен совершить обязательный, и осуществляются только путем предъявления требования к обязательному в случае неисполнения им своей обязанности. Таковы обязательственные права, возникающие из договора купли-продажи, из договора займа и некоторые другие.

Понятно, что ввиду разнообразия действий, возможность совершения которых закрепляется объективным правом за носителями различных субъективных прав, различны и действия, которыми субъективное право может быть нарушено: отобрание, уничтожение, повреждение вещи, самовольное опубликование чужого произведения, присвоение себе авторства чужого произведения, непередача вещи в пользование, неуплата по займу и т. д.

В связи с этим вызывает некоторое сомнение следующее замечание С. Н. Братуся.

Возражая М. М. Агаркову, С. Н. Братусь пишет: «Свое понятие субъективного права М. М. Агарков строит по образцу обязательственного правоотношения... отождествление субъективного права с притязанием в момент неисполнения обязанности пассивным субъектом означает отрицание той категории субъективных прав, осуществление которых возможно без их нарушения

необходимо же ему иметь обеспеченную возможность определенного поведения, которому и соответствует поведение обязанных лиц. Сам О. С. Иоффе на стр. 53 своей работы указывает, что «субъективное право сводится к обеспечению возможности совершения действий».

и поэтому не связано с притязанием: право собственности, авторское право, право изобретателя и пр.»¹.

Это позволяет допустить, будто по взгляду С. Н. Братуся, который делает вполне правильное замечание по адресу М. М. Агаркова, обязательственное право всегда сводится, однако, к притязанию, возникающему в момент неисполнения обязанности должником, а осуществление права «без его нарушения» возможно только для абсолютных прав: права собственности, авторского права, права изобретателя и др.

Между тем, если ряд обязательственных прав, как только что сказано, действительно совпадает по содержанию с притязанием, возникающим в момент неисполнения обязанности должником, как, например, обязательственные права, возникающие из договоров купли-продажи, займа и пр., то существует и ряд обязательственных прав, осуществление которых возможно «без их нарушения». Таково право нанятого пользоваться нанятым имуществом, право ссудополучателя пользоваться имуществом, предоставленным ему по договору ссуды, ряд прав заказчика, возникших из договора строительного подряда, ряд прав издательства по издательскому договору и др. Этому не противоречат и положения о субъективном праве, выдвинутые С. Н. Братусем в позднейшей работе «Субъекты гражданского права»².

3. С вопросом о содержании обязательственного права неразрывно связан и вопрос о том, может ли причиняющее имущественный вред противоправное действие, ответственность за которое регулируется ст. ст. 403 и сл. ГК, быть нарушением обязательственного права потерпевшего.

Обязательственное право признается правом относительным —

¹ С. Н. Братусь, О соотношении гражданской правоспособности и субъективных прав — «Советское государство и право» 1949 г. № 8, стр. 32.

² С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, 1950, стр. 5—13.

В работе «Субъекты гражданского права» С. Н. Братусь говорит, что М. М. Агарков строит свое понятие субъективного права «по модели обязательственного правоотношения, причем такого обязательственного правоотношения, которое возникает в момент нарушения чьего-либо права». Тем самым С. Н. Братусь признает существование различных по содержанию обязательственных прав. Нельзя, однако, не заметить, что с притязанием к обязанному лицу совпадают не только обязательственные права, являющиеся элементом правоотношения, которое возникает «в момент нарушения чьего-либо права», но и различные обязательственные права, входящие в состав правоотношения, возникающего, например, из договора, ранее возникновения притязания. Так, правоотношение между покупателем и продавцом возникает в момент, когда заключен договор купли-продажи. Но притязание покупателя к продавцу о передаче товаров возникает лишь в момент, когда наступила просрочка продавца в исполнении соответствующей обязанности. Наоборот, правоотношение между лицом, ответственным за вред, и потерпевшим возникает одновременно с правом потерпевшего на возмещение вреда, которое является элементом этого правоотношения и сводится к соответствующему притязанию потерпевшего.

действующим в отношении точно определенного лица или точно определенных лиц, в отношении должника или должников по обязательству. Отсюда вопрос: может ли обязательственное право оказаться нарушенным не должником по обязательству, а другим лицом?

В советской юридической литературе на этот вопрос даны два ответа: положительный ответ дан В. К. Райхером, отрицательный ответ дан М. М. Агарковым.

В. К. Райхер аргументирует свой взгляд указанием на то, что ст. 403 ГК устанавливает ответственность за вред, «причиненный имуществу или личности другого», а «обязательственные права занимают видное место в составе имущества каждого лица»¹.

Эта аргументация сводится, по существу, к указанию на то, что имущественный вред (каким является, конечно, и вред, «причиненный личности») может быть причинен нарушением обязательственного права. В этом не приходится сомневаться. Разрешения требует другой вопрос: может ли имущественный вред быть причинен таким нарушением обязательственного права, которое совершает не должник по обязательству, а другое лицо? Может ли обязательственное право быть нарушено «вне договорных отношений», по выражению Пленума Верховного суда СССР?

М. М. Агарков отвечает на этот вопрос отрицательно. Он считает, что советское гражданское право не знает абсолютного права кредитора по обязательству на то, чтобы всякий воздерживался «от посягательств, могущих лишить кредитора возможности осуществить его право требования против должника». Однако тут же он добавляет: «в отдельных случаях иск об убытках к третьему лицу допускается»².

Думается, что этот ответ дважды неправилен.

Во-первых, несомненно, существует общая обязанность каждого советского гражданина и каждой социалистической организации воздерживаться от нарушения прав остальных. Эта обязанность вытекает из ст. 130 Конституции СССР, обязывающей граждан «исполнять законы». Ибо «исполнять законы» — значит и не нарушать субъективные права, закрепляемые и охраняемые этими законами.

Во-вторых, ответа требует не вопрос о том, существует ли у каждого «абсолютное» право на воздержание со стороны всех других от нарушения его прав, — этот ответ ясен, — а вопрос о том, может ли обязательственное право, относимое к числу от-

¹ В. К. Райхер, Абсолютные и относительные права — «Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института», 1928, стр. 297.

² М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1940, стр. 26—27.

носительных прав, быть тем не менее нарушенным не должником по обязательству, а другим лицом?

На этот вопрос следует ответить положительно. Обязательственное право может быть нарушено не должником, если содержание обязательственного права таково, что третье лицо в состоянии воспрепятствовать кредитору в осуществлении его права, в состоянии уничтожить или умалить благо, на которое направлено обязательственное право кредитора, в состоянии вызвать прекращение права кредитора.

Большей частью у третьего лица нет возможности нарушить право кредитора по обязательству, если содержание этого права совпадает с притязанием, возникающим в момент неисполнения обязанности, как обязательственные права, возникающие из договоров купли-продажи, займа и некоторых других. Действия третьего лица, препятствующие продавцу передать вещь покупателю, либо нарушают абсолютное право покупателя: право собственности на купленную индивидуально-определенную вещь, перешедшее к покупателю в момент заключения договора, либо вовсе не нарушают его права, ибо риск невозможности передачи вещи, определенной родовыми признаками, несет продавец.

Однако если осуществление обязательственного права, по содержанию совпадающего с притязанием, возникающим при неисполнении обязанности, обусловлено наличием у кредитора владения индивидуально-определенной вещью, то уничтожение этой вещи или иное лишение кредитора владения вещью возлагает на лицо, совершившее такие действия, ответственность за вред, заключающийся в прекращении права кредитора.

Так, ст. 146 Кодекса торгового мореплавания СССР возлагает на лицо, ответственное за частную аварию, обязанность возместить убытки не только по судну и грузу, но и убытки по фрахту. Утрата груза уничтожает право морского перевозчика на получение фрахта. Лицо, ответственное за аварию, вызвавшую утрату груза, отвечает и за утрату перевозчиком обязательственного права на фрахт.

Пленум Верховного суда СССР определением по делу совхоза «Аромат-масло» с бухгалтером совхоза Паничем признал Панича обязанным возместить совхозу убытки, вызванные похищением у Панича чека, по которому скрывшимся затем похитителем были получены в Госбанке деньги¹.

Панич не исполнил обязанностей, вытекающих для него из трудового правоотношения с совхозом «Аромат-масло». Его ответственность должна рассматриваться поэтому по особым правилам трудового законодательства. Но совершенно очевидно,

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1944 г., вып. III (IX), стр. 16.

что если бы похититель чека, получивший деньги в Госбанке, был обнаружен, он наряду с уголовной ответственностью понес бы ответственность во всей сумме чека по ст. 403 ГК.

Не менее очевидно, однако, и то, что утрата чека лишила совхоз обязательственного права на получение денег с расчетного счета, ибо банк по обстоятельствам дела, согласно ст. 30 Положения о чеках, не был обязан к восстановлению на расчетном счете выплаченных со счета сумм. Не должник, а третье лицо оказывается нарушителем и ответственным за нарушение обязательственного права.

Равным образом определением от 24 июля 1946 г. по делу № 34/433 Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала работника бухгалтерии обязанным возместить вред, понесенный организацией, где он работал, вследствие того, что небрежное заполнение этим работником бланка чека позволило другому лицу путем подлога увеличить сумму чека, по получении которой в банке это лицо скрылось.

Понятно, что и в этом случае работник бухгалтерии не исполнил своих обязанностей, вытекающих из трудового правоотношения, и подлежал ответственности по особым правилам законодательства о труде.

Но лицо, учинившее подлог чека и получившее по этому чеку деньги, в случае его обнаружения, независимо от его уголовной ответственности, отвечало бы по общим правилам об обязательствах из причинения вреда за нарушение обязательственного права организации на получение денег со счета, из сумм которого был оплачен банком чек.

В обоих указанных случаях была признана ответственность за прекращение обязательственного права: права держателя счета в банке на получение денег со счета. Ответственность за прекращение этого права понесли бы и лица, получившие деньги со счета.

Не может быть сомнений и в том, что лицо, похитившее облигацию государственного займа и получившее сумму павшего на облигацию выигрыша, обязано возместить собственнику облигации вред в размере не только стоимости облигации, но также и суммы павшего на нее выигрыша.

Как уже указано, в ряде обязательственных правоотношений кредитор не только вооружен притязанием в случаях неисполнения должником своей обязанности, но и управомочен на совершение разнообразных положительных действий, как, например, наниматель по договору имущественного найма, ссудополучатель, заказчик по договору строительного подряда и др.

Наниматель, владение которого нарушено, имеет в силу ст. 170 ГК право потребовать восстановления своего владения. Едва ли можно не признать и его права на возмещение ему рас-

ходов, вызванных лишением его владения нанятым имуществом, например, расходов на оплату другого помещения в связи с противоправным занятием нанятого им помещения.

Но такое же право должно быть признано за нанимателем и в случаях причинения ему вреда не лишением его владения, а нарушением его права пользования вещью. Если в помещении, занятом нанимателем, кем-нибудь разбиты оконные стекла, то нарушено право собственности на строение, в котором нанято помещение. Но одновременно нарушено и право пользования нанимателя, и нет оснований подчинять право требования нанимателя к лицу, разбившему стекла, факту возмещения вреда нанимателем наймодателю, конструировать это право, как право из «ведения чужих дел без поручения» (см. гл. II). У нанимателя и у наймодателя — два требования, направленные на одну и ту же цель: восстановление поврежденного имущества, находящегося в пользовании по договору имущественного найма. Понятно, что с удовлетворением одного из этих требований прекращается и другое.

Однако возможно, что из факта повреждения или уничтожения нанятого имущества у наймодателя и у нанимателя возникнут два независимые одно от другого требования, удовлетворение одного из которых не затронет существования другого. Если кто-нибудь совершил поджог дома и дом сгорел, то прекратилось право собственности на дом, принадлежавший наймодателю. Наймодатель не несет в данном случае ответственности перед нанимателем за прекращение также и права последнего. Но тот, кто своим — в данном случае преступным — действием вызвал прекращение права нанимателя, обязан возместить нанимателю вред, выразившийся в прекращении его права, возникшего из договора имущественного найма.

Таким образом, в целом ряде случаев третье лицо в состоянии своим действием нарушить обязательственное право или даже вызвать его прекращение. В таких случаях должен быть возмещен вред, причиненный нарушением или прекращением права.

М. М. Агарков говорил, что защита на основании ст. 403 и сл. ГК обязательственных отношений «как общее правило, нежелательна, так как она слишком расширила бы применение исков из причинения вреда»¹. Соображения о нежелательности расширения защиты прав не раз выдвигались буржуазными юристами. Они всегда продиктованы нежеланием создать такие способы защиты прав, которыми могли бы в тех или иных пределах воспользоваться трудящиеся. В СССР, где всякое право граждан и социалистических организаций является правом гарантированным,

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 175,

где одною из задач закона и суда является неуклонное укрепление социалистической законности, — такие соображения неприемлемы. В тех случаях, когда практика свидетельствует о необходимости создания новых способов защиты того или иного права, этот способ вводится законом. В тех случаях, когда способ защиты того или иного права содержится в действующем законе, невозможно обосновать отказ от пользования этим способом в случаях нарушения соответствующего права. В частности, бороться следует не с расширением сферы действия законодательных норм об ответственности за причинение вреда, а за снижение числа случаев, в которых вред причиняется. Неуклонное же возложение ответственности за причинение вреда противоправными действиями при наличии определенных законом условий этой ответственности — есть один из важнейших факторов такого снижения¹.

4. В советской юридической литературе был высказан взгляд, согласно которому противоправным действием, причиняющим вред, подлежащий возмещению по ст. ст. 403 и сл. ГК, может быть и действие, нарушающее не субъективное право потерпевшего, а лишь норму объективного права, но притом такую норму, которая направлена на охрану определенного интереса потерпевшего.

Этот взгляд был впервые высказан М. М. Агарковым в Учебнике гражданского права 1938 года², затем повторен в Учебнике гражданского права 1944 года³. Он воспроизведен по существу и в Учебнике гражданского права для юридических школ⁴.

¹ Сказанное о защите обязательственных прав от нарушения их не должником, а любым третьим лицом, еще раз показывает, насколько условно деление субъективных гражданских прав на «абсолютные» и относительные права. Трудно согласиться с Д. М. Генкиным, когда он говорит, что «деление прав на права абсолютные и относительные ничем не оправдывается» и что «возможность притязания одинакова в правах относительных и абсолютных» («Советское государство и право» 1949 г. № 11 — «Во Всесоюзном институте юридических наук. Обзор заседаний сектора гражданского права», стр. 75). Но в то же время нельзя не признать, что термины «абсолютное» и «относительное» право вызывают не соответствующее действительности представление о какой-то большей защищенности одних прав по сравнению с другими и что отнесение всех вещных прав к числу «абсолютных», а всех обязательственных прав к числу относительных — неправильно. Основное различие между субъективными гражданскими правами заключается в том, что одни из них — права притязания, а другие управомочивают не только на притязание, но и на совершение тех или иных определенных действий. Подходящий термин для этой второй категории гражданских прав еще должен быть найден.

² «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 390.

³ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 319—320.

⁴ «Советское гражданское право», учебник для юридических школ, Юриздат, 1950, стр. 516.

С этим взглядом невозможно согласиться. Если нарушение определенного интереса открывает возможность обратиться к органу государства для устранения этого нарушения средствами принуждения, то значит — известная мера возможного поведения, направленного на удовлетворение соответствующего интереса, обеспечена нормой объективного права. Следовательно, носитель интереса есть и носитель субъективного права, направленного на удовлетворение этого интереса.

Мысль о нормах права, защищающих определенный интерес, но притом не закрепляющих за носителем интереса соответствующего субъективного права, также сложилась под влиянием буржуазного гражданского права и буржуазной юридической литературы, проникнутых страхом перед расширением прав трудящихся.

Следуя за многими буржуазными юристами, М. М. Агарков отождествлял понятие субъективного права с понятием гражданского права, точнее — «абсолютного» гражданского права, охраняемого в порядке гражданского иска.

М. М. Агарков прямо говорил: «Например, нотариус удостоверил подложную копию с какого-либо документа. Вследствие этого А., в пользу которого был совершен подлог, выиграл процесс против Б. Подлог был обнаружен, и дело пересмотрено, но Б. понес ущерб. Нотариус не нарушил субъективного права Б. (его права собственности на какую-либо вещь, его авторского права на какое-либо произведение и т. д.)»¹.

Между тем субъективное право может быть и не гражданским правом, осуществление субъективного права может обеспечиваться не правом на иск, а правом обратиться с жалобой к административному органу, а иногда к суду, как, например, в случае неправильных действий нотариуса.

С. С. Студеникин пишет: «Податель жалобы просит восстановить нарушенное право, защитить его законные интересы. Этим жалоба отличается от других заявлений и от ходатайств, в которых нет указаний на нарушение права»². Таким образом, для С. С. Студеникина «защитить законные интересы» значит «восстановить нарушенное право».

Но если действие административного органа, которым было нарушено право жалобщика, причинило жалобщнику также и

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 390—391, и «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 319.

² С. С. Студеникин, Советское административное право, учебник для юридических школ, 1949, стр. 161. В учебнике административного права для юридических высших учебных заведений (Юриздат 1950 г.) С. С. Студеникин указывает: «жалоба является средством защиты законных прав» (стр. 222).

имущественный вред и налицо имеется предусмотренные законом условия ответственности административного органа за такой вред, то этот вред будет возмещен на основе предъявленного потерпевшим гражданского иска¹.

Не противоречит сказанному и то, что жалоба может быть подана и по поводу действий должностного лица, не имеющих непосредственного отношения к интересам самого жалобщика. «Такого рода жалоба, — говорит С. С. Студеникин, — помогает вскрывать извращения в работе аппарата»². Она служит основой восстановления всех нарушенных субъективных прав. Имущественный же вред, который потерпел носитель такого права, может быть при наличии предусмотренных законом условий возмещен ему лишь на основании предъявленного им иска.

Нормой государственного или административного права может быть закреплено и такое право граждан или организаций, нарушение которого может исходить и не от этих органов, а от любого другого лица. С. Н. Братусь прав, когда он говорит, что «совершение дозволенных действий (например, свободное передвижение по стране или даже гулянье в воскресенье в парке) во всех случаях возможно только при обеспечении содействия или воздержания от действий других лиц (в приведенном примере — при условии, если другие лица будут воздерживаться от нарушения права гражданина на свободное передвижение)»³.

Нарушение такого права влечет за собою прежде всего административную или уголовную ответственность (см. ст. 147 УК РСФСР). Но если таким нарушением причинен и имущественный вред, этот вред подлежит возмещению по ст. ст. 403 и сл. ГК.

5. В советской цивилистической литературе не раз возникал и другой вопрос: является ли противоправным действием, последствия которого регулируются ст. ст. 403 и сл. ГК, также и действие, противное правилам социалистического общежития?

Ответ, данный на этот вопрос Учебником гражданского права 1938 года, гласил: «Для определения того, является ли действие правомерным, существенное значение имеет ст. 130 Конституции СССР, которая обязывает соблюдать правила социалистического общежития... Она дает суду возможность не ограничиваться применением к отдельному спору той или иной специальной нормы закона, но также учесть особенности каждого дела»⁴.

¹ См. ниже, гл. VII.

² С. С. Студеникин, Советское административное право, учебник для юридических школ, стр. 163; Советское административное право, учебник для юридических высших учебных заведений, стр. 221.

³ С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, Юриздат, М., 1950, стр. 12.

⁴ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 391.

По этому взгляду правила социалистического общежития имеют «существенное значение» при применении закона.

В Учебнике гражданского права 1944 года, где вопрос о противоправности действий, нарушающих правила социалистического общежития, затронут лишь в связи с вопросом о противоправности упущения, за правилами социалистического общежития признается сила, ничем не отличающая их от закона: «Противоправность упущения может быть основана не только на отдельных специальных предписаниях закона, но и на принципиальных положениях, содержащихся в ст. 130 Конституции СССР»¹.

Однако отождествлять правила социалистического общежития и правила закона невозможно.

Статья 130 Конституции СССР обязывает граждан «исполнять законы» и «уважать правила социалистического общежития». В различии слов, употребленных ст. 130 Конституции СССР, содержится глубочайший социальный смысл.

За законами стоят меры государственного принуждения. Нормы закона закрепляют субъективные права, и государство принуждает к исполнению обязанностей, соответствующих этим правам. За правилами социалистического общежития, как таковыми, меры государственного принуждения не стоят. Субъективные права правилами социалистического общежития не закрепляются. Поэтому и нарушение правил социалистического общежития само по себе не является противоправным действием, которое могло бы влечь за собою последствия, предусмотренные ст. 403 и сл. ГК.

Но обязанность уважать правила социалистического общежития установлена Сталинской Конституцией — основным законом нашей страны. Значит, правила социалистического общежития не могут остаться в стороне от сферы действия всех остальных законов. В соответствии с этим ст. 3 Закона о судеустройстве СССР, союзных и автономных республик (1938 г.), определяя задачи советского суда, говорит: «Всею своей деятельностью суд воспитывает граждан СССР в духе преданности родине и делу социализма, в духе точного и неуклонного исполнения советских законов, бережного отношения к государственному и общественному долгу, уважения к правилам социалистического общежития». Воспитание граждан в духе уважения к правилам социалистического общежития осуществляется, в частности, и путем применения ст. ст. 403 и сл. ГК. Более того: применение ст. 403 и сл. ГК было бы в целом ряде случаев невозможно без обращения к правилам социалистического общежития.

В самом деле, выше указано, что многие субъективные права управомочивают носителя права на совершение разнообразных

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 320.

по содержанию действий. Но исчерпывающего перечня этих действий, точной меры закрепленного за управомоченным поведением норма объективного права обыкновенно не устанавливает. Этому препятствует неисчерпаемое разнообразие конкретных жизненных положений, к которым норма должна применяться. Закон говорит, что собственник вправе «пользоваться» своей вещью, наниматель вправе временно на возмездных началах «пользоваться» чужой вещью и т. д. Но в каких конкретных действиях может осуществляться это пользование, какое именно пользование правомерно, а какое должно быть признано противоправным, не вытекающим из права собственности или из договора найма, на эти вопросы закон обыкновенно не отвечает. И не может ответить, ибо ответ на эти вопросы зависит в каждом отдельном случае от ряда фактических условий: от хозяйственного назначения вещи, от сферы деятельности носителя права, в которой осуществляется пользование вещью, и т. д.

Иногда закон восполняется подзаконным актом — ведомственной инструкцией, правилами внутреннего распорядка и т. п. В некоторых случаях административный акт или юридическая сделка, договор, из которого возникло данное правоотношение, позволяют с большой степенью точности ответить на вопрос о круге действий, на совершение которых управомочен участник этого правоотношения.

Но чаще всего ответ на вопрос о круге этих действий определяется правилами социалистического общежития, которые в свою очередь складываются на почве неизбежного учета технических, экономических и других особенностей отдельных жизненных положений.

Определяя правомерный или противоправный характер отдельного действия, как соответствующего или противоречащего определенному субъективному праву, суд должен всегда исходить из того содержания этого права, которое ему придают соответствующая норма права и в подлежащих случаях основанные на норме права административный акт или юридическая сделка. Если же ни норма, ни основанные на ней административный акт или сделка не характеризуют этого содержания полностью, суд должен исходить из того содержания, которое придают этому субъективному праву, в дополнение к норме права и к подлежащим административному акту или сделке, правила социалистического общежития.

Учебник гражданского права для юридических высших учебных заведений 1950 г. говорит: «Исходя в оценке поведения людей из правил социалистического общежития, суд решает дело на основании закона»¹.

¹ Советское гражданское право, учебник для юридических высших учебных заведений, Юриздат, 1950, т. I, стр. 87.

Таким образом, правила социалистического общежития, с одной стороны, восполняют советский закон, а, с другой стороны, при применении закона сами охраняются законом. Тем самым они служат мостом между нравственными воззрениями советского общества и социалистическим правом, которые «в социалистическом обществе по своей целеустремленности, по своей природе совпадают» (Вышинский)¹.

6. Противоправным может быть как положительное действие, так и бездействие, упущение.

Бездействие противоправно лишь в случаях, когда норма права возлагает обязанность совершения соответствующего действия.

Таковы постановления Кодекса торгового мореплавания СССР, обязывающие капитана судна «к принятию всех необходимых мер к безопасному совершению плавания и к поддержанию порядка на судне» (ст. 57). Таково и постановление того же кодекса о том, что «капитан, получивший сигнал бедствия или обнаруживший на море находящееся в опасности лицо, обязан, поскольку он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, экипажа и пассажиров, оказать терпящим бедствие лицам всякую возможную по обстоятельствам помощь» (ст. 63).

Таковы же нормы трудового права, возлагающие на администрацию предприятия обязанность осуществлять меры технической безопасности труда (ст. 139 КЗоТ).

Учебник гражданского права (издание 1944 года) указав, что упущение может быть противоправным лишь в случаях, «когда закон обязывает совершать определенные действия», добавляет: «противоправность упущения может быть основана не только на специальных предписаниях закона, но и на принципиальных положениях, содержащихся в ст. 130 Конституции СССР. Учи-

¹ А. Я. Вышинский, «Советское государство и право» 1939 г. № 3, стр. 9.

Учебник теории государства и права Института права Академии наук СССР (стр. 389) отрицает какое бы то ни было государственное принуждение к исполнению правил социалистического общежития: «Многие из обычаев, сложившихся в нашем социалистическом обществе, при всем их огромном значении для установления правильных взаимоотношений в коллективе, не имеют, однако, юридического значения и не обеспечены государственным принуждением. Сюда относятся многие обычаи, сложившиеся на почве нового отношения к труду, соревнования в работе, товарищеской взаимопомощи, в семейном быту, во взаимоотношениях советских граждан на производстве, в учебе, в общественных местах, при совместном участии в праздниках и т. п. Все эти неписанные нормы образуют в своей совокупности то, что называется правилами социалистического общежития». В связи со сказанным выше это утверждение должно быть признано неточным: при оценке правомерности отдельных действий граждан и социалистических организаций советский суд не отрывает норм права от правил социалистического общежития. И сказать общим образом, что правила социалистического общежития не имеют юридического значения, невозможно.

тывая конкретные обстоятельства отдельного случая и руководствуясь правилами социалистического общежития, суд должен установить, обязано ли было определенное лицо оказать помощь другому»¹.

С этим взглядом нельзя согласиться.

Во-первых, дело идет не только об обязанности оказать помощь, а об установленной законом обязанности к совершению любого действия. Во-вторых, противоправным должно быть признано неисполнение любой обязанности, возложенной нормой права, но притом только обязанности, возложенной нормой права. Правила же социалистического общежития, как уже указано выше, — не нормы права.

В то же время, если уяснение содержания субъективного права часто невозможно без обращения к соответствующим правилам социалистического общежития, то и уяснение содержания обязанности, возлагаемой нормой права, также невозможно в ряде случаев без обращения к правилам социалистического общежития. Кодекс торгового мореплавания СССР в приведенной выше статье 63 обязывает капитана, получившего сигнал бедствия или обнаружившего на море находящееся в опасности лицо, оказать терпящим бедствие «всякую возможную по обстоятельствам дела помощь», «поскольку он может это сделать без серьезной опасности для своего судна, экипажа и пассажиров». На вопрос о том, какая помощь была в данных обстоятельствах возможна, суд должен отвечать, опираясь на правила социалистического общежития. Ибо правила социалистического общежития определяют ту меру напряжения сил, которая требуется в каждой данной обстановке от советского гражданина в интересах других граждан и социалистического общества в целом.

§ 2. Обстоятельства, исключаящие противоправность действия, причинившего вред

1. Противоправность действия, причинившего вред, исключается, если действие совершено в некоторых, особо предусмотренных законом условиях. При наличии таких условий, причиняющий вред «управомочен на причинение вреда» (ст. 403).

Условиями, исключаящими противоправность причинения вреда; являются:

- а) исполнение обязанности,
- б) осуществление права,
- в) состояние необходимой обороны,
- г) состояние крайней необходимости,
- д) согласие потерпевшего.

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 320.

2. Осуществление отдельных обязанностей, вытекающих из служебного положения некоторых лиц, иногда связано с умалением имущества государственных или общественных организаций, либо граждан, или с нарушением личных благ граждан.

За этим умалением блага всегда стоит предотвращение опасности большего ущерба или требующее умаления данного блага осуществление какой-нибудь хозяйственной, культурной или иной задачи, возложенное на данное лицо.

Хорошо известен пример деятельности пожарных. Пожарные обязаны тушить пожар и «управомочены на причинение вреда» уничтожением или повреждением имущества, могущего способствовать распространению огня. Органы ветеринарного надзора обязаны вести борьбу с эпизоотиями и управомочены на уничтожение вследствие сделанных им прививок, а также на уничтожение предметов, могущих способствовать распространению заразы. Часовой на посту при определенных условиях обязан и управомочен стрелять в неподчиняющихся его приказу.

В целях обеспечения планомерной деятельности социалистических организаций и в интересах граждан закон в виде исключения признает иногда за потерпевшим право на возмещение вреда, причиненного осуществлением своих обязанностей тем или иным государственным органом. Так, подлежит возмещению вред, причиненный указанными выше действиями органов ветеринарного надзора (ст. 96 Ветеринарного устава РСФСР). Подлежит возмещению вред, причиненный повреждением земельных угодий при производстве топографо-геодезических работ (СЗ СССР 1927 г. № 19, ст. 212). То же имеет место и в некоторых других специально предусмотренных законом случаях.

3. Противоправность действия, причинившего вред, исключается, если это действие совершено в осуществлении права. Строение, возведенное в соответствии со строительными правилами, может затемнить помещение в соседнем строении, чем будет вызвано снижение наемной платы при сдаче этого помещения в наем. Если строение возведено лицом или организацией, которой для этого отведен земельный участок, и строительные правила соблюдены, — вред, возникший для других лиц из возведения строения, подлежал бы возмещению лишь при наличии специального постановления закона. По общему же правилу такой вред возмещению не подлежит, ибо он причинен осуществлением права.

По существу, во всех таких случаях имеет место коллизия двух субъективных прав: права потерпевшего (в указанном случае — на спокойное и ничем не стесняемое пользование в пределах закона своим строением) и права лица, причинившего вред действием, совершенным в осуществление этого права. Понятно,

что и в таких случаях круг конкретных действий, на совершение которых управомочены носители того и другого субъективного права, определяется исходя из правил социалистического общежития (см. выше).

4. Противоправность действия, причинившего вред, исключается, если такое действие совершено в состоянии необходимой обороны.

Гражданское законодательство не упоминает о необходимой обороне. Необходимую оборону предусматривают ст. 13 УК РСФСР и соответствующие постановления УК других союзных республик. Но постановления УК применимы и к случаям причинения вреда действиями, не относящимися к числу общественно-опасных деяний. Ибо хотя ст. 13 УК говорит о ненаказуемости деяний, совершенных в состоянии законной обороны, но по существу она устраняет не только их ненаказуемость, но и их противоправность. В литературе советского уголовного права указывается, что «необходимая оборона» ...является действием... правомерным»¹.

Так же понимает необходимую оборону и литература советского гражданского права².

Под необходимой обороной понимаются действия, совершаемые в целях защиты от противоправного действия со стороны другого лица путем причинения вреда этому другому лицу. Именно потому, что действия, признаваемые необходимой обороной, совершаются в целях защиты от чужого противоправного действия, они и признаются правомерными.

Однако для того, чтобы оборона от чужих противоправных действий была признана необходимой и потому правомерной, необходимо наличие определенных указанных в Уголовном кодексе условий.

а) Прежде всего, оборона должна быть направлена против «посягательств на советскую власть, либо на личность и права обороняющегося или другого лица». Под посягательствами на советскую власть следует понимать не только посягательства против государства как носителя власти, но также и посягательства против государства как носителя имущественных прав, прежде всего как носителя права государственной социалистической собственности, неразрывно связанной с суверенитетом Советского государства.

Указание ст. 13 УК на то, что необходимой обороной признаются действия, направленные против посягательств «на лич-

¹ «Уголовное право», учебник для юридических институтов и факультетов, Общая часть, Юриздат, 1948, стр. 368.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, ч. I, стр. 320; «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1950, стр. 517.

ность и права обороняющегося или другого лица», нельзя признать точным. Несомненно, необходимая оборона может быть направлена и против посягательства на права, не связанные с личностью носителя этих прав. Равным образом она будет налицо и во всех случаях, когда она направлена против посягательства на личность, ибо такое посягательство будет всегда и нарушением того или иного из личных неимущественных прав гражданина, охраняемых советским правом независимо от их связи с его имущественными правами.

б) Посягательство, против которого направлена оборона, должно быть наличным, т. е. «его осуществление должно уже начаться или непосредственное начало его осуществления должно быть настолько очевидно, что охраняемые законом интересы и права поставлены в непосредственную опасность»¹. В постановлении от 4 мая 1945 г. по делу Симахина и др. Пленум Верховного суда СССР разъяснил, что состояние необходимой обороны наступает «не только в том случае, когда оборона осуществляется непосредственно в процессе нападения, но и тогда, когда начало реального осуществления нападения настолько очевидно и неминует, что непринятие предупредительных мер ставит в явную, непосредственную и отвратимую опасность лицо, вынужденное к принятию этих мер»².

в) Посягательство, против которого направлена законная оборона, должно быть действительным. Если оно было мнимым, то встанет вопрос о небрежности, невнимании лица, которое оборонялось от мнимого нападения (см. гл. V).

г) Вред должен быть причинен тому, кто посягал на советскую власть или на чужие имущественные или неимущественные права. Если вред при таком посягательстве причинен не посягавшему, а другому лицу, то он признается причиненным не в состоянии необходимой обороны, а в состоянии крайней необходимости.

д) Наконец, оборона не должна превышать пределов необходимости. Литература советского уголовного права единодушно указывает, что «пределы необходимой обороны... должны определяться и интенсивностью нападения и характером защищаемого интереса. Необходимые средства обороны определяются прежде всего интенсивностью самого нападения... Нельзя требовать, однако, чтобы вред, нанесенный нападающему, был обязательно меньше вреда, который мог быть причинен обороняющемуся»³.

Следует считать целесообразным указание в будущем ГК СССР на то, что причинение вреда в состоянии необходимой обороны непротивоправно.

¹ «Уголовное право», Общая часть, Юриздат, 1948, стр. 369.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1945 г., вып. V, стр. 4—6.

³ «Уголовное право», Общая часть, Юриздат, 1948, стр. 374.

5. Противоправность исключается также, если причинившее вред действие совершено в состоянии крайней необходимости.

Понятие крайней необходимости, так же как и понятие необходимой обороны, установлено ст. 13 УК РСФСР и соответствующими постановлениями УК других союзных республик.

а) Согласно этим постановлениям, действие признается совершенным в состоянии крайней необходимости, если оно совершено для предотвращения опасности, которая в данных условиях была неотвратима другими средствами и если причиненный при этом вред меньше устраненного вреда. Опасность может исходить из любого источника. В частности, опасность может заключаться в противоправном действии другого лица.

Защита от противоправного действия путем причинения вреда лицу, совершающему такое действие, признается, как сказано выше, необходимой обороной. Защита от того же противоправного действия путем причинения вреда не лицу, совершающему это действие, а другому лицу, рассматривается как действие, совершенное в состоянии крайней необходимости: например, кто-либо под влиянием угрозы лишить его жизни отдает рабителям не только свое, но и чужое имущество.

б) Опасность должна быть действительной, т. е. реально существующей, а не мнимой.

в) Опасность должна быть непредотвратимой в данных условиях никакими средствами, кроме совершения действия, причиняющего вред другому.

г) Устраненный вред должен быть значительнее вреда, причиненного для его избежания.

Нельзя не заметить, что безоговорочное перенесение уголовно-правовой концепции крайней необходимости в область гражданских обязательств из причинения вреда едва ли целесообразно.

В гражданском праве, в отличие от права уголовного, дело идет не о непосредственном воздействии на личность причинившего вред, а прежде всего о возмещении имущественного вреда. «Крайняя необходимость» заключается в том, что одно лицо причиняет имущественный вред другому для предотвращения опасности, грозившей причинителю вреда. Иначе говоря, причинитель вреда избег вреда, причинив имущественный вред другому.

Возможны случаи, когда причинитель вреда охраняет от опасности не свои, а чужие блага или государственный либо общественный интерес, но опять-таки охраняет их за счет не своего, а чужого блага, жертвуя не своим, а чужим благом.

Между тем лицо, которое несет имущественное последствие крайней необходимости, но ни в какой мере не причастное к созданию отраженной за его счет опасности, может оказаться лицом, для которого это бремя будет весьма тяжело. Поэтому пра-

вильно было бы, признав в будущем ГК СССР действия, совершенные в состоянии крайней необходимости, правомерными, — вследствие чего отражение этих действий не было бы законной обороной, — возложить, однако, на совершившего такие действия обязанность возместить причиненный ими вред. В то же время было бы целесообразно предоставить суду право в отдельных случаях, ввиду особых обстоятельств дела, полностью или частично освобождать лицо, причинившее вред в условиях крайней необходимости, от обязанности возмещать этот вред.

6. Противоправность действия, причинившего вред, исключается, если потерпевший выразил согласие на совершение причинившего вред действия в отношении блага, которым потерпевший вправе распоряжаться.

В соответствующих случаях речь идет не о согласии на самое причинение вреда (такое согласие представить себе трудно), а о согласии на совершение другим лицом действия, которое должно повлечь за собою умаление известного блага, возместимое в деньгах. В согласии на совершение такого действия заключается молчаливо выраженный отказ от права на возмещение вреда, который будет причинен этим действием. Но для того, чтобы такой отказ был действителен, надо, чтобы отказавшийся имел право на совершение этого отказа, чтобы он был вправе распоряжаться соответствующим благом. Несомненно, должностное лицо не вправе совершить от имени государственного органа (так же как и от своего имени) никакой юридической сделки, которая причинила бы ущерб государственному органу. Но два государственных органа могут при посредстве своих должностных лиц совершить договор о предоставлении, например, одному из них права временного пользования имуществом, закрепленным за другим. Такой договор устраняет противоправность умаления в интересах одного госоргана благ, закрепленных за другим государственным органом. Но такой договор не должен выходить за рамки тех сделок, которые второй из этих госорганов вправе в силу закона и плана совершать в отношении закрепленного за ним имущества.

Дееспособный гражданин вправе распоряжаться своим имуществом. Поэтому он вправе сделать свое имущество и предметом такого договора, осуществление которого причинит «вред» этому имуществу, вызовет износ, умаление его.

Так, всякий договор о ссуде неизбежно означает безвозмездное умаление ценности, некоторый износ предоставленного в ссуду имущества; такое же умаление имущественного блага, однако, в обмен на другую имущественную ценность — наемную плату — связано с осуществлением договора имущественного найма.

Личные неимущественные блага советских граждан неотчуж-

даемы. Поэтому ничтожен договор, который упрямомочивал бы одну из сторон на умаление личных благ другой.

Согласно ст. ст. 17 и 30 «Основ авторского права СССР» автор может лишь на срок передать издательству или постановочному предприятию осуществление отдельных из своих личных правомочий.

§ 3. Понятие противоправного действия в буржуазном гражданском праве

Различие системы буржуазного гражданского права по-разному определяет круг противоправных действий, влекущих за собой обязанность возместить причиненный такими действиями вред. Однако эксплуататорский характер понятия противоправности выражен во всех этих системах с одинаковой яркостью.

Французский гражданский кодекс воплощает идею «генерального деликта»: противоправным признается всякое действие, нарушающее чужое субъективное право, а равно и действие, нарушающее «общие начала права», охраняющие определенный интерес потерпевшего. К числу действий, нарушающих «общие начала права», французские суды относят действия, направленные на поддержку забастовки в предприятии конкурента, сообщение заведомо неправильных сведений о биржевом курсе ценных бумаг, дачу нотариусом неточной правовой справки и т. п.

Но особенно видное место в ряду противоправных действий занимают во Франции осуществление своего субъективного права единственно с целью причинения вреда другому, — так называемая шикана, — и «злоупотребление правом», т. е. осуществление своего субъективного права «с нарушением его пределов либо его содержания». Понятие двух последних видов противоправных действий сложилось в практике судов во второй половине XIX в., главным образом на почве разрешения споров, возникающих в конкурентной борьбе монополистов с аутсайдерами. С конца 20-х годов нынешнего столетия эти понятия широко используются судами в качестве орудия борьбы монополий против рабочего класса. В одних случаях шиканой, а в других случаях «злоупотреблением правом» признаются объявление и проведение политической забастовки, и на профессиональный союз, руководивший забастовкой, возлагается возмещение вреда, в частности «морального» вреда, понесенного предпринимателем. Шиканой признается занесение предпринимателя профессиональным союзом на черную доску. «Злоупотреблением правом» признается объявление забастовки без предоставления предпринимателю достаточного времени на рассмотрение требований рабочих, а равно и занятие бастующими рабочими помещений предприятий. Во всех таких случаях возмещение вреда, причи-

ненного предпринимателю шиканой или «злоупотреблением правом», возлагается на соответствующий профессиональный союз.

В отличие от системы генерального деликта, в Германском гражданском уложении указаны отдельные виды противоправных действий, в частности, «нарушение кредита или экономического преуспеяния другого лица распространением о нем сведений, несоответствие которых действительности должно было быть известно распространившему эти сведения». Однако наряду с перечнем противоправных действий Германское гражданское уложение содержит как общие положения о том, что противоправным является действие, нарушающее чужое субъективное право или норму объективного права, охраняющую определенный интерес других лиц, так и постановление о противоправности всякого причиняющего вред «умышленного действия, противного «добрым нравам».

К числу действий, противных «добрым нравам», суды не раз относили забастовки, проводимые «безнравственными способами», «имеющие целью полное разорение предпринимателя», меры, осуществляемые бастующими для отвлечения клиентуры предпринимателя. Сюда же суды относили и вредоносные действия, связанные с конкурентной борьбой предпринимателей: дача банком заведомо ложных сведений о платежеспособности, сокрытие имущества от взыскания кредиторов и т. д.

Противоположной системе «генерального деликта» является система «отдельных правонарушений» английского права, которое не знает общего понятия противоправного действия. Эта система воспринята и в США. Приспособление системы «отдельных правонарушений», сложившейся в значительной части в условиях феодализма, к потребностям монополистического капитала и подведение возникающих новых видов правонарушений под «формулу» одного из старых деликтов являются почвой, на которой самым беззастенчивым образом проявляется судейский произвол. Именно для обеспечения широкой возможности проявления судейского усмотрения в интересах монополий и сохраняется донныне система «отдельных правонарушений», «гибкость» которой не раз восхваляла английская юридическая литература.

В то же время архаизм системы «отдельных правонарушений» поддерживает демагогически лживые «теории» происхождения английского права из веками складывавшихся «воззрений общества», из «народного духа», — «теории», которыми бессильно пытаются прикрыть эксплуататорский характер этого права.

ГЛАВА IV

ПРИЧИННАЯ СВЯЗЬ МЕЖДУ ПРОТИВОПРАВНЫМ ДЕЙСТВИЕМ И ВРЕДОМ

§ 1. Значение причинной связи в обязательствах из причинения вреда

Противоправное действие становится основанием возникновения обязательства возместить последовавший за этим действием вред, если вред не только последовал за противоправным действием, но был этим действием причинен. Статья 403 ГК РСФСР возлагает на причинившего вред обязанность возместить причиненный вред. Статья 404 регулирует правовые последствия вреда, «причиненного источником повышенной опасности». Статьи 405, 407, 408, 413, 414 говорят о вреде, причиненном противоправным действием. Статья 406 также говорит о причинившем вред. Для применения постановлений ГК об обязательствах из причинения вреда между противоправным действием (а в случаях, предусмотренных ст. 406, — также и между правомерным действием) и вредом должна существовать причинная связь.

Сказанное только что отнюдь не означает, что наличие причинной связи между противоправным действием и вредом есть единственное и достаточное в советском гражданском праве основание ответственности за вред. Следует сказать больше. По общему правилу советского гражданского права одно наличие причинной связи между противоправным действием и вредом само по себе недостаточно для обоснования ответственности за причиненный вред.

Как уже указано в гл. I, обязательства из причинения вреда являются в советском гражданском праве, по общему правилу, обязательствами возмещения виновно причиненного вреда. Для возникновения такого обязательства к наличию причинной связи между противоправным действием и вредом должен, по общему правилу, присоединиться виновный характер действия, результатом которого явился вред: противоправное вредоносное действие должно быть совершено по вине того, кто его совершил.

Лишь в отдельных случаях, предусмотренных ст. 404, 406 ГК, ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР, ст. 78 Воздушного

кодекса СССР, наличие причинной связи между противоправным действием (а по ст. 406 ГК — также и правомерным) и вредом является достаточным основанием ответственности за вред.

Но всегда и неизменно для возложения на кого-нибудь ответственности за вред необходимо наличие этой связи.

Вопрос о причинной связи имеет важнейшее значение и в области договорной ответственности, точнее, ответственности за неисполнение обязательств¹.

Первостепенную роль играет вопрос о причинной связи и в сфере уголовной ответственности: во всех тех случаях, когда уголовная ответственность является ответственностью за результат определенных действий, она имеет место лишь при наличии причинной связи между такими действиями и результатом.

Таким образом, философский вопрос о причинной связи есть вопрос важнейшего значения в практике применения судом как гражданских, так и уголовных законов.

Верховный суд СССР, а равно и государственный арбитраж неоднократно подчеркивали и подчеркивают значение причинной связи для разрешения вопросов гражданской или уголовной ответственности.

Так, еще в 1926 году ГКК Верховного суда РСФСР указала, что применение постановлений об ответственности за имущественный вред «без наличия причинной связи между причиненным вредом и действием ответчика не должно иметь места, иными словами, момент причинения вреда именно данным лицом должен быть налицо», ибо без этого возложение ответственности за вред «вообще не имеет разумного смысла: причинение вреда не действиями ответчика совершенно исключает возможность призыва его к суду» (доклад о работе ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 год)².

То же повторяется много раз, не всегда в одинаковых выражениях, в определениях Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.

Так, в определении по делу № 36/271 — 1943 г. Казахской республиканской конторы Заготконь с Джамбулским отделением Госбанка Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала: «Банк несет имущественную ответственность за неправильные действия своих служащих, если между неправильными действиями работников банка и убытком имеется причинная связь»³.

¹ Подробно о значении причинной связи в вопросе об ответственности за неисполнение обязательств см. И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, М., Юриздат, 1950, стр. 300—318.

² Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. по 1 января 1929 г., М., Юриздат, 1930, стр. 105—106.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1944 г., вып. I, стр. 16—17.

В определении № 1474—1949 г. по делу Конрашвили и Осашвили Судебная коллегия подчеркнула: «Ответственность Осашвили может наступить только в том случае, если будет установлено, что в результате его противоправных действий возник вред».

В постановлении от 14 августа 1942 г. «О судебной практике по гражданским колхозным делам» Пленум Верховного суда СССР в качестве одного из недостатков этой практики отмечал: по делам о возмещении вреда, причиняемого колхозником колхозу, суды не указывают в решении: «...какие именно неправильные действия или упущения колхозника повлекли (разрядка моя. — Е. Ф.) причинение вреда колхозу», и тут же разъяснял: при рассмотрении исков колхоза к колхозникам о возмещении ущерба суд должен тщательно исследовать, «...в чем заключаются неправильные действия или упущения колхозника, повлекшие причинение колхозу вреда».

Точно так же, говорил Пленум Верховного суда в том же постановлении, «по делам о возмещении вреда, причиненного колхознику увечьем, полученным на работе в колхозе, суды должны выяснить, при каких условиях произошел несчастный случай с истцом, повлек ли он... (разрядка моя. — Е. Ф.) утрату потерпевшим трудоспособности». Это повторено и в постановлении Пленума Верховного суда СССР о судебной практике по гражданским колхозным делам 5 мая 1950 г.

Так же четко указывает на значение причинной связи между противоправным действием лица, причинившего имущественный вред, и причиненным этим действием вредом судебная практика по уголовным делам. В постановлении Пленума Верховного суда СССР по уголовным делам 21 октября 1943 г. указано: «Подсудимый не может нести солидарно материальную ответственность с другими подсудимыми по делу, если его действие или бездействие не находится в причинной связи с преступным результатом, причинившим материальный ущерб»¹.

Число таких примеров можно было бы умножить.

Но указать, что для возложения на кого-нибудь ответственности, гражданской или уголовной, должна быть налицо причинная связь между противоправным действием и результатом, об ответственности за который идет речь, — это значит поставить два других вопроса: 1) что такое причинная связь явлений? и 2) как должно применяться понятие причинной связи судом, разрешающим вопрос о гражданской или уголовной ответственности?

Отвечая существом судебных решений, определений и по-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1944 г., вып. II, стр. 8.

становлений Пленума Верховного суда СССР на оба эти вопроса, практика советских судов на разных этапах их деятельности с ясностью свидетельствует о последовательном совершенствовании работы судов, все глубже овладевающих методологическими основами марксизма-ленинизма, основными началами диалектического материализма.

В этой стороне деятельности суда, как и во всех областях деятельности государственных органов СССР, отчетливо проявляются неразрывная связь между теорией и практикой, важнейшее значение овладения марксистско-ленинской теорией для правильного разрешения практических задач.

§ 2. Основные положения диалектического материализма о причинной связи и их применение к ответственности за внедоговорный вред

1. Учение о причинной связи есть часть учения диалектического материализма, разработанного Марксом и Энгельсом и поднятого на новую высоту в трудах В. И. Ленина и И. В. Сталина.

Основные положения учения диалектического материализма о причинной связи заключаются в следующем:

а) Причинная связь между явлениями есть не субъективное представление человека о соотношении явлений, а объективно существующая связь между явлениями, находящая свое отражение в сознании человека.

«Перед нами, — указывает Ленин, — два философских направления в вопросе о причинности. Одно «претендует объяснить вещи телесными причинами»... другое сводит «понятие причины» к понятию «метки или знака», служащего «для нашего осведомления» (богом) ¹. «Субъективистская линия в вопросе о причинности есть философский идеализм... Признание объективной закономерности природы и приблизительно верного отражения этой закономерности в голове человека есть материализм...» ². «Признание объективной закономерности природы находится... в неразрывной связи с признанием объективной реальности внешнего мира, предметов, тел, вещей, отражаемых нашим сознанием» ³. «Что существует природная, объективная связь явлений мира, в этом нет и сомнения» ⁴.

б) «Объективная связь явлений мира» заключается в их взаимодействии. «В з а и м о д е й с т в и е — вот первое, что мы наблюдаем, когда начинаем рассматривать движущуюся материю в целом... Мы наблюдаем ряд форм движения... которые все... перехо-

¹ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 14, стр. 19.

² Там же, стр. 142.

³ Там же.

⁴ Там же, стр. 143.

дят друг в друга, обуславливают взаимно друг друга, являются здесь — причиной, там — действием...»¹.

«В противоположность метафизике диалектика рассматривает природу не как случайное скопление предметов, явлений, оторванных друг от друга, изолированных друг от друга и независимых друг от друга, — а как связанное, единое целое, где предметы, явления органически связаны друг с другом, зависят друг от друга и обуславливают друг друга»².

Но признание того, что связь между явлениями мира есть их взаимодействие, само по себе не обеспечивает познания мира. Искать же причину отдельного явления как совокупность всех условий, определивших данное явление, бессмысленно, ибо найти все эти условия в бесконечной связи явлений мира невозможно.

Поэтому, «...чтобы изучить эти частности, мы должны изъять их из их естественной или исторической связи и, рассматривая каждую порознь, исследовать ее свойства, ее частные причины, действия и т. д.»³. Каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи, указывает Ленин, но... частичка не субъективной, а объективно-реальной связи⁴.

в) Не всякое явление, предшествующее данному явлению, даже не всякое условие, без которого данный результат не возник бы, признается «причиной» этого результата. Причиной признается лишь то явление, предшествующее данному явлению, с которым это последнее связано внутренней, необходимой связью. Ибо следует различать внутреннюю или необходимую связь явлений и связь внешнюю, случайную.

Не отрицая существования случайности, диалектический материализм не противопоставляет ее необходимости, как то делали метафизики. «Мы знаем, — писал Энгельс, — что необходимость составляет из чистейших случайностей, а эти мнимые случайности представляют собою форму, за которой скрывается необходимость»⁵.

«Общее существует лишь в отдельном, через отдельное, — говорил Ленин. — Всякое отдельное есть (так или иначе) общее. Всякое общее есть (частичка или сторона или сущность) отдельного... Всякое отдельное тысячами переходов связано с другого рода отдельными (вещами, явлениями, процессами)... Уже здесь есть элементы, зачатки понятия необходимости, объективной связи природы. Случайное и необходимое, явление и сущность имеются уже здесь, ибо говоря: Иван есть человек,

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 407.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 536.

³ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 21.

⁴ См. Ленин, Философские тетради, ОГИЗ, 1947, стр. 136.

⁵ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 664.

Жучка есть собака, это есть лист дерева и т. д., мы отбрасываем ряд признаков, как случайные, мы отделяем существенное от являющегося и противопоставляем одно другому»¹.

Таким образом, при изучении связи явлений должно различать необходимые связи и связи случайные, факторы, необходимо обусловившие данный результат, и факторы, сопутствовавшие необходимым, но для возникновения данного результата случайные.

Фактор, необходимо обусловивший данный результат, и признается причиной этого результата. Его связь с результатом признается причинно-необходимой или, как часто говорят, причинной связью.

Явление, бывшее одним из условий возникновения данного результата, но не связанное с ним внутренней необходимой связью, есть фактор случайный, или иначе — причинно-случайный, есть повод возникновения явления, но не его причина.

г) Какой же внешний признак позволяет распознать, отделить факторы, причинно-необходимо (или просто причинно) обусловившие данный результат, от факторов случайных?

Ответ на этот вопрос определяется тем, что (как только что указано) в каждом единичном явлении, в каждом «отдельном» устойчиво проявляется и общее. Устойчивое же в природе определяется родовыми признаками. «Родовое понятие есть «сущность природы», есть закон, — говорит Ленин². Следовательно, связь между явлениями должна быть признана причинной связью, если явления одного данного рода влекут за собою явления другого данного рода. Причинная связь есть закономерная связь явлений.

При этом не имеет значения большая или меньшая отдаленность результата от причины. Ибо одно явление всегда воздействует на другое через бесчисленное множество отличных от него явлений. Но причинно-необходимой связью явлений во всех случаях остается лишь связь, которая проявляется так, что явления одного данного рода влекут за собою последствия другого данного рода.

Поэтому не существует непосредственной и посредственной причинной связи, не существует ни прямых и косвенных причин, ни прямых и косвенных последствий. Существует либо внутренняя необходимая связь между явлениями, которая и признается причинно-необходимой, или причинной связью, либо связь причинно-случайная, или случайная.

д) Каким же образом для познания отдельных частных особенностей общей картины мировых явлений человек убеждается в том, что

¹ Ленин, *Философские тетради*, ОГИЗ, 1947, стр. 329.

² Там же, стр. 250.

между двумя явлениями существует объективная внутренняя, причинно-необходимая связь, что явления одного данного рода порождают следствия другого определенного рода и, следовательно, отдельное явление первого рода должно рассматриваться, как причина отдельного явления второго рода? На этот вопрос учение диалектического материализма отвечает так:

«Благодаря деятельности человека и создается представление о причинности... Мы находим не только то, что за известным движением следует другое движение, мы находим также, что мы в состоянии воспроизвести определенное движение, создав условия, при которых оно происходит в природе; мы находим даже, что мы в состоянии вызвать движения, которые вовсе не встречаются в природе... Деятельность человека дает возможность доказательства причинности»¹. Иначе говоря, возможность открыть причинную связь явлений дает повседневная практика, прежде всего практика производства, а равно и практика других областей жизни общества.

Наряду с практикой, в ходе которой происходит процесс повседневного обнаружения причинной связи между разнообразными явлениями, стоит и научно-поставленный опыт, целью которого является обнаружение или проверка наличия причинной связи одних определенных явлений с другими. Это не внутренний «опыт» человека, о котором говорят отдельные представители идеалистической философии, а опыт над вещами. И если при производстве опыта, говорит Энгельс, «иногда случается, что не повторяется того же самого... это доказывает причинность, а не опровергает ее, ибо при каждом... отклонении от правила можно, произведя соответствующее исследование, найти причину этого... так что здесь, собственно, производится двойная проверка причинности»².

е) В каждый данный исторический момент каждое данное общество располагает известным накопленным запасом знаний, сложившимся прежде всего в практике производства, а также в практике других областей жизни. Эти знания и составляют основной фонд представлений человека об объективной причинной связи явлений. По мере развития общества этот фонд пополняется новыми знаниями, в частности приобретаемыми на основе опыта, который ставится и изучается в целях научного познания соответствующей области явлений, иначе говоря, на основе того, что называют «опытом» соответствующие отрасли науки.

ж) Причинную связь явлений, подтвержденную длительной практикой производства или широко известную в других областях жизни, называют иногда типичной причинной связью. Однако

¹ Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 405.

² Там же, стр. 406.

нельзя сказать, что всякая причинно-необходимая связь является типичной.

В отдельных случаях наблюдаются отклонения от типичного характера причинной связи, — и тем не менее связь является причинно-необходимой. Так бывает при научном открытии нового явления. Так может быть и при изучении определенного факта повседневной действительности.

2. Советская юридическая литература, в частности, литература советского гражданского права, с первых дней своего развития, в подавляющей массе книг и статей исходила из признания учения диалектического материализма о причинной связи единственной научной основой для исследования соотношения любых явлений, следовательно, и для анализа соотношения между противоправным действием и вредом, вопрос об ответственности за который разрешается судом.

Советские юристы не могли не знать, что антинаучные попытки построения «юридического понятия причинности», «приспособления понятия причинности к нуждам суда», которыми так богата буржуазная юридическая литература, имеют целью прикрывать судейский произвол в интересах эксплуататорских классов, что они создаются для того, чтобы маскировать и оправдывать признание или непризнание наличия причинной связи тех или иных фактов в соответствии с тем конкретным интересом эксплуататоров, которому служит судебное решение по данному делу.

Хорошо известно, что называемые в буржуазной литературе «беспартийными» «юридические теории причинности» в действительности связаны корнями с реакционными философскими учениями.

Широко распространенная в литературе и судебной практике каузалистических стран «теория необходимого условия», по которой причиной явления признается всякое условие, в том числе и всякое действие человека, без которого данное явление не наступило бы, — *conditio sine qua non*, — на место причинной связи подставляет чисто внешнее механическое сцепление явлений.

В то же время необходимое следование явлений часто понимается сторонниками этой теории как следование, «в котором мы уверены». Философскими истоками этих взглядов являются идеалистические, субъективистские учения о причинности Канта или Юма, о которых Ленин писал, что «различие между юмовской и кантовской теорией причинности есть второстепенное различие между агностиками»¹, либо учение Милля, для которого сущность причинного следования заключается в уверенности и ожидании и об учении которого Ленин говорил: «...мы остались в пределах агностицизма или юмизма»².

¹ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 14, стр. 151.

² Там же, стр. 96.

Откровенно идеалистическими «теориями» являются и все разновидности «теории адекватного причинения», тоже широко распространенной и в буржуазной юридической литературе, и в судебной практике капиталистических стран. Согласно этой «теории» одно явление признается причиной другого, «адекватно» ему, если, будучи одним из необходимых условий возникновения этого другого, оно «повышает вероятность» его наступления и если такое соотношение явлений «типично».

При этом для оценки «типичности» следования явлений одни представители этой «теории» отсылают к сознанию судьи, другие — к сознанию причинителя вреда (вообще правонарушителя), третьи — к сознанию стороннего наблюдателя событий.

В субъективистском, идеалистическом характере этих «теорий» усомниться трудно.

Тем не менее, в двадцатые годы эти «теории» не всегда встречали должную критику в нашей юридической литературе. Иногда делались даже безнадежные попытки «уточнения» теории адекватного причинения.

Иногда утверждали, что «причинная связь должна быть такой, чтобы результат вытекал непосредственно из действия».

Выдвигали также и понятие решающей причины, пытались сравнивать количественное и качественное значение нескольких явлений, повлекших за собою возникновение определенного результата.

Одной из ошибок в трактовке понятия причинной связи, от которой литература советского гражданского права не вполне освободилась и позднее, является смещение вопроса о причинной связи с вопросом о виновном характере действия, причинившего вред.

Между тем, если наличие или отсутствие вины лица, противоправное действие которого стало причиной вреда для другого, есть, разумеется, объективный факт, то этот объективный факт заключается в определенном субъективном отношении причинителя вреда к своим противоправным вредоносным действиям.

Причинная же связь между противоправным действием и вредом — вся в области объективных явлений и ни в какой мере не подчинена тому или иному субъективному отношению к противоправному действию со стороны того, кто это действие совершает.

При этом, если по общему правилу советского гражданского права для возложения на кого-нибудь ответственности за вред, причиненный другому, должна быть в наличии вина причинителя вреда, то в определенных, предусмотренных законом случаях, как уже сказано выше, наличие вины причинителя вреда не требуется. Причинная же связь между противоправным действием

и последовавшим за ним вредом, об ответственности за который идет речь, должна быть налицо всегда.

Игнорируя эти положения, М. М. Агарков писал в Учебнике гражданского права 1938 года: «Когда суд рассматривает отдельный случай причинения вреда... суд должен найти для каждого отдельного случая меру того, что можно требовать от гражданина социалистического государства»¹.

Между тем «мера того, что можно требовать от гражданина социалистического государства», — это мера, прилагаемая в оценке субъективного отношения гражданина к своему поведению; это мера требуемой от гражданина осмотрительности, внимательного и бережного отношения к чужим материальным и нематериальным благам; это мера, которой суд пользуется, разрешая вопрос о наличии или отсутствии вины в действиях лица, об ответственности которого за вред идет речь. Но самый вопрос о наличии или отсутствии вины в действиях определенного лица нужно и можно ставить лишь при условии положительного ответа на вопрос о наличии причинной связи между противоправным действием этого лица и вредом, ответственность за который обсуждается судом.

В Учебнике гражданского права 1944 года М. М. Агарков пошел еще дальше: «Обязательство возместить вред возникает лишь при наличии причинной связи между виновным (разрядка моя. — Е. Ф.) действием и вредом»². Между тем, как только что сказано, в тех случаях, когда закон устанавливает ответственность за вред независимо от вины причинителя, он все же имеет в виду именно ответственность за вред причиненный, т. е. причинно необходимо обусловленный противоправным действием. Следовательно, вопрос о причинной связи встает перед судом и в случаях ответственности за невиновно причиненный вред.

Не более правильны и дальнейшие утверждения М. М. Агаркова: «Суд должен установить, принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным причинным связям, с которыми приходится считаться на практике»³. В действительности суд вовсе не занимается и не должен заниматься вопросом о том, принадлежит ли связь между противоправным действием и вредом к типичным причинным связям, ибо типичный характер причинной связи между противоправным действием и вредом не является необходимым условием ответственности за вред.

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, т. II, стр. 396.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 326.

³ Там же, стр. 327.

Исходя из имущественной сферы потерпевшего, как из данного, суд должен ответить на вопрос о том, существует ли причинная связь между возникшими в этой сфере изменениями и определенными противоправными действиями другого лица.

Нередко ответ на этот вопрос не представляет никакой трудности, ибо причинная связь между противоправным действием и вредом является типичной. Если стекло в окне разбито брошенным в окно камнем, то каждому ясно, что действие бросившего камень является причиной вреда. Если стог сена вспыхнул от брошенной в него спички, то каждому ясно, что бросивший спичку причинил своим действием пожар.

В случаях более сложной связи между противоправным действием и вредом суд также нередко черпает в запасе собственных знаний о природе и различных областях общественной жизни средства признать или не признать причинный характер такой связи. В особо сложных случаях суд должен обратиться к знаниям специально в данной области осведомленных людей — экспертов.

Но когда суд, опираясь на свои или экспертов знания, признает, что в данном деле имеется причинная связь между противоправным действием и вредом, тогда то обстоятельство, что эта причинная связь не является типичной, никакого значения для судебного решения не имеет.

Б. С. Антимонов правильно указывает: «Причиной может быть и атипичный фактор, и атипичная причинная связь может быть необходимой. Не типично ранение пулей, вылетевшей не вперед, а в сторону от стреляющего при разрыве ствола, не типична смерть под наркозом ввиду идиосинкразии оперируемого к хлороформу и т. д. Но эти атипичные факторы не перестают быть причиной соответствующего результата»¹.

¹ Б. С. Антимонов, К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве — Труды научной сессии ВИЮН 1—6 июля 1946 г., Юриздат, 1948.

Очень хорошим примером сложного исследования вопроса о причинной связи, — однако при разрешении вопроса об ответственности не за внедоговорный, а за договорный вред, — представляет собою инструктивное письмо Госарбитража при СНК СССР от 8 апреля 1944 г. «О рассмотрении имущественных споров, связанных с недостатками продукции при поставке и транспортировке». Госарбитраж при СНК СССР считает необходимым проведение всеми арбитражами следующих мероприятий: «при рассмотрении всех исков, связанных с недостатками... тщательно проверять материалы дела, выявляя причины недостач». В частности, арбитражи должны выяснять, «какова была тара и упаковка груза... в каких вагонах следовал груз... не было ли перегрузки или перевалки груза в пути... когда и откуда (из вагона или с транспортного еклада) был выдан груз получателю... когда и каким способом товар был доставлен на склад получателя... Анализ перечисленных выше обстоятельств должен помочь арбитру выяснить причину недостачи продукции» («Арбитраж в советском хозяйстве», 1948, стр. 229—231).

Нельзя не заметить, что и в самом понимании типичной причинной связи М. М. Агарков был далеко не свободен от влияния «теории адекватного причинения», согласно которой «адекватно результату» лишь «типичное причинение». Ибо, поясняя понятие типичной причинной связи между противоправным действием и вредом, М. М. Агарков признавал типичной такую связь, которая «учитывается на практике», «поддается учету с точки зрения нормального жизненного опыта»¹.

Иначе говоря, типичной причинной связью М. М. Агарков считал не объективную связь явлений, ставшую общеизвестной на почве длительной практики, длительного опыта в вещах, а связь, которая «поддается учету», исходя из «нормального» субъективного жизненного опыта отдельного лица.

Понятно, что при таком утверждении немедленно встает вопрос, также хорошо знакомый «адекватистам»: чей жизненный опыт следует считать «нормальным» — судьи, лица, причинившего вред, или каких-нибудь других лиц? Иначе говоря, на место понятия объективной связи между противоправным действием и вредом ставится субъективное представление — все равно чье — об этой связи, и тем самым открывается такой простор судебскому усмотрению, который совершенно нетерпим в советском суде.

Коренная неправильность отправных позиций М. М. Агаркова привела его к неправильному разрешению приведенных им случаев из практики.

Так, неправильно отрицать наличие причинной связи между противоправным действием и вредом в случае, когда «одно лицо в шутку легко ударило другое ладонью по лбу. У потерпевшего была ненормальная хрупкость костей, которая до того не обнаруживалась, и на черепе образовалась трещина»². Вопрос о том, обнаруживалась или не обнаруживалась до того хрупкость черепных костей, не имеет никакого значения для признания нанесенного удара причинно обусловившим возникновение трещины на черепе.

В то же время этот вопрос имеет существенное значение для признания или непризнания ответственности лица, нанесшего удар. Ибо если нетипичная «хрупкость костей до того не обнаруживалась», то нанесший удар не мог о ней знать. Следовательно, в его действиях не было вины. При отсутствии же в его действиях вины он не отвечает за вред, явившийся причинно-необходимым следствием его действий.

Но наряду с примерами неправильного понимания учения

¹ «Гражданское право», учебник, 1938, ч. I, стр. 396; «Гражданское право», учебник, 1944, т. I, стр. 327.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 326.

о причинной связи советская юридическая литература насчитывает с каждым годом все больше работ, в которых учение о причинной связи представлено правильно и ряд вопросов его применения судами получает надлежащее освещение.

Такова работа Б. С. Антимонова «Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении»¹, статья Б. С. Антимонова «К вопросу о понятии значения причинной связи в гражданском праве»², «Общее учение об обязательстве» И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца и т. I Учебника гражданского права для высших учебных заведений, статья Т. Л. Сергеевой «О вопросах причинной связи в практике Верховного суда СССР по уголовным делам»³, ее же работа — «Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР по уголовным делам»⁴.

Проблема причинной связи в советском гражданском праве, есть в настоящее время проблема правильного применения судами и научным исследованием учения диалектического материализма о причинной связи.

¹ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, М., Юриздат, 1950.

² Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1—6 июля 1946 г., Юриздат, 1947.

³ «Советское государство и право» 1950 г. № 3.

⁴ Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР по уголовным делам, изд. Академии наук СССР, М., 1950;

Однако советская литература по уголовному праву не освободилась еще от ошибок в исследовании вопросов причинной связи.

Так, в учебнике уголовного права (Общая часть, 1948, стр. 304, 305), стремясь уяснить различие между причинно-необходимой и причинно-случайной связью явлений, А. А. Пионтковский в ряде выдвигаемых им положений и примеров подменяет понятие причинно-необходимой связи явлений понятием «реальной возможности» возникновения определенного явления как результата другого явления и говорит не о причинно-необходимых результатах действия, а о результатах, которые, — очевидно, с точки зрения обсуждающего эти действия, — могли наступить при наличии особых условий, имевших место в данном конкретном случае.

Точно так же и Н. Д. Дурманов («Общие основания учения о причинной связи» — сборник «Вопросы уголовного права» под ред. Б. С. Маньковского и А. Н. Трайнина, 1941, стр. 46—54), с одной стороны, говорит о единственной причине того или иного результата, а с другой, среди условий наступления результата различает такие, которые «могли и не быть» и «ведущую», «решающую причину». В то же время, опираясь на указание Энгельса, что «благодаря деятельности человека и создается представление о причинности», Н. Д. Дурманов считает, что «только те изменения объективного мира могут считаться результатом деятельности человека, как разумного существа, которые носят на себе печать его воли». Отсюда в случаях, когда движением руки спящий человек причиняет вред другому, «результату предшествовало известное телодвижение человека, но нельзя причиной считать именно действие человека». Хотя Н. Д. Дурманов и отделяет себя от тех, кто смешивает понятия причинной связи и вины, однако в только что приведенном его суждении нельзя не усмотреть именно такого смешения.

Попыткам переносить в деятельность советских судов и в научные исследования суждения сторонников «теории необходимого условия» или «адекватистов» под знаком «приспособления учения о причинной связи к нуждам судов» положен конец.

Можно считать общепризнанным в литературе советского гражданского права, что, по общему правилу, гражданская ответственность есть ответственность за вред, причинно-необходимо обусловленный противоправным действием. Причинная связь, на которую, по общему правилу, опирается ответственность за вред, есть причинно-необходимая связь между противоправным действием и вредом.

Ответственность за причинно-случайный вред предусмотрена лишь для отдельных случаев специальными постановлениями закона (см. главу VIII).

§ 3. Вопросы причинной связи в судебной практике по делам об обязательствах из причинения вреда

Параллельно с укреплением правильной трактовки проблемы причинной связи в советской юридической литературе шло и совершенствование судебной практики.

В первые годы действия гражданских кодексов советских республик в судебной практике встречались и неудачно обоснованные и неправильные по существу решения вопроса о причинной связи.

Так, в 1925 году Московский губернский суд признал торгово-промышленное товарищество обязанным возместить вред, понесенный агентом товарищества, который, пытаясь сесть на ходу в товарный вагон для сопровождения дров товарищества, сорвался и попал под вагон.

Решение Московского суда как бы исходило из «теории необходимого условия»: если бы агент не получил от торгово-промышленного товарищества поручения сопровождать дрова товарищества, он не попытался бы сесть на ходу в вагон и не потерпел бы увечья. Случайное механическое сцепление фактов было принято судом за причинную связь между ними.

В следующем году в другом деле некое ювелирное товарищество, поручившее своему агенту покупку золотых вещей, было признано обязанным возместить вред лицам, состоявшим на иждивении этого агента, который был убит и ограблен выследившими его бандитами.

Гражданская кассационная коллегия Верховного суда РСФСР отменила оба приведенные выше решения¹.

¹ «Еженедельник советской юстиции» 1925 г. № 35, стр. 1172.

Однако и практика ГКК Верховного суда РСФСР исходила иногда из признания достаточным, чтобы «действие ответчика являлось одной из причин нанесения вреда, хотя бы действия ответчика отнюдь не были достаточны сами по себе для возникновения убытка»¹. В таких случаях сама ГКК становилась на точку зрения теории «необходимого условия», усматривающей причинную связь явлений там, где в действительности имеется лишь внешнее случайное сцепление фактов.

Нельзя признать правильным и данное в 1926 году указание (отменившее приведенное только что определение ГКК) Пленума Верховного суда РСФСР на то, что ст. 403 ГК якобы требует, «чтобы действия ответчика являлись целиком причиной данного вреда... в случаях, когда имеется стечение нескольких или многих причин, суд должен оценить значение и удельный вес каждой из причин данного вреда»².

В этом указании Верховный суд исходил из неправильной мысли, будто вред может быть результатом только действий ответчика, в то время как всякое явление есть результат бесчисленного множества факторов. При этом, считая необходимым условием ответственности по ст. 403, чтобы «действия ответчика являлись целиком причиной данного вреда», Верховный суд тут же допускал ответственность и в случаях, когда имеется «стечение нескольких или многих причин», которые должны «быть оценены по значению и удельному весу». Между тем на практике возможно, конечно, установить, что один факт является нераздельным результатом нескольких других, но невозможно оценить «удельный вес» каждого из этих нескольких других, его значение для возникновения результата.

При оценке «нескольких или многих причин» ГКК Верховного суда РСФСР иногда выделяла «первоначальную», или «непосредственную», причину и считала ее «единственной» причиной возникшего вреда. В частности, такой «первоначальной», или «непосредственной», причиной вреда признавалось иногда поведение потерпевшего, которое в других случаях, при однородных фактических обстоятельствах, не признавалось, однако, «непосредственной» причиной вреда.

Так, в определении по делу 1927 года № 3542 ГКК Верховного суда РСФСР признала поведение потерпевшего, висевшего на прицепе во время движения поезда, «первоначальной причиной, создавшей условия, при которых личное поведение потерпевшего является непосредственной причиной следствия, т. е.

¹ См. постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 28 июня 1926 г., протокол № 10; Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, Юриздат. 1930, стр. 98.

² Там же.

причинения вреда»¹, и отклонила ответственность железной дороги.

В то же время, рассматривая вопрос о причинении смерти крестьянину, который, возвращаясь домой в пьяном виде в санях, заснул, вследствие чего никем не управляемая лошадь попала на полотно железной дороги, ГКК признала, что небрежность крестьянина «не имеет никакой непосредственной причинной связи с нанесенным покойному вредом, так как при более внимательном и добросовестном отношении агентов железной дороги к своим служебным обязанностям... они заметили бы на линии железной дороги лошадь со спящим седоком и приняли бы меры к недопущению несчастного случая»².

Таким образом, исходя из неправильного представления о первоначальной, «непосредственной» и всегда единственной причине вреда, только что приведенные и однородные с ними решения и определения всегда либо возлагали ответственность за вред на ответчика, либо полностью освобождали его от ответственности.

Однако, уже в 20-х годах Верховным судом РСФСР были выдвинуты положения, сыгравшие важнейшую роль в обеспечении в дальнейшем правильного применения судами понятия причинной связи.

В докладе ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 год было признано, что вред может быть «результатом неправильных, неосторожных или небрежных действий как причинителя вреда, так и потерпевшего»³.

В постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 19 июля 1926 г. подчеркнуто, что вред может быть причинен совместными действиями нескольких лиц⁴.

Ни в одном из этих указаний о взвешивании значения причин, о «первоначальных» и «непосредственных» причинах речи нет. Верховный суд исходит уже из понимания причинной связи как внутренней, необходимой связи явлений.

Вполне отчетливо проявляется это понимание в практике Верховного суда СССР. Целый ряд определений Судебной коллегии по гражданским делам отчетливо различает причинно-случайную и причинно-необходимую связь явлений.

Таково, например, определение по делу № 771—1943 г. Александяна с Тбилисским складом. Александяна был рабочим Тбилисского склада. Находясь на отведенном складе земельном участке, где трест «Саккаромысла» Наркомместпрома Гру-

¹ «Судебная практика РСФСР» 1927 г. № 11, стр. 14.

² «Известия ЦИК» 1926 г. № 153.

³ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, Юриздат, 1930, стр. 98.

⁴ Там же, стр. 109.

зинской ССР производил на основе договора подряда строительные работы для склада, Александян погиб вследствие обвала возводившихся трестом ворот. Судебная коллегия Верховного суда СССР по гражданским делам признала, что «если гибель имела место на новом строительстве и не находится в связи с выполнением обязанностей по трудовому договору», то ответственным за гибель Александяна является трест-строитель. «Если же Александян погиб в связи с выполнением служебных обязанностей по трудовому договору, то ответственным за его гибель является Тбилисский склад»¹.

Иначе говоря, Судебная коллегия считала, что ответственность за гибель Александяна должна нести та организация, с действиями которой причинно-необходимо связан несчастный случай с Александяном.

То обстоятельство, что Александян был рабочим Тбилисского склада, еще не является объективной предпосылкой ответственности склада за смерть Александяна. Если исполнение Александяном служебных обязанностей было лишь в причинно-случайной связи с его гибелью (он находился по служебным делам на участке, где произошел несчастный случай), а самый несчастный случай был причинно-необходимо обусловлен действиями строительного треста (обвалом ворот), то может быть поставлен только вопрос об ответственности строительного треста.

Разрешение вопроса о причинной связи имело в данном деле тем большее значение, что в случае признания гибели Александяна причинно обусловленной действиями треста-строителя, последний в силу ст. ст. 414 и 404 ГК нес бы ответственность за гибель Александяна независимо от наличия вины в действиях работников треста. Тбилисский же склад, с которым Александян состоял в трудовых отношениях, нес бы ответственность за гибель Александяна в силу ст. 413 ГК только при наличии в действиях администрации склада преступного действия или бездействия.

Однородно и определение Судебной коллегии по гражданским делам по делу № 364 — 1942 г., в котором разрешался вопрос о возмещении вреда грузчику Таджикпотребсоюза Киселеву, который получил увечье при погрузке дров по заданию не предприятия, где он служил, а центральной базы Таджикснабсбыта².

То же различие причинно-необходимой и причинно-случайной связи находит себе выражение и в ряде определений Судебной коллегии Верховного суда СССР по уголовным делам.

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1944 г., вып. IX (XV), стр. 14.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1942 г., стр. 167.

Таково, в частности, определение от 13 июля 1949 г. по делу Бощвадзе, осужденного за неосторожное убийство. Увидев, что Григолия сел на его лошадь и стал ее гонять, Бощвадзе поймал Григолия и ударил его. Испугавшись, Григолия бросился бежать, перепрыгнул через забор и сломал себе ногу, а впоследствии умер от заражения крови. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР признала, что «смерть Григолия в причинной связи с действиями подсудимого не находится». Точнее было бы сказать: смерть Григолия явилась причинно-случайным результатом действий Бощвадзе, за которые он ответственности не несет.

Неоднократно подчеркивает Верховный суд СССР, что вероятность возникновения вреда не должна отождествляться с его причинной обусловленностью действием лица, об ответственности которого идет речь.

Так, в приведенном выше (стр. 54) определении по делу № 1474—1949 г. по иску Кокрашвили и Осашвили Судебная коллегия по гражданским делам указала, что «сам по себе факт падежа свиньи, находившейся во владении ответчика, еще не является достаточным основанием для возложения ответственности на ответчика. Ответственность Осашвили может наступить только в том случае, если будет установлено, что в результате (разрядка моя. — Е. Ф.) его противоправных действий наступил вред».

Очень показательно и определение Судебной коллегии по уголовным делам от 13 августа 1946 г. по делу Моржовой и Цуваревой. Судебная коллегия указала: «Вопрос о связи возникновения... пожара с теми нарушениями правил пожарной безопасности, которые допустили осужденные, является основным... Только зная, отчего произошел пожар, суд может установить, связано ли возникновение пожара с тем нарушением правил пожарной безопасности, которые допустили обвиняемые. Между тем, причина пожара не установлена. В материалах дела содержатся данные, указывающие на возможность возникновения пожара от иной причины, чем указанное в приговоре». Ввиду этого, т. е. ввиду отсутствия подтвержденной материалами дела причинной связи между нарушением Моржовой и Цуваревой правил пожарной безопасности и возникшим пожаром, Судебная коллегия отменила обвинительный приговор в отношении названных лиц¹.

На правильное понимание значения причинной связи опирается и практика Верховного суда СССР в вопросе о солидарной ответственности лиц, совместно причинивших вред (см. гл. IX), и о влиянии умысла или грубой неосторожности потерпевшего на размер подлежащего возмещению вреда (см. гл. XI).

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. VIII, стр. 9.

§ 4. Вопрос о так называемой каузальности бездействия

Выше указано, что противоправным может быть не только положительное действие, но и бездействие.

В связи с этим в литературе как гражданского, так и уголовного права остается до сих пор спорным вопрос о «каузальности бездействия», т. е. вопрос: лежит ли в основе устанавливаемой законом в ряде случаев ответственности за бездействие причинная связь между бездействием и вредом? Одни советские юристы (Б. С. Антимонов¹, М. Д. Шаргородский²) отвечают на этот вопрос отрицательно. Они считают, что действие, которое не было совершено, не может быть причиной того или иного результата. Другие (А. А. Пионтковский³ и Л. А. Лунц) говорят, что отрицание каузальности бездействия означает «механическое перенесение положений, правильных для понимания закономерностей природы», на изучение общественных явлений, что «бездействие лица в общественных отношениях при определенных условиях не есть ничто, а есть определенное поведение, есть нечто»⁴.

Невозможно, однако, согласиться с тем, будто положения о закономерностях природы неприменимы к общественным явлениям. Энгельс говорит, что взаимодействие, как связь явлений, обнаруживается, когда мы мысленно рассматриваем природу или человеческую историю (разрядка мая. — Е. Ф.). Каузальность познается, когда «частности» изъятые из их естественной или исторической (разрядка мая. — Е. Ф.) связи⁵.

Ленин в «Философских тетрадах» отмечает, что «движение отношения каузальности» — на деле: движение материи respective движение истории...»⁶, а И. В. Сталин с ясностью, не оставляющей места сомнениям, указывает на то, что «исторический материализм есть распространение положений диалектического материализма на изучение общественной жизни, применение положений диалектического материализма к явлениям жизни общества, к изучению общества, к изучению истории общества»⁷.

Как же, исходя из этих положений, не применять понятия каузальности явлений природы к исследованию явлений жизни общества?

¹ Б. С. Антимонов, назв. статья в Трудах научной сессии Всесоюзного института юридических наук, 1947, стр. 65—66.

² М. Д. Шаргородский, Причинная связь в уголовном праве — Ученые записки ВЮИОН, вып. X, стр. 183—186.

³ А. А. Пионтковский, Проблема причинной связи в праве — Ученые записки ВЮИОН и ВЮА, 1949, стр. 88—89.

⁴ А. А. Пионтковский, назв. статья в Ученых записках ВЮИОН и ВЮА.

⁵ См. Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 20, 21.

⁶ Ленин, Философские тетради, 1947, стр. 136.

⁷ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 535.

Но признание необходимой связи явлений, конечно, не означает их фатального следования. Зная эту необходимую связь, человек может воздействовать на явление, которое, как это проверено опытом, является причиной определенного результата. Изменяя причину, человек воздействует и на результат. Не воздействуя на причину, он не парализует, не устраняет и результата. А если он обязан в силу закона совершить действие, которое должно устранить порождение известным фактором определяемого результата, то несовершенство этого действия, бездействия является противоправным. За это противоправное бездействие законом и устанавливается ответственность.

Защищая в работе «Общее учение об обязательстве» (стр. 314—316) «каузальность бедствия», Л. А. Лунц пишет, что «обязывая лицо к действию при известных условиях, советский закон тем самым способствует созданию определенного положения вещей; действие лица, предписанное законом... приобретает характер закономерного общественного явления, и этот результат является одним из случаев воздействия нашего государства на общественные отношения при помощи советского закона». При этом Л. А. Лунц не замечает, что он говорит не о результате действия, а о действии, как результате. И притом как о «результате действия» правовой нормы.

Но хотя мы и употребляем в разговорной и литературной речи выражение «результат применения закона», «результат действия закона», однако невозможно сказать, что норма закона есть «причина» соответствующих ей действий лица.

Норма закона есть веление. И советский гражданин сознает себя обязанным выполнять это веление. Норма предписывает определенное поведение, создает властно действующий мотив поведения, воспитывает определенные навыки поведения, но не «причиняет» это поведение. Рассуждение Л. А. Лунца относится к вопросу о соотношении правовой нормы и поведения, а не к вопросу о соотношении поведения человека и результата этого поведения. А проблема причинности в связи с ответственностью за результат есть именно проблема соотношения поведения человека и результата этого поведения. Невозможно согласиться с Л. А. Лунцем и когда он говорит, будто ответственность по ст. 404 ГК есть ответственность за последствия невиновного бездействия лица, эксплуатирующего источник повышенной опасности.

Ответственность по ст. 404 вообще не есть ответственность за поведение владельца источника повышенной опасности. Как бы усердно, тщательно и настойчиво ни действовал этот владелец, стремясь обезвредить источник повышенной опасности, он все-таки понесет ответственность по ст. 404 ГК за вред, причиненный действием источника повышенной опасности. В этом смысл

ст. 404 ГК (см. гл. VIII). Для ответственности по ст. 404 надо, чтобы вред был причинен не поведением «владельца» источника повышенной опасности, а действием источника повышенной опасности, которым владелец пользуется в той или иной деятельности. Говорить же о вреде, причиненном бездействием источника повышенной опасности, очевидно, невозможно. Наконец, неправильно утверждение Л. А. Лунца, будто отрицание «каузальности бездействия» приведет к тому, что целый ряд случаев ответственности за вред будет рассматриваться не по началам причинной связи, а по каким то иным основаниям». Причинная связь имеет существенное значение и в случаях противоправного бездействия. При возложении ответственности за противоправное бездействие учитывается лишь тот результат, который причинно обусловлен противоправно не устраненным фактором, — понятие причинной связи применяется так же, как при причинении вреда положительным действием. При этом учитывается лишь та часть результата, которая могла бы быть устранена, если бы несовершенное действие было совершено. Речь идет уже о некоторой предполагаемой причинной связи фактов, однако о такой связи, которая неоднократно обнаруживалась в других однородных случаях. Иначе говоря, предположение опирается на объективную причинную связь. Таким образом, в области обязательств из причинения вреда ответственность за бездействие есть ответственность за неустранение фактора, который причинно связан с вредом, причем учитывается та часть вреда, которая могла бы быть устранена, если бы действие, к которому было обязано данное лицо, было им совершено.

ГЛАВА V

ВИНА ЛИЦА, ПРИЧИНИВШЕГО ВРЕД

§ 1. Принцип вины и принцип причинения в обязательствах из причинения вреда в советском гражданском праве

1. В предшествующих главах уже не раз указано: по общему правилу советского гражданского права одной причинной связи между противоправным действием и последовавшим за ним вредом еще недостаточно для обоснования ответственности лица, совершившего противоправное вредоносное действие. По общему правилу основанием ответственности за причиненный вред является в советском гражданском праве не факт причинения вреда, а факт виновного его причинения. Предпосылками ответственности за вред являются объективная причинная связь между противоправным действием и вредом и объективный факт определенного субъективного отношения причинителя вреда к совершаемому им противоправному действию: умысел или неосторожность причинителя вреда.

Вред, причиненный без вины причинителя, называют случайным вредом.

Значение слова «случай» в гражданском праве не совпадает с философским понятием случайности. Случайность в философском смысле означает отсутствие причинно-необходимой связи между двумя явлениями. «Случай» в гражданско-правовом смысле означает отсутствие вины при совершении противоправного действия, причинно-необходимо обусловившего вред.

Так же, как и принцип ответственности за противоправное действие, принцип вины выражен в ст. 403 ГК РСФСР в отрицательной форме: согласно этой статье причинивший вред освобождается от обязанности возместить вред, «если докажет, что он не мог предотвратить вреда». Следовательно, обязанность возместить противоправно причиненный вред основывается на непредотвращении этого вреда, который мог, а значит, и должен был быть предотвращен лицом, причинившим вред.

Формула, в которой принцип вины как основания ответственности за противоправно причиненный вред выражен в ст. 403 ГК, сыграла своеобразную роль в неправильном толковании ст. 403 в первые годы действия советских гражданских кодексов. В этой формуле искал себе опору обосновывавшийся и другими

соображениями антинаучный и практически вредный взгляд на ст. 403 ГК как на выражение не «принципа вины», а «принципа» или «теории» причинения, «теории» ответственности причинителя за всякий противоправный вред, хотя бы и причиненный им без вины.

Еще в конце 20-х годов с достаточным основанием указывали, что в юридической литературе того времени нередким было понимание ст. 403 как статьи, строящей ответственность за вред на «голом» принципе причинения.

Этот взгляд находил себе иногда выражение и в судебной практике. Так, в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 18 мая 1925 г. также говорилось: «XIII отдел Гражданского кодекса основывает ответственность за вред не на вине».

2. Разумеется, одной лишь формулы ст. 403 было бы недостаточно для того, чтобы — пусть в течение нескольких лет — сказывалось влияние «теории» причинения как обоснования правила, выраженного в ст. 403.

Формула ст. 403 лишь своеобразно укрепляла стремление толковать эту статью как выражение принципа причинения, представлявшегося в то время некоторым советским цивилистам «объективным, социалистическим» принципом в противоположность индивидуалистическому принципу вины в буржуазном гражданском праве.

Взгляд на принцип причинения как на социалистический принцип ныне искоренен в советской юридической литературе и в нашей судебной практике.

История показывает, что от принципа причинения отправлялись в своем развитии системы гражданского права рабовладельческих обществ. Лишь по мере развития товарно-денежных связей и усложнения всей хозяйственной жизни принцип вины как основания ответственности за противоправно причиненный вред утвердился в древнем римском праве. Из римского права он перешел и в право буржуазное. Его взяли под сомнение, ему даже попытались объявить войну в годы перехода капитализма в стадию империализма и затем в период империализма.

Частичный отказ буржуазного гражданского законодательства от принципа вины был связан с развитием промышленности и транспорта во второй половине XIX и в XX в.

Механизированные промышленные предприятия, все более широкое применение химии в промышленности, развитие разнообразных видов механизированного транспорта выдвинули в гражданском праве капиталистических стран понятие «вреда, причиненного вещью», понятие «опасных вещей».

Развитие техники в годы перехода капитализма в стадию империализма и затем в период империализма значительно усилило экономическую роль «опасных вещей».

«Опасные вещи» — это механизированные промышленные предприятия, предприятия химической промышленности, механизированного транспорта и др. В ходе пользования «опасными вещами» они не поддаются полностью контролю человека и тем самым оказываются опасными для тех, кто с ними соприкасается, — для окружающих. Бедствие огромного травматизма, который губит и калечит на таких капиталистических предприятиях тысячи рабочих, усугублялось правилом буржуазного гражданского права о распределении бремени доказательств в спорах об обязательствах из причинения вреда.

По буржуазному гражданскому праву в исках из причинения вреда вину причинителя обязан доказывать потерпевший. Понятно, как трудно доказать вину предпринимателя или его агентов, когда рабочий понес вред, работая в современном сложном механизированном предприятии. Понятно, что тысячи исков о возмещении такого вреда отклонялись буржуазными судами.

Отсюда — борьба рабочего класса всех крупнейших капиталистических стран за изменение — вместе с другими постановлениями так называемого «фабричного», «промышленного», «рабочего» законодательства — также и законов о возмещении вреда, причиненного рабочему увечьем, вреда, понесенного семьей в случае смерти рабочего в связи с исполнением им служебных обязанностей.

«Ни один «фабричный закон» не издается правительством до тех пор, пока рабочие не выйдут на борьбу, пока правительство не станет перед необходимостью удовлетворить их требования. История показывает, что каждому «фабричному закону» предшествует частичная или всеобщая стачка»¹.

Признав, что «...соединенные рабочие представляют из себя силу, с которой приходится считаться...»², капиталисты и правительства капиталистических стран вынуждены идти на изменения «фабричного» законодательства, на уступки — «...всегда неискренние, — говорит В. И. Ленин, — всегда половинчатые, часто совершенно лживые и кажущиеся, обыкновенно обставляемые рядом более или менее тонко прикрытых ловушек»³. И. В. Сталин характеризует эти уступки как средство, «которое, по мнению реакции, могло бы углубить разногласия в лагере пролетариата, возбудить ложные надежды у отсталой части рабочих, заставить их отказаться от борьбы и объединить их вокруг правительства»⁴.

В ряду этих половинчатых и лживых уступок Ленин называет и «...законы о вознаграждении рабочих, пострадавших от увечий»⁵.

¹ Сталин, Соч., т. 1, стр. 291.

² Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 2, стр. 101.

³ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 6, стр. 464.

⁴ Сталин, Соч., т. 1, стр. 288.

⁵ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 6, стр. 465.

Эти законы, начиная с третьей четверти XIX в., исходят уже во всех капиталистических странах не из принципа вины, а из принципа причинения. Но, расширяя таким образом сферу ответственности предпринимателей, эти законы неизменно умаляют бремя ответственности предпринимателя ограничением размеров подлежащего выплате возмещения и рядом других правил, ограничивающих права потерпевшего.

В целях прикрытия совершенной недостаточности охраны интересов рабочих и служащих новыми законами в литературе буржуазного гражданского права стали громко восхвалять принцип причинения, на котором основаны эти законы, подчеркивать его «справедливый», «социальный» характер. От этого восхваления перешли и к пропаганде принципа причинения как единственного во всех случаях справедливого основания ответственности за всякий имущественный вред.

Лживо демагогический характер этой пропаганды остался незамеченным сторонниками принципа причинения в нашей юридической литературе.

Принцип причинения как единственное основание ответственности за противоправно причиненный вред поддерживала и кучка вредителей, действовавшая некоторое время на правовом фронте и пытавшаяся свести на нет воспитательную роль советского гражданского права, представив его как орудие слепой расправы с правым и виноватым.

Устраняла всякую оценку субъективной стороны противоправного действия и предложенная Стучкой вместо «принципа причинения» концепция социально вредного действия (в уголовном праве — социально опасного действия).

Надо, однако, сказать, что и в первые годы действия Гражданского кодекса ст. 403 понималась целым рядом советских юристов правильно. Наиболее полное обоснование толкования ст. 403, как построенной на начале вины, дал в то время С. И. Аскназий¹. На ту же точку зрения встал и М. Я. Пергамент в отзыве на комментарий в ГК². Эту точку зрения разделил и ряд других советских цивилистов.

Позднее Х. И. Шварц показал и отсутствие «новизны», на которую притязал принцип причинения, в действительности присущей примитивным эксплуататорским системам права, и то «пленение буржуазной идеологией»³, которое отражалось во взглядах сторонников принципа причинения в советской цивилистической литературе.

¹ «Вестник советской юстиции» 1925 г. № 20 (статья С. И. Аскназий).

² Там же, 1928 г. № 15/16.

³ Х. И. Шварц, Значение вины в обязательствах из причинения вреда, Юриздат, 1938, стр. 7.

3. Философские истоки защиты принципа причинения лежат в вульгарном детерминизме: раз воля человека обусловлена внешними условиями, в которых протекает деятельность человека, то якобы невозможно говорить о свободе воли. Отсутствие же свободы воли исключает и возможность говорить о вине.

Между тем марксистский «детерминизм не только не предполагает фатализма, а, напротив, именно и дает почву для разумного действованиа»¹.

Марксизм не раз подчеркивает, что чем более человек овладевает природой, тем большее значение приобретает активная роль человека в историческом процессе. «Свобода заключается не в воображаемой независимости от законов природы, а в познании этих законов и в возможности поэтому планомерно пользоваться ими для определенных целей, — говорит Энгельс, — ...свобода воли означает не что иное, как способность принимать решения со знанием дела... Следовательно, свобода состоит в господстве над самим собой и над внешней природой, основанном на познании естественной необходимости... Следовательно, чем свободнее суждение какого-нибудь человека по отношению к известной проблеме, с тем большей необходимостью будет определено содержание этого суждения; а, наоборот, вытекающая из незнания неуверенность, которая выбирает якобы произвольно между многими различными и противоположными решениями, этим именно доказывает свою несвободу»².

При этом тут же Энгельс говорит: «Нельзя толковать о праве и нравственности, не касаясь вопроса о так называемой свободе воли, о вменяемости человека, об отношении между необходимостью и свободой»³.

«Идея детерминизма, устанавливая необходимость человеческих поступков, отвергая вздорную побасенку о свободе воли, нимало не уничтожает ни разума, ни совести человека, ни оценки его действий, — писал Ленин. — Совсем напротив, только при детерминистическом взгляде и возможна строгая и правильная оценка, а не сваливание чего угодно на свободную волю»⁴.

Пропаганда в период империализма в литературе буржуазного гражданского права принципа причинения как единственного «социального», «справедливого» основания ответственности за вред есть демагогическая ложь, направленная на прикрытие действительного лживого характера законов ответственности предпринимателей за вред, понесенный рабочим в связи с исполнением служебных обязанностей. А отказ от понятия вины, который пред-

¹ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 1, стр. 400.

² Маркс и Энгельс, Соч., т. XIV, стр. 114.

³ Там же, стр. 113.

⁴ Ленин, Соч., изд. 4-е, т. 1, стр. 142.

лагается некоторыми представителями буржуазного уголовного права, попытки заменить или сочетать его с понятием «опасного состояния» выражают, как это вполне ясно показано в литературе советского уголовного права, стремление буржуазии, охваченной страхом за свое господство, обеспечить фактическое подавление всех, кто опасен для этого господства¹.

Советскому праву принцип вины не только не чужд. Следует сказать больше: принцип вины имеет особое значение для социалистического общества, в котором «...свободное развитие каждого является условием свободного развития всех»².

В работе «Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи советской власти» В. И. Ленин писал: «...мы не можем в точности даже представить себе в настоящее время, какие богатые силы таятся в массе трудящихся... какие силы могут развернуться при социалистическом устройстве общества»³.

«Реальность нашей программы — это живые люди, — указывал И. В. Сталин, — это мы с вами, наша воля к труду, наша готовность работать по-новому, наша решимость выполнить план»⁴.

С исчерпывающей полнотой охарактеризовано значение вклада каждого отдельного человека для жизни и деятельности социалистического общества в словах И. В. Сталина о том, что «...из всех ценных капиталов, имеющих в мире, самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры»⁵.

Из этого признания роли вклада каждого отдельного человека в дело социалистического общества вытекает сталинская забота о личности человека, вытекает проблема кадров и неуклонное совершенствование способов ее разрешения. Из этого же признания значения личных сил и труда каждого отдельного человека вытекает и моральная ответственность гражданина социалистической страны перед своим государством и своими согражданами. Из природы социалистического общества вытекает неразрывная связь основных прав гражданина с его обязанностями, закрепленная Сталинской Конституцией. Из нее вытекает и правовая ответственность гражданина за то, что Советское государство признает его виной.

«Добиться персональной ответственности — самое важное, — говорит Ленин⁶. — Чтобы наказать, надо найти виновных»⁷.

¹ См. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 70 и сл.

² Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической Партии, 1948, стр. 80.

³ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXII, стр. 417.

⁴ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 349.

⁵ Там же, стр. 491.

⁶ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIX, стр. 409.

⁷ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 250—251.

«Обязательно найдите виновных...», — требовал Ленин в записке о простое шведского завода «Нитвес и Гольм»¹.

«Марксизм является врагом уравниловки»², — учит товарищ Сталин. Применение этого принципа к области ответственности за причиненный вред требует не только точного учета характера и размера причиненного вреда, но и учета всех условий, при которых вред причинен, — прежде всего учета субъективного отношения причинителя к своим действиям, причинившим вред другому.

Из этого принципа и исходят ныне при толковании ст. 403 ГК РСФСР как советская цивилистическая литература³, так и судебная и арбитражная практика.

Небезынтересно отметить, что в работе Х. И. Шварца, вышедшей в свет в 1938 году, приведены всего несколько определений Гражданской кассационной коллегии Верховного суда СССР и одно постановление Верховного суда РСФСР, прямо упоминающие слово «вина».

Между тем в настоящее время слово «вина» стало одним из самых употребительных в определениях Судебной коллегии по гражданским делам и в постановлениях Пленума Верховного суда СССР, в которых речь идет об ответственности по ст. 403 ГК.

Так, в определении по делу № 1181 — 1940 г. по делу Исакадзе с Боржомской городской аптекой Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала: «Суд не выяснил, в какой мере причиной гибели павших коров является вина работников аптеки»⁴.

В определении по делу № 1474 — 1949 г. по иску Кокрашвили к Осошвили Судебная коллегия по гражданским делам указала: «По делу ничем не установлено, что вред возник по вине ответчика».

В определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу Брейкиной и Ивановой указано, что «Иванова не может нести ответственности, так как в действиях ее отсутствует не только уголовная, но и гражданская вина».

Лишь в случаях, когда по особым условиям той или иной дея-

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXIX, стр. 401.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 470.

³ См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II; «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 322—326; «Советское гражданское право», учебник для юридических высших учебных заведений, 1950, т. I, стр. 437 и сл.; «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1950; Агарков, Обязательства из причинения вреда — «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 1; Агарков, Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда — «Советское государство и право» 1940 г. № 3; Шварц, назв. соч., И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, стр. 319; названная работа Б. С. Антимонова и др.

⁴ Сборник постановлений Пленума и определений судебных коллегий Верховного суда СССР 1940 г., стр. 225.

тельности необходимы особые способы стимулирования борьбы с причинением вреда, как то имеет место в деятельности для окружающих (см. гл. VIII), ответственность за причиненный вред возлагается советским гражданским правом на причинителя вреда независимо от наличия его вины.

Для других случаев, когда нарушение того или иного охраняемого советским правом блага происходит независимо от вины кого-либо, советское право создает иные способы восстановления нарушенного блага. Основное место среди этих способов занимает страхование: государственное имущественное и личное страхование, государственное социальное страхование и социальное обеспечение. В целом ряде отдельных случаев Советское государство приходило и приходит на помощь пострадавшим от стихийных бедствий. Но причинитель имущественного вреда несет ответственность по общему правилу лишь в случаях, когда он виновен в причинении вреда. Иное отношение не вышло бы с высоким уважением к личности человека, которым проникнуто все советское право, с уважением к личности гражданина социалистического государства. Оно было бы проявлением обезлички в общественной оценке советского человека, которая значительно ослабляла бы воспитательное значение советского гражданского права, в частности, воспитательное значение обязательств из причинения вреда.

§ 2. Формы вины и «критерии» неосторожной вины

1. Выше указано, что под виной понимается 1) умысел и 2) неосторожность лица, совершившего противоправное действие. Советские гражданские кодексы не говорят об этих двух формах вины правонарушителя. Они упоминают о них, устанавливая положения о значении вины потерпевшего от правонарушения: ст. 403 ГК РСФСР говорит об умысле и грубой небрежности потерпевшего, ст. 404 рядом с умыслом потерпевшего ставит его грубую неосторожность (ст. 118 ГК говорит об умысле и неосторожности кредитора, не получившего исполнения обязательства от должника). Но ни советская цивилистическая литература, ни судебная практика никогда не сомневались в том, что умысел или неосторожность являются также и формами вины лица, причинившего внедоговорный вред (а равно и должника, причинившего вред неисполнением обязательства). Содержание понятий «умысел» и «неосторожность» раскрыто не в гражданском, а в уголовном законе. Согласно ст. 10 УК РСФСР и соответствующих постановлений УК других союзных республик умыслом является предвидение последствий своих действий с желанием или сознательным допущением наступления этих последствий. Предвидение последствий своих действий с желанием их наступления называют

прямым умыслом. Предвидение последствий с сознательным допущением их наступления называют косвенным (эвентуальным) умыслом.

Неосторожность может проявиться либо в том, что человек не предвидит последствий своих поступков, которые должен был предвидеть, либо предвидит их и легкомысленно рассчитывает их предотвратить. В первом случае перед нами небрежность, во втором — самонадеянность.

В нашей литературе было сделано противопоставление умысла неосторожности. В Учебнике гражданского права 1938 года было сказано: «Умысел можно охарактеризовать как упречное состояние воли, неосторожность — упречное состояние интеллекта».

Однако в самом определении умысла, данном ст. 10 УК, волевой акт («желали этих последствий или сознательно допускали их наступления») неразрывно связан с моментом интеллектуальным («предвидели общественно опасный характер последствий своих действий»). Поэтому считать умысел только волевым процессом невозможно. Тем не менее несомненно, что в сложном психическом процессе, каким является умысел, упречна именно воля.

Но разве можно сказать, что воля не упречна при неосторожности? Ведь для ст. 10 УК неосторожность заключается в том, что человек «действовал неосторожно», т. е. совершил волевой акт, — ибо действие есть проявление воли вовне, — не предвидя последствий своих действий, которые он должен был предвидеть, или легкомысленно рассчитывая предотвратить эти последствия. Таким образом, порочность воли налицо как при умысле, так и при неосторожности. Интеллектуальный же состав того и другого психического процесса различен. В Учебнике гражданского права 1944 года противопоставления умысла как упречности воли и неосторожности как упречности интеллекта — уже нет¹.

Умышленное причинение вреда в качестве гражданского правонарушения почти не встречается в практике советских судов. Умышленное правонарушение обыкновенно оказывается преступным действием, предусмотренным уголовным законом, и требование возмещения имущественного вреда осуществляется путем предъявления гражданского иска в уголовном деле.

Основным видом гражданских правонарушений, влекущих за собой обязанность возмещения вреда, являются правонарушения, совершенные по неосторожности. Именно они, а не правонарушения умышленные, представляют для гражданского права значительную теоретическую и практическую трудность.

¹ В Учебнике гражданского права (1950 г., т. I), в «Общем учении об обязательстве» И. Б. Новицкого и Л. А. Лунца также нет этого противопоставления. См. о нем Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 93—97.

2. В самом деле, что означают слова: вред причинен по неосторожности? В чем заключается требуемая от человека мера осторожности? При каких фактических условиях следует признать, что эта мера не соблюдена? Иначе говоря, какой мерой, каким масштабом измеряется поведение человека, когда хотят признать наличие или отсутствие в его действиях неосторожности?

Со всей определенностью вопрос о масштабе, который прилагается к поведению человека для признания или непризнания в его поведении наличия вины, был поставлен в названной выше книге Х. И. Шварца.

Однако суждения, высказанные Х. И. Шварцем по вопросу о «масштабе ответственности», недостаточно выдержаны. Начав с того, что «масштаб ответственности должен быть объективным», Х. И. Шварц указывает: «Конкретность подхода требует, чтобы масштаб ответственности был построен не только объективно, но и дифференцированно, с учетом социального положения (в широком значении этого слова) причинителя, его образовательного уровня, с одними требованиями, предъявляемыми к специалисту, и с другими требованиями, предъявляемыми к неспециалисту, с учетом характера вредоносного результата (поскольку предвидение результата обязывало деятеля к особой внимательности).

Подходя с объективным масштабом, мы скажем причинителю, что он не соблюдал необходимую в социалистическом обществе осторожность, недостаточно оценивая опасность своих действий для других»¹.

Однако несколько выше Х. И. Шварц указывает: «Критерием должен быть средний гражданин социалистического общества и заботливость этого гражданина в отношении общественного блага, блага родины, его заботливость в отношении своих сограждан. К тому, кто нарушает уровень поведения, присущий среднему добросовестному гражданину социалистического общества, мы вправе обратиться с упреком: почему ты вел себя хуже, чем в подобных условиях должен вести себя советский гражданин?»².

Но о каком «среднем уровне» заботливости можно говорить, если, как это несомненно правильно утверждает Х. И. Шварц, масштаб ответственности должен быть построен не только объективно, но и дифференцированно, если социалистическое общество в целом ряде случаев требует проявления самой высокой заботливости, требует самого тщательного учета опасности своих действий для других?

Объективный масштаб оценки, названный Шварцем масштабом «средней заботливости гражданина в отношении общественного блага, блага родины... в отношении своих сограждан», ока-

¹ Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 36.

² Там же, стр. 35.

зывается в дальнейшем отнюдь не средним в трактовке его самим Х. И. Шварцем.

И это правильно. Объективный масштаб оценки поведения для установления наличия или отсутствия вины человека не совпадает в советском гражданском праве со «средним масштабом». В этом — одно из принципиальных различий между советским социалистическим гражданским правом, с одной стороны, и буржуазным гражданским правом — с другой. Буржуазное гражданское право требует от участника гражданского оборота соблюдения средней заботливости, средней осторожности, а в некоторых, отдельных случаях довольствуется и осторожностью, не достигающей среднего уровня. Этот средний масштаб исходит из пронизывающего буржуазное гражданское право противопоставления общественного и частного интереса, из представления о каждом отдельном человеке, как носителе интересов безразличных, а сплошь и рядом и враждебных интересам всех остальных, из конкуренции, которая скрыта в каждом договоре и роли которой нельзя не учитывать и при обсуждении обязательств из причинения вреда.

Исходя из этих условий, буржуазное гражданское право не может предъявлять к человеку требования осмотрительности выше средней для предотвращения вреда, который может быть причинен его действием другому лицу.

Советское гражданское право исходит из сочетания личных интересов с общественными, из социалистического отношения к общественному долгу и труду. Поэтому советское гражданское право не может довольствоваться средней осмотрительностью человека в его действиях, связанных с интересами Советского государства, социалистического общества, его граждан.

Советское право не может исходить из среднего масштаба оценки поведения граждан и потому, что средний масштаб всегда основан на некотором итоге прошлого. Между тем борьба между старым и новым, между отмирающим и нарождающимся есть закон нашего развития.

Партия большевиков и Советское государство ставят все новые конкретные задачи на пути построения коммунизма, и невозможно оценивать вклад каждого отдельного человека в дело разрешения этих задач, исходя из критериев, сложившихся до того, как эти задачи были поставлены. Советское гражданское право для установления в каждом отдельном случае в поведении гражданина отсутствия вины требует наличия такой заботливости и такого внимания к своим действиям, какие «диктуются общественным долгом и правилами социалистического общежития»¹. Здесь еще раз выступают правила социалистического общежития в каче-

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 375.

стве критерия оценки поведения человека, критерия, конкретизирующего своим содержанием содержание абстрактного требования соблюдать во всех случаях «необходимую со стороны члена социалистического общества осторожность».

Поэтому следует присоединиться к Л. А. Лунцу, обсуждавшему соответствующий вопрос в связи со сферой договорных обязательств, но выдвинувшему положения, подлежащие применению и в сфере обязательств из причинения вреда. Ибо понятие вины однородно по содержанию в обеих этих сферах. Л. А. Лунц говорит: «Вина всегда субъективна» — относится к конкретному человеку, но масштаб для того, чтобы судить о наличии конкретной вины, как основания для гражданско-правовой ответственности, всегда носит «объективный», «абстрактный» характер, так как масштаб этот дается существующими общественными отношениями; отказ от такого абстрактного масштаба означал бы отсутствие правового критерия для определения гражданско-правовой ответственности... В буржуазном праве абстрактный критерий... носит действительно характер «средней мерки»... совершенно иной характер носит абстрактный критерий в советском праве. Это ни в коем случае не средняя мерка. Напротив, здесь имеет место самая широкая дифференциация как в выборе масштаба, так и в его использовании — в зависимости от характера деятельности, важности работы для государства в данный период времени».

Правильно и указание Л. А. Лунца на то, что абстрактный масштаб в социалистических условиях включает в себя обязательное использование человеком всех доступных ему возможностей для предотвращения вреда. При наличии особенно высоких возможностей предотвращения вреда они должны быть использованы. Это также вытекает из того, что дифференцированный масштаб осторожности и осмотрительности не есть в советском праве средний масштаб¹.

На той же точке зрения Л. А. Лунц остался как в работе «Общее учение об обязательстве», так и в Учебнике гражданского права, 1950 г., т. I².

За объективный масштаб оценки поведения лица, причинившего вред, высказались также Д. М. Генкин³ и С. Н. Братусь⁴.

Высказан в нашей литературе и другой взгляд.

Б. С. Антимонов считает, что, разрешая вопрос о наличии или

¹ Л. А. Лунц, статья в сборнике «Советское право во время Великой Отечественной войны», стр. 113—121.

² И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, М., Юриздат, 1950, стр. 327 и сл., «Советское гражданское право», учебник, 1950, т. I, стр. 438.

³ Д. М. Генкин, Великая Отечественная война и вопросы гражданского права — Ученые записки ВЮОН, вып. III, 1945, стр. 3 и сл.

⁴ С. Н. Братусь, Некоторые вопросы гражданского права и судебная практика по гражданским делам в период Отечественной войны — «Социалистическая законность» 1944 г. № 11, стр. 30.

отсутствии вины в поведении лица, причинившего вред, суд должен исходить не из абстрактного масштаба, а из требований, которые могут, а значит, и должны быть предъявлены именно к данному лицу. Критерий оценки поведения должен быть не абстрактным, а конкретным.

Суд должен в каждом отдельном случае решить вопрос о том, действовал ли причинивший вред «со знанием предпринятого им дела, применяя ту заботливость к интересам социалистического государства и своим товарищам-согражданам, на которую он, живой конкретный человек, вообще способен в определенных условиях данного случая»¹.

Приближается к конкретному критерию и М. М. Агарков, когда он в Учебнике гражданского права 1944 года говорит: «Советский суд должен в каждом отдельном случае решить вопрос, какую меру предусмотрительности можно требовать от данного лица при данных обстоятельствах»².

Однако тут же М. М. Агарков переходит на абстрактный критерий, или масштаб: «Для каждой профессии должна быть специальная мера осмотрительности при профессиональной деятельности»³.

Из абстрактного масштаба М. М. Агарков исходит и в статье «К вопросу о договорной ответственности»⁴.

Такие переходы от конкретного масштаба к абстрактному понятны. Ибо пользование конкретным масштабом означало бы не только предъявление особенно высоких требований к лицу, которое в состоянии этим требованиям удовлетворить, но и предъявление пониженных требований к лицу, которое могло бы сослаться на соответствующий уровень умственного развития, предшествующей подготовки к данному рода деятельности и т. д., означало бы пониженную ответственность «святенских, но безруких болванов», о необходимости наказания которых говорил В. И. Ленин⁵.

Чтобы устранить это последствие применения субъективного масштаба, Б. С. Антимонов вводит в субъективный масштаб понятие «знания дела» и «предшествующей вины».

Для Б. С. Антимонова во всех случаях ответственности за виновно причиненный вред дело идет не «о вине при совершении вредоносного действия... Предшествующая вина... есть внутреннее основание ответственности».

¹ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 101.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 320.

³ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 326 (однородное указание в Учебнике гражданского права, 1938, ч. II, стр. 395).

⁴ Сборник «Вопросы гражданского права», стр. 116.

⁵ Ленинский сборник, т. VIII, стр. 56.

Эта вина, предшествующая моменту причинения вреда, заключается в том, что человек взял на себя то или иное дело «без достаточного знания» этого дела¹. Однако правильно указано уже в нашей литературе, что и для установления наличия или отсутствия этой предшествующей вины нужен известный масштаб оценки поведения². При применении субъективного масштаба пришлось бы миловать тех, кто взял на себя то или иное дело без его достаточного знания, но по своим личным данным не мог полностью отдавать себе в этом отчет.

Применение же при разрешении вопроса о наличии или отсутствии вины дифференцированного абстрактного масштаба означает оценку поведения с точки зрения правил социалистического общежития, дифференцирующих требования, предъявляемые к гражданину или к социалистической организации, в зависимости от разнообразнейших условий их деятельности и в то же время требующих от каждого использования всех доступных ему возможностей для предотвращения вреда.

Из применения абстрактного масштаба исходит наша судебная практика.

Рассматривая дело № 36/487 — 1946 г. Мироновой с заводом, Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала наличие вины завода, который не учел, что при избранном им месте и способе хранения опасной в пожарном отношении кристаллической серы «воспламенение серы легко могло возникнуть от искры проходящего мимо паровоза». Судебная коллегия исходила из того, что опасность возникновения пожара в указанных условиях общеизвестна и должна быть учтена каждым³.

В определении по делу № 36/496 — 1949 г. Борцова с Шахтоуправлением Судебная коллегия подчеркивает тот факт, что потерпевший Борцов «работал бригадиром забойщиков и является ответственным за соблюдение правил техники безопасности». Иначе говоря, Судебная коллегия исходит из того, что к лицам, ответственным за соблюдение правил техники безопасности другими лицами, применяются повышенные требования осмотрительности в действиях, связанных с соблюдением тех же правил.

В определении 1949 года по делу Брейкиной и Ивановой Судебная коллегия разрешает вопрос о наличии вины в действиях Ивановой, оставившей в кухне коммунальной квартиры стакан с каустической содой, которую затем выпил вошедший в кухню ребенок Брейкиной, получивший вследствие этого тяжелое

¹ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 102.

² Л. А. Луцц в работе И. Б. Новицкий и Л. А. Луцц, Общее учение об обязательстве, М., Юриздат, 1950.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. VII (XXXI), стр. 27—28.

отравление. При этом Судебная коллегия подробно анализирует все условия происшедшего несчастного случая для того, чтобы установить, была ли соблюдена мера осмотрительности, какая требуется от советского гражданина в данных условиях.

Таким образом, масштаб оценки поведения советского гражданина для установления отсутствия или наличия в его поведении вины есть: 1) масштаб абстрактный, объективный, 2) отнюдь не «средний», а определяемый в своем содержании морально-политическим сознанием советских граждан, правилами социалистического общежития, обязывающими каждого прилагать все свои силы к предотвращению вреда для других, 3) применяемый в каждом отдельном случае с учетом всех конкретных условий, в которых был причинен вред.

3. Советское гражданское право не возлагает на потерпевшего вред обязанности доказывать вину лица, причинившего вред.

По общему правилу советского гражданского процесса «на истце лежит бремя доказывания правообразующих фактов»¹.

Исходя из этого, следовало бы сказать, что лицо, которому противоправно причинен имущественный вред, обязано доказать факт причинения ему вреда виновным противоправным действием ответчика. Ибо виновное совершение ответчиком противоправного действия, причинившего вред, есть тот правообразующий факт, на котором основаны иски о возмещении вреда. Однако ст. 403 ГК РСФСР создала иное положение в судебных спорах о возмещении вреда (как и в исках о возмещении вреда, причиненного неисполнением обязательств,—ст. ст. 117 и 118 УК); противоправно причинивший вред отвечает за этот вред, если не докажет, что «он не мог предотвратить вреда». Следовательно, истец доказывает факт причинения ему вреда определенным действием ответчика. Он не обязан, как уже сказано, «доказывать» противоправный характер этого действия. Но истец не обязан доказывать и вину ответчика. Статья 403 советских гражданских кодексов освободила истца от этой обязанности. Ответчик для освобождения его от ответственности за противоправно причиненный им вред должен доказать, что он причинил вред без вины. Его вина предполагается, презюмируется.

Это положение советского гражданского права имеет огромное практическое значение и свидетельствует о последовательном стремлении советского гражданского права обеспечить реальное возмещение имущественного вреда во всех случаях его виновного противоправного причинения. Ибо иное распределение бремени доказывания обессиливало бы требования истца в очень широком круге случаев. Доказывание субъективного отношения причини-

¹ «Гражданский процесс», учебник для юридических институтов и для юридических факультетов университетов под ред. С. Н. Абрамова, 1948, стр. 199.

теля вреда к факту причинения им вреда часто представляет для истца непреодолимые трудности. Доказывание ответчиком фактов, исключающих его вину, по общему правилу, значительно менее обременительно и сложно. Истец далеко не всегда знает все обстоятельства, при которых возник вред, понесенный им вследствие действий ответчика. Ответчик лишь за редкими исключениями не в состоянии установить те условия, в которых им был причинен вред другому. В тех же случаях, когда ответчик не в состоянии доказать отсутствие в его действиях вины, есть все основания предполагать его действия виновными и возложить на него ответственность за причиненный этими действиями вред. Возлагая на ответчика бремя доказывания отсутствия его вины, советское законодательство не только обеспечивает реальность удовлетворения требований истцов о возмещении им имущественного вреда, но оказывает и существенное воспитательное влияние: каждый знает, что он понесет ответственность за причиненный им вред, если он сам не докажет отсутствия вины в причинении вреда. Понятно, что это содействует укреплению навыков осторожного, бережного отношения к социалистической собственности и к производной от нее личной собственности граждан, к их жизни, к их здоровью и другим личным нематериальным благам граждан.

Само собой разумеется, что правила ст. 403 ГК РСФСР о доказывании ответчиком отсутствия в его действиях вины применяются в неразрывной связи с проявлением со стороны суда той широкой инициативы в деле выяснения и установления материальной истины, которую предоставляет суду ст. 5 гражданских процессуальных кодексов советских социалистических республик.

4. Понятие вины как субъективного отношения причинителя вреда к своим вредоносным противоправным действиям до недавнего времени не вызывало сомнений в литературе советского гражданского права.

Точно так же и советские криминалисты считали виной субъективное отношение преступника к совершаемым им преступным действиям.

Однако в последнее время прокладывает себе путь в науку уголовного права новый взгляд на понятие вины. Одновременно высказывается недовольство установившимся понятием вины также и в среде советских цивилистов.

Исходя из того, что господствовавшее до сих пор в советском уголовном праве понятие вины как субъективного отношения правонарушителя к совершаемым им противоправным действиям якобы является формальным понятием и затушевывает классовое содержание вины, предлагают не ограничивать понятия вины психическим моментом и по существу сливают понятие вины с понятием противоправности.

Так, Б. С. Маньковский пишет: «Психический момент, являющийся важным моментом вины, сам по себе еще не исчерпывает понятия вины в уголовном праве».

«Можно ли в определении понятия вины игнорировать момент осуждения, порицания социалистическим законодателем действий, опасных для советского правопорядка»¹.

Н. Д. Дурманов прямо указывает: «Признак виновности... содержится в признаке уголовной противоправности... Таким образом виновность не является необходимым признаком общего понятия при наличии других более широких признаков преступления»². Момент вины якобы покрывается моментом противоправности поведения.

Произведя анализ ряда взглядов, высказанных в последние годы по вопросу о вине в литературе советского уголовного права, Б. С. Утевский пришел к выводу, что «для многих советских криминалистов стало очевидным, что вина не исчерпывается психическим отношением лица к своим действиям, но что к этому отношению присоединяется и отрицательная общественная оценка». Старым «формально-психологическим определениям вины», которые, выходящая из понятия вины его классовое содержание, извращают определения умысла и неосторожности, даваемые советским законодательством», Б. С. Утевский противопоставляет «оценочное понятие вины». «Вина по советскому уголовному праву предполагает морально-политическую оценку как объективных, так и субъективных обстоятельств, характеризующих деяние и деятеля»³.

В советской цивилистике возражение выдвинуто не против установившегося взгляда на соотношение вины и противоправности, а против «всяких попыток разорвать... неотъемлемые друг от друга стороны одного явления и представить причинную связь в праве, как чисто философскую, а вину, как чисто юридическую категорию»⁴.

В основе этих и однородных с ними суждений лежит недооценка сущности и значения связи вины как субъективной предпосылки ответственности, гражданской или уголовной, с объективными ее предпосылками — с противоправностью действия и с причинной связью между этим действием и результатом, об ответственности за который идет речь.

¹ Б. С. Маньковский, Проблема ответственности в уголовном праве, изд. Академии наук СССР, 1949, стр. 106, 113.

² Н. Д. Дурманов, Понятие преступления, стр. 202.

³ Б. С. Утевский, Вина в советском уголовном праве, М., Юриздат, 1950, стр. 59, 54, 62.

⁴ Т. С. Хаскина, Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук — «Основные начала ответственности за внедоговорный вред по советскому гражданскому праву», защищенной в Ленинградском государственном университете (1950 г.).

а) Когда речь идет о гражданской или уголовной ответственности за определенное действие или его результат, то совершенным по вине может быть признано только противоправное действие. Внутреннее переживание, соответствующее понятиям умысла или неосторожности, возможно и в отношении действий правомерных. Но за действия правомерные или их результат (кроме случаев, особо оговоренных в законе, — см. гл. III) никто не несет ответственности. Поэтому кто говорит: «ответственность за виновное действие или за его результат», — говорит тем самым: «ответственность за виновное противоправное действие или за его результат». Ответ же на вопрос о том, какие действия являются противоправными, противными праву данного общества, определяется содержанием установленных (или санкционированных) государством норм права этого общества, как выражением воли господствующего класса.

В. И. Ленин подчеркивал различие того, что «легально во всех государствах» и чего «мы легализовать не хотим»¹.

Принципиальное различие легального и нелегального, правомерного и противоправного, того, в чем человек может или не может быть признан виновным, определяет и классовый характер вины, а значит, и принципиальное различие вины в советском социалистическом праве и в праве буржуазном.

В то же время следует признать, что то, что является противоправным, является в социалистическом обществе и этически упречным. Б. С. Антимонов прав, когда он говорит, что «каждое обвинение, каждый упрек, которые выдвигаются социалистическим правом, вместе с тем являются и порицанием с точки зрения социалистической этики... Наше право опирается на единую общепризнанную в социалистическом обществе этику»².

А одно из велений социалистической этики — это веление не нарушать советского права, «исполнять законы», как говорит ст. 131 Конституции СССР.

Включение же «момента оценки» в самое определение понятия вины приводит к результатам неправильным и тем более неприемлемым, чем более точно и четко это включение делается. Это видно по тем превращениям, которые понятие вины переживает в книге Т. Л. Сергеевой «Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР по уголовным делам»³, — книги, в целом ряде положений очень ясной и четкой.

На стр. 103—106 этой книги сказано: «Именно психическое отношение обвиняемого к совершенному (совершаемому. — Е. Ф.)

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XXVII, стр. 319.

² Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, стр. 81, 84.

³ Т. Л. Сергеева, Вопросы виновности и вины в практике Верховного суда СССР по уголовным делам, изд. Академии наук СССР, М., 1950.

им преступному деянию является тем общим, что связывает все формы вины в одном общем понятии... Чтобы выяснить, почему определенное психическое отношение человека к совершенному (совершаемому. — *Е. Ф.*) им деянию становится уголовно-правовым институтом, необходимо определить, почему это психическое отношение вызывает осуждение, порицание со стороны советского суда.

Психическое отношение лица к совершенному (совершаемому. — *Е. Ф.*) им деянию становится уголовно-правовой виной, когда эта деятельность психики относится к деянию общественно-опасному, противоправному и наказуемому, противоречащему коммунистической морали, законам развития социалистического общества. Психическое отношение к поведению, безразличному для уголовного права, не интересуется и не может интересовать суд в качестве основания уголовной ответственности».

Каждое из этих утверждений правильно и может быть полностью отнесено и к понятию вины как субъективному основанию гражданской ответственности.

Но когда Т. Л. Сергеева после целого ряда дополнительных замечаний и ссылок на судебную практику выдвигает определение вины, то оказывается, что вина есть не психическое отношение в форме умысла или неосторожности вменяемого, достигшего известного возраста человека, к совершаемому им общественно-опасному деянию, а «вызывающее осуждение и порицание советского социалистического государства и советского социалистического общества психическое отношение в форме умысла или неосторожности вменяемого и достигшего определенного возраста человека к совершаемому им общественно-опасному деянию».

Отсюда неизбежно возникает вопрос: разве не всякое умышленное или совершенное по неосторожности общественно-опасное деяние вызывает осуждение и порицание Советского государства и советского социалистического общества? Разве самое признание законом деяния общественно-опасным не означает его осуждения Советским государством, а значит, и советским социалистическим обществом, неотделимым от Советского государства как политической формы его организации? Разве установление законом ответственности за умышленное или неосторожное общественно-опасное деяние не означает тем самым, что Советское государство, а значит, и советское социалистическое общество порицают того, кто совершает такое деяние? — Ответы на эти вопросы не могут вызывать сомнений. А между тем включение в определение вины как психического отношения к своему общественно-опасному деянию признака: «вызывающее осуждение Советского государства и советского социалистического общества», способно породить ложное и нетерпимое представление, будто в советском праве существует и вина, не осуждаемая Советским государством и со-

ветским социалистическим обществом. Так стремление подчеркнуть морально-политическое содержание вины приводит к искажению этого содержания, когда для его характеристики не удовлетворяются указанием на связь между виной и противоправностью виновного действия, а вводят в эту характеристику «оценочный момент».

б) Вина проявляется в противоправном действии. Только характер противоправного действия, вся обстановка, в которой это действие совершено, позволяют судить о наличии или отсутствии вины того, кто совершил действие.

Юридический язык отчетливо выражает эту неразрывную связь вины с противоправным действием. Статья 403 ГК РСФСР освобождает причинителя вреда от ответственности за вред, если он докажет, что «вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего». По ст. 404 ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, не возникает, если доказано, что вред возник вследствие «умысла или грубой небрежности самого потерпевшего». Понятно, однако, что поскольку ст. ст. 403 и 404 исходят из понятий умысла и неосторожности (небрежности), установленных ст. 10 УК, следовало бы считать, что вред не может возникнуть «вследствие умысла» или «вследствие небрежности». Вред, как объективное изменение имущественной сферы потерпевшего, как умаление охраняемого советским правом блага, не может «возникнуть вследствие» внутреннего переживания другого лица. Но он может возникнуть и действительно возникает вследствие соединенных с определенными внутренними переживаниями, т. е. вследствие умышленных или неосторожных (небрежных) противоправных действий другого лица. Оторвать умысел или неосторожность (небрежность) от умышленного или неосторожного (небрежного) противоправного действия, в котором умысел или неосторожность проявляется, настолько невозможно, что закон говорит о возникновении вреда «вследствие умысла», «вследствие неосторожности». Но он всегда имеет в виду не умысел как таковой, не неосторожность или небрежность как таковые, а умысел или неосторожность (небрежность), проявившиеся в противоправном действии.

Хорошей иллюстрацией неразрывности вины и противоправности действия, причиняющего вред, являются ст. ст. 157 и 158 Кодекса торгового мореплавания (КТМ) СССР. Статья 157 говорит: «Если столкновение вызвано неправильными действиями или упущениями одного из судов, убытки возмещаются той стороной, по чьей вине произошло столкновение». В этом постановлении ясно выражена мысль о том, что столкновение может быть вызвано только действиями и судна, но соответствующие противоправные действия могут быть совершены как по вине, так и без вины судна. Статья 158 устанавливает правило для случаев, когда

«столкновение вызвано виной всех столкнувшихся судов». Не может, однако, быть сомнений в том, что между этими двумя статьями нет никакого противоречия: говоря о «столкновении, вызванном виной всех столкнувшихся судов», ст. 158, так же как и статья 157, имеет в виду столкновение, вызванное виновными действиями судов.

Точно так же, когда суд говорит о том, что вред возник «по вине» ответчика, он всегда имеет в виду сказать: вред возник вследствие виновного противоправного действия ответчика. Это очень ясно видно, например, в приведенном выше (стр. 69) определении Судебной коллегии Верховного суда СССР по гражданским делам по делу Кокрашвили с Осошвили. Судебная коллегия говорит, что «по делу ничем не установлено, что свинья пала по вине ответчика», и тут же добавляет: «ответственность Осошвили может наступить только в том случае, если будет установлено, что в результате его противоправных действий наступил вред». Иначе говоря, вина как субъективная предпосылка ответственности не отделима от противоправности действия как объективного характера, приданного этому действию нормой права.

в) Принципиальная противоположность понятия вины в советском социалистическом гражданском праве и в праве буржуазном определяется и указанным выше различием в масштабе оценки поведения лица, совершившего противоправное действие. В буржуазном гражданском праве противоправное действие, совершенное без нарушения средней меры осторожности, признается совершенным без вины. В советском праве мера осторожности, наличие которой исключает виновный характер противоправного действия, определяется для каждого жизненного положения требованиями, предъявляемыми правилами социалистического общежития к находящемуся в соответствующем положении советскому гражданину.

г) Понятие вины неразрывно связано и с понятием причинной связи между противоправным действием и результатом, вопрос об ответственности за который разрешается судом.

Это вполне ясно из самого определения форм вины. Умысел заключается в том, что некто предвидит результат своих действий и желает их наступления. Неосторожность заключается в том, что некто не предвидит результатов своих действий, хотя должен был их предвидеть, или предвидит их и легкомысленно надеется их предотвратить. Понятно, что предвидеть можно лишь результаты, причинно обусловленные данным действием. Говорить, что некто должен был предвидеть результат своих действий, можно только в отношении такого результата, какой уже раньше, в других случаях был причинно обусловлен данного рода действиями. Вина как субъективное отношение к своему противоправному

действию опирается на объективную причинную связь между противоправным действием и вредом.

д) Из сказанного видно, что противоправность действия, его причинная связь с вредом и виновный его характер представляют некоторое диалектическое единство. Ни один из элементов этого единства не покрывается, однако, другим.

Действие может быть противоправным и притом причинно обусловившим определенный результат, причинившим вред, но в таком действии может не быть вины того, кто его совершил.

Как уже сказано, по общему правилу советского гражданского права в таких случаях не будет и ответственности за результат противоправного действия. Однако в некоторых случаях (ст. ст. 404, 406 ГК, ст. 132 КТМ, ст. 78 Воздушного кодекса СССР) такая ответственность наступит, несмотря на отсутствие вины того, кто совершил противоправное действие. Уже поэтому в гражданском праве недопустима подмена понятия вины понятием противоправности.

Точно так же виновное противоправное действие, совершенное одним лицом, может не стоять в причинной связи с понесенным другим вредом. В таком случае лицо, совершившее такое действие, не будет отвечать перед потерпевшим¹.

§ 3. Вина в гражданском праве и вина в уголовном праве

В литературе советского права, как гражданского, так и уголовного, иногда противопоставляют вину гражданскую и вину уголовную.

Выше уже сказано, что формы вины, указанные в ст. 10 УК, являются также и формами вины как предпосылки гражданской ответственности.

Поэтому точнее было бы говорить не об уголовной и гражданской вине, а о вине в гражданском и в уголовном праве. Ибо значение вины в уголовном и гражданском праве не совпадает.

¹ Нельзя не заметить, что и сторонники оценочного понятия вины иногда различают вину и противоправное, преступное действие и подчеркивают связь между ними. Так, Б. С. Маньковский говорит на стр. 114 названной его работы: «Понятно, что для установления состава преступления необходимо наличие не только субъективной, но и объективной стороны состава преступления. Советский суд при вынесении приговора исходит из учета как степени общественной опасности деяния, так и степени вины». Точно так же Б. С. Утевский, цитируя на стр. 57 названной книги тезисы своего же доклада, указывает: «Понятие вины неразрывно связано с наличием определенных, установленных в обществе правил и с действиями, нарушающими эти правила».

Но приведенные суждения не мешают Б. С. Маньковскому говорить, что «вина есть психическое отношение к деянию.., которое расценивается как преступное поведение» (указ. соч., стр. 118), а Б. С. Утевскому включать в понятие вины и «особенности личности» подсудимого и условия, в которых он находился, и др. (указ. соч., стр. 63).

а) В уголовном праве вина означает умысел или неосторожность при совершении тех действий, которые являются объективными элементами состава того или иного преступления и в качестве таких элементов указаны в диспозиции соответствующей уголовно-правовой нормы либо признаются объективными элементами состава преступления в силу применения аналогии (ст. 16 УК).

В гражданском праве вина — это умысел или неосторожность при совершении любого действия, нарушающего чужое субъективное право.

Поэтому умышленное или неосторожное действие, в котором по рассмотрении его судом может не оказаться состава преступления, может тем не менее оказаться действием, нарушившим чужое субъективное право, и потому явиться основанием обязанности возместить причиненный этим действием вред. И наоборот, виновно совершенное общественно-опасное действие может оказаться основанием уголовной ответственности и не влечь за собой ответственности гражданской, ибо этим действием не причинен имущественный вред.

б) В уголовном праве при отсутствии вины нет и ответственности (ст. 10 УК). Гражданское право устанавливает общее правило об ответственности за вред, причиненный по вине, но знает в отдельных случаях и ответственность за вред, причиненный без вины (ст. ст. 404 и 406 ГК, ст. 132 КТМ, ст. 78 Воздушного кодекса СССР).

в) В уголовном праве вина лица, совершившего общественно-опасное деяние, не предполагается. Вина обвиняемого в совершении общественно-опасного деяния должна быть доказана обвинителем¹.

В гражданском праве вина лица, совершившего вредоносное противоправное действие, предполагается (презюмируется). Лицо, совершившее такое действие, вправе доказывать, что оно не могло предотвратить вреда, т. е. совершило это действие без вины (ст. 403 ГК).

г) В уголовном праве, где дело идет не о возмещении имущественного вреда, а о личной ответственности совершившего общественно-опасное действие, где воспитательные задачи по общему правилу разрешаются путем непосредственного воздействия на личность правонарушителя, наличие или отсутствие вины определяется, исходя из субъективного критерия оценки поведения правонарушителя². Судебная практика по гражданским делам исходит, как указано выше, из объективного критерия оценки поведения лица, совершившего вредоносное противоправное действие.

¹ См. А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, изд. 2-е, стр. 196.

² Уголовное право, Общая часть, 1948, стр. 346.

4. Дееспособность, как необходимое условие ответственности за виновное действие

Ответственность за виновное причинение вреда предполагает наличие сознательной воли лица, причинившего вред.

Советское гражданское право не считает носителями такой воли малолетних, т. е. лиц, не достигших 14-летнего возраста, которые ввиду неполноценности их воли и признаются недееспособными, а равно и лиц, достигших 14 лет, но объявленных недееспособными ввиду их душевной болезни или слабоумия (ст. 8 ГК).

Таким образом, понятие дееспособности охватывает в советском гражданском праве как понятие признанной законом способности к самостоятельному совершению гражданских сделок, так и понятие способности отвечать за причиненный внедоговорный вред. Недееспособность означает отсутствие как способности самостоятельно совершать гражданские сделки, так и способности создавать для себя обязательства противоправным причинением вреда другому. Статья 405 ГК прямо говорит: лицо недееспособное не отвечает за причиненный вред. Это положение следует считать вполне целесообразным. И если в нашей цивилистической литературе иногда указывают на желательность признания дееспособности малолетнего в сфере совершения некоторых видов сделок, связанных с безвозмездным приобретением гражданских прав, исполняемых за счет средств, предоставленных родителями или опекунами, и т. п.¹, то указания на желательность признания хотя бы частичной ответственности малолетних за причиняемый ими вред не выдвигались. Это понятно: мелкие сделки, повседневно совершаемые малолетними за счет средств, предоставленных родителями или опекунами, обыкновенно просты по содержанию и, по общему правилу, совершаются в соответствии с указаниями лиц, предоставивших средства для их исполнения. Вопрос же об ответственности малолетнего за противоправно причиненный им вред есть прежде всего вопрос о правильном понимании малолетним требуемой от него осторожности (см. выше). Весьма обширен круг случаев, когда такого понимания у малолетнего предположить нельзя, и закон поступает правильно, не признавая малолетнего ответственным за причиненный вред. Твердый возрастной предел, с достижением которого несовершеннолетний признается ответственным, — достижение 14-летнего возраста, — исключает разноречия судебной практики в этом вопросе.

Лицо, объявленное недееспособным, признается лишенным способности самостоятельно совершать гражданские сделки во все время до восстановления его дееспособности в установленном

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, стр. 132—133; С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 70.

законом порядке (общий смысл ст. 8 ГК и постановлений гл. 4 разд. III КЗоБСО РСФСР и соответствующих ему разделов кодексов о браке, семье и опеке других союзных республик). В нашей цивилистической литературе указывалось, что за лицами, объявленными недееспособными, следовало бы признать способность к совершению сделок, необходимых для поддержания их существования, удовлетворения нормальных жизненных потребностей¹.

Введение такой законодательной нормы, несомненно, соответствовало бы как интересам лиц, объявляемых недееспособными, так и интересам их контрагентов по сделкам.

Но как обстоит дело с ответственностью лиц, объявленных недееспособными за причиненный ими внедоговорный вред? Следует ли считать, что они не несут такой ответственности во все время своей недееспособности, или, наоборот, следует признать, что если их душевная болезнь связана с так называемыми светлыми промежутками, они несут ответственность за вред, причиненный ими в такие промежутки, т. е. в то время, когда они были в состоянии отдавать себе отчет в своих действиях?

Ни закон, ни судебная практика не дают ответа на эти вопросы.

Можно, однако, думать, что этот вопрос должен быть разрешен в смысле признания лица, объявленного недееспособным, ответственным за вред, причиненный им в так называемый светлый промежуток, т. е. в течение времени, когда это лицо, будучи недееспособным, было, однако, в состоянии отдавать себе отчет в своих действиях. Ибо совершеннолетний человек дееспособен. Объявление его недееспособным оправдывается его болезненным психическим состоянием. Учет возможных «светлых промежутков» в сфере совершения сделок был бы несовместим с устойчивостью гражданского оборота. Но учет тех же промежутков в области ответственности за виновно причиненный внедоговорный вред вполне обоснован. В эти промежутки отсутствует основание недееспособности душевнобольного или слабоумного. Интересам же оборота соответствует не отрицание, а признание ответственности лица, объявленного недееспособным, за вред, причиненный им в «светлый промежуток»². Поэтому представляется целесообразным включение в будущий ГК СССР прямого указания на такую ответственность.

Вред, причиненный недееспособным, не остается возмещенным по советскому гражданскому праву. Статья 405 ГК РСФСР указывает лиц, обязанных к возмещению такого вреда: ответст-

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, стр. 133, С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 73.

² Можно предположить, что на этой же точке зрения стоит С. Н. Братусь, когда он отмечает, что «душевнобольной... находящийся под опекой, в светлые промежутки понимает значение своих действий» (С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, стр. 73).

венность за него несет «лицо, обязанное иметь надзор за недееспособным» (см. гл. VI).

Лицо, достигшее 14-летнего возраста, частично дееспособное в сфере совершения гражданских сделок, несет ответственность за вред, причиненный его виновным противоправным действием. Однако и его ответственность представляет существенные особенности: при определенных условиях за причиненный им вред согласно ст. 405 ГК СССР наряду с ним отвечают его родители или попечитель (в ст. 405 ГК вместо попечителя неточно указаны опекуны; об ответственности этих лиц см. гл. VI).

Уголовная ответственность для лиц, совершивших преступления, также наступает по достижении ими 14-летнего возраста. Однако за совершение определенного вида преступлений (кражи, насилия, телесных повреждений, увечий, убийства или покушения на убийство) уголовная ответственность для несовершеннолетних возникает с 12-летнего возраста (постановление ЦИК и СНК СССР 7 апреля 1935 г.¹ и ст. 12 УК РСФСР).

Таким образом, возраст, с которого несовершеннолетний несет гражданскую ответственность, не вполне совпадает с возрастом, когда он может быть привлечен к ответственности уголовной; уголовная ответственность в определенном круге случаев возникает ранее гражданской. Это означает, что 12-летний подросток, привлеченный к уголовной ответственности за нанесение другому телесных повреждений, не несет ответственности перед потерпевшим за причиненный ему имущественный вред, — эту ответственность несут лица, обязанные иметь за ним надзор.

Привлеченный к уголовной ответственности несовершеннолетний, достигший 14 лет, несет ответственность и за вред, причиненный его преступлением. Однако при определенных условиях за этот вред отвечают и его родители или попечитель (см. гл. VI).

С вопросом об ответственности недееспособных за причиненный ими вред не следует смешивать вопрос об ответственности лица, вполне дееспособного, но находившегося в момент причинения вреда в состоянии, когда оно не могло отдавать себе отчета в своих действиях.

Действующее гражданское законодательство считает недействительной гражданскую сделку, совершенную лицом дееспособным, но «временно находящимся в таком состоянии, когда оно не может понимать значения своих действий» (ст. 31 ГК). Особой нормы для случаев, когда в таком же состоянии причинен внедоговорный вред, в советском гражданском законодательстве нет. УК РСФСР освобождает от уголовной ответственности лиц, совершивших преступление в состоянии, когда они не могли отдавать себе отчета в своих действиях под влиянием хронического

¹ СЗ СССР 1935 г. № 19, ст. 155.

или временного расстройства душевной деятельности или иного болезненного состояния (ст. 11). При этом УК особо добавляет, что только что изложенное постановление не распространяется на лиц, «совершивших преступление в состоянии опьянения» (ст. 11, прим.). Судебная практика распространила сущность этого постановления и на случаи причинения вреда противоправным, но не уголовно-наказуемым действием. Целесообразно закрепить эту практику в будущем ГК СССР особой нормой, оговорив в ней, что не освобождается от ответственности лицо, причинившее вред в состоянии, в котором оно не могло отдавать себе отчета в своих действиях, но которое само привело себя в такое состояние (употреблением алкоголя, наркотиков и т. п.).

ГЛАВА VI

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ЧУЖИМ ДЕЙСТВИЕМ

§ 1. Общие положения

1. По общему правилу, обязанность возместить противоправно причиненный вред есть обязанность возместить вред, причиненный своим действием. Однако в некоторых случаях советское гражданское право возлагает на одних лиц обязанность возмещения вреда, противоправно причиненного другими лицами.

Возложение на одно лицо ответственности за вред, причиненный действиями другого, обосновывается общими задачами обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве: задачей восстановления охраняемых советским правом благ, нарушенных противоправным действием, и задачей воспитательной, превентивной.

а) Ответственность за противоправно-причиненный вред, по общему правилу, как уже сказано, основывается на принципе вины.

Но говорить о вине и ответственности лица недееспособного невозможно. Недееспособность в том и состоит, что закон рассматривает волю лица, признаваемого недееспособным, как волю, не способную производить изменения в сфере правовых отношений этого лица. В то же время советское гражданское право исходит из общего положения о том, что за недееспособным должен быть организован «надзор», — определенные лица должны направлять и контролировать поведение недееспособного. Отсюда и возложение ответственности за вред, причиненный недееспособным, на лиц, осуществляющих за ним надзор.

Таким образом, ответственность за вред, причиненный недееспособным, как ответственность за вред, причиненный чужими действиями, есть в советском гражданском праве, по существу, ответственность за ненадлежащее осуществление надзора за недееспособным. Такая конструкция этой ответственности обеспечивает осуществление обязательствами из причинения вреда в специальной сфере возмещения вреда, причиненного недееспособными, основных принципиальных задач этих обязательств: если недееспособный, которым чаще всего является малолетний, в большинстве случаев не обладает средствами, необходимыми

для возмещения причиненного им вреда, то лицо, осуществляющее надзор за недееспособным, располагает обыкновенно такими же материальными возможностями, как и всякий другой советский гражданин. Задача восстановления блага, нарушенного действием недееспособного, задача возмещения причиненного им вреда разрешается путем возложения ответственности за этот вред на лицо, осуществляющее надзор за недееспособным.

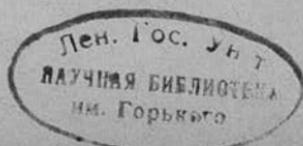
В то же время возложение этой обязанности на лицо, осуществляющее надзор за недееспособным, служит стимулом к лучшему осуществлению этого надзора, т. е. в конечном счете — к сокращению числа случаев причинения вреда недееспособными, к развитию в них навыков бережного отношения к окружающим их материальным и нематериальным благам.

б) В иное положение поставлены лица, ограниченные в дееспособности, т. е. несовершеннолетние, достигшие 14-летнего возраста. Как уже указано выше, ограничивая их способность к самостоятельному вступлению в сделки, советское гражданское право признает их ответственными за причиненный ими внедоговорный вред. Это тем более понятно, что с достижением 14-летнего возраста несовершеннолетний при определенных условиях вправе вступить в трудовые отношения. С 16 лет для него наступает «трудовое совершеннолетие». Вступив в трудовые отношения, несовершеннолетний получает заработную плату, из которой может быть возмещен причиненный им вред.

Однако есть немало случаев, когда фактическое положение несовершеннолетнего, достигшего 14-летнего возраста, остается таким же, каким оно было до достижения этого возраста. Он остается под надзором родителей, школы и не располагает средствами для возмещения вреда, который мог бы оказаться следствием его противоправных действий. В целях обеспечения материальной базы возмещения вреда, противоправно причиненного несовершеннолетним, с одной стороны, и для стимулирования внимательного отношения к его поведению со стороны родителей или попечителей — с другой, советский закон не освободил и этих лиц от ответственности за вред, причиненный несовершеннолетним.

в) В качестве третьего случая ответственности за вред, причиненный чужими действиями, обыкновенно называют ответственность юридического лица — государственного или общественного учреждения или предприятия — за вред, причиненный его органами или его рабочими и служащими при исполнении ими возложенных на них в сфере деятельности юридического лица обязанностей.

Этот случай требует особых пояснений. Юридическое лицо участвует в гражданских правоотношениях через посредство своих органов. Органы юридического лица гражданской правоспособности и своей имущественной сферы не имеют. Действия органа

юридического лица рассматриваются как действия самого юридического лица.

Но орган юридического лица есть всегда гражданин или, если это — орган коллегиальный, — то несколько граждан, из которых каждый правоспособен, каждый является носителем имущественных прав и обязанностей. Поэтому после того, как вред, причиненный действиями органа юридического лица, возмещен за счет имущества юридического лица, для юридического лица возникает вопрос о праве регресса к гражданину или гражданам, являющимся органом, своими действиями причинившим вред. Лишь в этом смысле ответственность юридического лица за вред, причиненный органом, является ответственностью за чужие действия.

Понятно, что никогда не сливается с правоспособностью юридического лица правоспособность его рабочих или служащих, которые не являются органами юридического лица. Поэтому до недавнего времени (см. ниже) не возникало сомнений в том, что действия представителей, рабочих и служащих — «чужие» для юридического лица действия.

В основе возложения на юридических лиц ответственности за вред, причиняемый их органами, представителями, рабочими или служащими, также лежат общие задачи, осуществляемые обязательствами из причинения вреда. Понятно, что юридическое лицо — государственное или общественное учреждение или предприятие — всегда располагает несравненно большими материальными возможностями возмещения вреда, причиненного органом, рабочим или служащим, чем сам причинитель вреда. Поэтому возложение на юридическое лицо ответственности за вред, противоправно причиненный его органом, рабочим или служащим при исполнении возложенных на них обязанностей, обеспечивает надлежащую материальную базу удовлетворения интересов потерпевшего и тем самым надлежащую базу осуществления в сфере деятельности юридических лиц обязательствами из причинения вреда своей основной, восстановительной функции.

В то же время несомненно, что вышестоящие органы, назначающие руководителей подведомственных им учреждений и предприятий, так же как и эти последние, обязаны подбирать кадры своих работников с учетом тех задач, которые будут на них возложены, с учетом необходимости определенной подготовки к данного рода деятельности, делового опыта и т. п. Они должны осуществлять и контроль исполнения работниками учреждений и предприятий возложенных на них обязанностей. Возложение на юридическое лицо ответственности за вред, причиняемый его органами, рабочими или служащими в сфере их трудовой деятельности, становится стимулом внимательного, бдительного отношения руководящих работников учреждений и предприятий как к подбору кадров, так и к надзору и контролю их деятельности.

Вместе с тем право регресса к работнику, причинившему вред, которое при определенных условиях возникает для юридического лица, возместившего вред потерпевшему, стимулирует и тщательное исполнение своих обязанностей работником.

Но если все три случая ответственности за вред, противоправно причиненный чужими действиями (с указанной выше особенностью этого понятия в случаях, когда дело идет об ответственности юридических лиц за действия органа), известные советскому гражданскому праву, одинаково исходят из основных задач, осуществляемых обязательствами из причинения вреда, — задачи восстановительной и задачи воспитательной, — то в то же время внедоговорная ответственность за чужие действия подчинена в каждом из ее трех случаев различным правилам.

Различие этих правил определяется различием в отношениях между лицом, на которое возлагается ответственность за вред, причиненный чужими действиями, и причинителем вреда, а также особенностями общего правового положения недееспособных.

§ 2. Ответственность за вред, причиненный недееспособными

Согласно ст. 405 ГК лицо недееспособное не отвечает за причиненный им вред. За него отвечает лицо, обязанное иметь за ним надзор.

Лаконизм этого постановления не мог не вызвать трудностей при его применении.

Как уже сказано, под лицами недееспособными согласно ст. ст. 7 и 8 ГК понимаются несовершеннолетние, не достигшие 14-летнего возраста, называемые обыкновенно малолетними, а также слабоумные или душевнобольные, объявленные недееспособными в установленном законом порядке.

Но кто является в каждом отдельном случае лицом, обязанным иметь надзор за недееспособным? В частности, кто должен быть признан лицом, осуществляющим надзор за малолетними?

Понятно, что такими лицами прежде всего являются родители или опекуны малолетнего. Ибо родители и опекуны «обязаны заботиться о несовершеннолетних детях, в частности об их воспитании и подготовке к общественно-полезной деятельности» (ст. 41, ст. 79 КЗоБСО РСФСР). Но «родителям предоставляется и право отдавать детей на воспитание и обучение» (ст. 45 КЗоБСО). Такое же право принадлежит опекуну (ст. 79 КЗоБСО). Понятно, что в случаях, когда дети отданы на воспитание и обучение, осуществление надзора за детьми распределяется между родителями или опекуном и лицами, которые несут соответствующие обязанности в школе или ином воспитательном учреждении.

Распределяется надзор за детьми также и между родителями или опекуном и лицами, которым временно вверено попечение о детях в целях восстановления их здоровья, обеспечения каникулярного отдыха, в спортивных целях и т. п. Во все время пребывания детей в соответствующих учреждениях надзор родителей или опекуна становится «общим», утрачивает непосредственный характер, может осуществляться лишь путем разрешения отдельных, связанных с поведением детей вопросов, посредством соответствующих указаний со стороны родителей и т. п. Непосредственный надзор за детьми осуществляют в школе, в детском саду, в пионерском лагере и т. п. не родители, а лица, на которых соответствующие обязанности возложены названными и подобными им учреждениями. Это и должно давать основания к ответу на вопрос о том, кто должен рассматриваться как лицо, несущее ответственность за вред, причиненный малолетним. Однако на этот вопрос в литературе отвечали различно:

По взглядам М. М. Агаркова, ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними, не достигшими 14 лет, должны в соответствующих случаях нести «должностные лица учреждений (школ, детских домов и т. д.)»¹.

На эту же точку зрения стал и В. И. Серебровский в Учебнике гражданского права для юридических школ².

Несколько менее определенно высказался В. С. Тадевосян: «Если ребенок находится в детском саду или учебном заведении, то ответственность за вред, причиненный ребенком, должны нести лица, на попечение которых переданы такие дети»³.

Х. И. Шварц признал в тех же случаях, однако, лишь *de lege ferenda* ответственность воспитательных, лечебных и других учреждений, где находится ребенок, причинивший вред⁴.

Не дает образцов разрешения этого вопроса и практика Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР.

Постановление Пленума Верховного суда СССР 10 июня 1943 г. не упоминает об ответственности школы и других учреждений, на попечение которых находятся малолетние, за причиненный малолетними вред.

Так же обстоит дело и с вопросом об ответственности лечебных учреждений за вред, причиненный состоящими на излечении душевнобольными, объявленными недееспособными. М. М. Агар-

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 33.

² «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1947, стр. 367. «Советское гражданское право», учебник для юридических школ, 1950, стр. 524.

³ В. С. Тадевосян, Ответственность родителей за вред, причиненный детьми — «Советское государство и право» 1949 г. № 4, стр. 30.

⁴ См. Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 55—56.

ков и В. И. Серебровский считают ответственными за этот вред должностных лиц соответствующих учреждений¹.

В будущем ГК СССР целесообразно установить норму, которая определила бы круг лиц, ответственных за вред, причиняемый малолетними. По соображениям, изложенным выше, следует думать, что этими лицами должны быть признаны, по общему правилу, родители или опекуны, а за вред, причиненный во время состояния малолетних под непосредственным надзором других лиц, — эти лица. Поскольку же этими лицами являются учителя или воспитатели школ или работники других учреждений, на попечении которых находятся малолетние, вместо этих работников должны нести ответственность соответствующие учреждения по правилам об ответственности юридического лица за действия своих служащих.

За вред, причиненный другими недееспособными лицами, должны быть также признаны ответственными лица, обязанные иметь надзор за недееспособным, а в случаях, когда такими лицами являются работники лечебных и тому подобных учреждений, — эти учреждения.

Возникает, однако, и другой вопрос: в чем заключается основание ответственности лиц, на попечении которых находится недееспособный, за причиненный последним вред?

На этот вопрос литература гражданского права долгое время отвечала единодушно: ответственность лиц, обязанных нести надзор за недееспособным, есть ответственность за свою вину в ненадлежащем осуществлении надзора. Отсюда делался единодушно и вывод: лицо, обязанное иметь надзор за недееспособным, освобождается от ответственности за причиненный недееспособным вред, если доказано, что оно не нарушило своих обязанностей по надзору или не могло предотвратить причинение вреда.

На ту же точку зрения встал в 1925 году и Пленум Верховного суда РСФСР².

Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР также указала в определении по делу № 439 — 1945 г. по делу Ядвигиной, Булычевой и др.: «...согласно ст. 405 ГК, за вред, причиненный малолетними, последние никакой ответственности не несут, а за них отвечают только лица, обязанные иметь за ними надзор, в данном случае их родители, привлеченные к участию в деле; за вред, причиненный несовершеннолетними, достигшими 14 лет, солидарно (см. ниже. — Е. Ф.) отвечают как сами несовершеннолетние, так и их родители и опекуны (следует читать: попечители. — Е. Ф.). Однако как в первом, так и во вто-

¹ См. прим. 1 и 2 на предыдущей странице.

² Протокол № 5 от 6 апреля 1926 г. — Сборник постановлений Верховного суда РСФСР, изданных с 1923 г. по 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 105.

ром случае ответственность родителей наступает не в силу факта совершения их детьми преступления, а только при том условии, если родители виновны в неосуществлении должного надзора за поведением их детей»¹.

Однако в последнее время в литературе начинают высказываться новые взгляды по вопросу об ответственности родителей и опекунов. Ответственность родителей и опекунов признается безусловной². Родители или опекун не могут освободиться от ответственности за вред, причиненный недееспособным, доказав, что они не могли предотвратить причинение вреда. Презумпция вины в ненадлежащем осуществлении надзора родителями или опекуном превращается в неопровержимую, раз состоящий под их надзором малолетний причинил вред другому. Нельзя не признать, что этот взгляд находит себе подтверждение как в редакции ст. 19 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г. «О ликвидации детской беспризорности и безнадзорности»³, которая лежит в основе ст. 405 ГК в ныне действующей редакции, так и в общем смысле того же постановления. Одной из задач этого постановления было усиление ответственности родителей и опекунов за поведение детей. Статья 19 постановления гласит: «Установить материальную ответственность родителей и опекунов за действия детей, причинивших вред». Никаких оснований к освобождению родителей или опекунов от ответственности за вред, причиненный малолетним, эта статья не устанавливает. А так как в основе ст. 405 в нынешней ее редакции, поскольку эта статья относится к ответственности за вред, причиняемый малолетним, лежит именно ст. 19 постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 31 мая 1935 г., то толкование ст. 405 в соответствующих случаях и должно исходить не из общих начал, выраженных в ст. 403 ГК, а из ст. 19 только что названного постановления СНК СССР и ЦК ВКП(б). Ответственность родителей и опекунов за вред, причиняемый малолетними, должна быть признана безусловной.

В то же время нельзя не заметить, что одновременно с указанным новым взглядом в литературе был вновь высказан и «традиционный» взгляд: К. К. Яичков в названных выше докладе и статье отстаивает принцип ответственности родителей за вред,

¹ Цит. по статье К. К. Яичкова «Ответственность родителей за причиненный детьми вред» — «Социалистическая законность» 1949 г. № 6.

² См. названную выше статью В. С. Тадевосяна, а также отчет об обсуждении доклада К. К. Яичкова об ответственности родителей за вред, причиненный детьми, в Институте права Академии наук СССР, где указанный взгляд разделили В. И. Серебровский, С. Н. Братусь, Г. М. Свердлов (см. «Советское государство и право» 1949 г. № 5, стр. 70—71). На этой новой точке зрения В. И. Серебровский стоит и в Учебнике гражданского права для юридических школ, 1950, стр. 524.

³ СЗ СССР 1935 г. № 32, ст. 262.

причиненный малолетними, единственно при наличии вины родителей в ненадлежащем осуществлении надзора.

В то же время Пленум Верховного суда СССР в постановлении от 3 марта 1950 г. оставил этот вопрос открытым. Содержащиеся в нем указания относятся только к ответственности родителей или попечителей за вред, причиненный несовершеннолетними, достигшими 14 лет.

Иное следует сказать об ответственности других лиц, обязанных осуществлять надзор за недееспособными. Их ответственности постановление от 31 мая 1935 г. не коснулось. Поэтому они должны нести ответственность на основании ст. ст. 405 и 403 ГК РСФСР. Иначе говоря, отвечая, по общему правилу, за свою вину в ненадлежащем осуществлении надзора за недееспособными, они должны признаваться свободными от ответственности, если докажут, что, осуществляя надзор должным образом, они тем не менее не могли предотвратить причинения вреда недееспособным. Поскольку доказано, что вины в ненадлежащем осуществлении надзора не было, должно быть признано свободным от ответственности и учреждение, где малолетние или душевнобольные состояли под непосредственным надзором учителей, воспитателей и т. п. или соответственно медицинского персонала.

Поскольку, таким образом, ответственность за вред, причиненный недееспособным, является ответственностью за свою вину, нет оснований говорить и о праве регресса лица, возместившего вред вместо недееспособного. Такое право регресса противоречило бы и общему правовому положению недееспособного, который не отвечает за причиненный им вред, независимо от порядка, в котором был бы возбужден вопрос о его ответственности. Не соответствовало бы оно и правилам социалистического общежития, сложившимся в области отношений родителей и детей, опекунов и подопечных.

§ 3. Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними (старше 14 лет)

Ряд особенностей представляет ответственность родителей и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетним, достигшим 14 лет, называемым часто, в противопоставление малолетнему, несовершеннолетним без указания возраста.

Как уже сказано, лицом, ответственным за такой вред, является прежде всего сам несовершеннолетний. Но в силу ст. 405 ГК наряду с ним несут ответственность за этот вред его родители или попечители. Выражение закона: «отвечают наряду с несовершеннолетними» — необычно для советского гражданского законодательства и не повторяется в других его постановлениях. Понятно поэтому, что возник вопрос о началах, на ко-

торых ответственность родителей и попечителей за вред, причиненный несовершеннолетним, сочетается с ответственностью самого несовершеннолетнего за тот же вред.

В п. 3 постановления от 10 июня 1943 г. Пленум Верховного суда СССР признал ответственность родителей и попечителей солидарной с ответственностью несовершеннолетних.

Со ссылкой на п. 3 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. тот же взгляд неоднократно высказывался и в нашей литературе¹. Вместе с тем М. М. Агарков и В. И. Серебровский признали, что «родители или попечители освобождаются от ответственности, если будет доказано, что они не нарушили своих обязанностей по надзору или не могли предотвратить причинения вреда»².

В названной же выше статье В. С. Тадевосян говорил, что ему кажется, будто ст. 405 имеет в виду не солидарную, а субсидиарную, вспомогательную ответственность родителей³.

Взгляд В. С. Тадевосяна находит подтверждение в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 3 марта 1950 г. Пленум признал, что родители или попечители отвечают за вред, причиненный несовершеннолетним при отсутствии у несовершеннолетнего имущества, необходимого для возмещения причиненного им вреда.

Следует, однако, заметить, что ответственность родителей или попечителей не всегда возникает и при недостаточности имущества несовершеннолетнего. Ибо ответственность несовершеннолетнего и ответственность его родителей или попечителя — это ответственность по двум обязательствам, направленным на одну и ту же цель: возмещение вреда, причиненного несовершеннолетним. Но возникают эти обязательства из разных оснований. Несовершеннолетний отвечает за свою вину в причинении вреда, а родители или попечители отвечают за вину в ненадлежащем осуществлении надзора за несовершеннолетним, за то, что они не предотвратили совершения несовершеннолетним противоправного действия, причинившего вред, в частности, и действия невинного.

Поэтому возможны случаи, когда ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, несет он один: он причинил вред своим виновным действием, а родители или попечитель не могли предотвратить совершения им действия, причинившего

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, ч. I, стр. 331; сборник «Вопросы гражданского права», изд. Академии наук СССР, 1946, стр. 147; «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1947, стр. 367.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, ч. I, стр. 331; «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1947, стр. 368.

³ См. «Советское государство и право» 1949 г. № 4, стр. 28.

вред, например, были в служебной командировке, на излечении в больнице или санатории и т. п.

Возможны другие случаи, когда ответственность за вред, причиненный несовершеннолетним, несут только родители или попечитель: несовершеннолетний причинил вред без своей вины, но совершение им невинного действия, причинившего вред, было обусловлено непредотвращением родителями или попечителем совершения этого действия несовершеннолетним. Например, несовершеннолетний был допущен родителями к пользованию электроприборами или газовой установкой новой конструкции без указаний со стороны родителей или попечителя способов такого пользования, не был предупрежден родителями о том, что в его комнате поставлена бутылка с бензином и потому недопустимо курение, и т. п.

Наконец, возможны случаи, когда за вред, причиненный несовершеннолетним, понесут ответственность как он сам, так и — субсидиарно — его родители или попечитель. Это те случаи, когда несовершеннолетний причинил вред по своей вине, а родители или попечитель не предотвратили, хотя и могли предотвратить, совершение несовершеннолетним виновного действия, причинившего вред. Например, несовершеннолетний в присутствии родителей неосторожно играл в мяч, разбил стекло в окне чужой квартиры или стрелял из игрушечного лука, повредил глаз товарищу по игре и т. п. В этом случае вина как несовершеннолетнего, так и его родителей или попечителя. Но это вина в различном противоправном поведении: несовершеннолетний по своей вине противоправно причинил вред, а родители или попечитель по своей вине противоправно не предотвратили причинения этого вреда. Лишь в таких случаях потерпевший, не имея возможности получить возмещение вреда от несовершеннолетнего за отсутствием у него достаточного имущества, вправе требовать возмещения вреда от его родителей или попечителя.

Нет сомнений в том, что на изложенной точке зрения стоит и Пленум Верховного суда, указавший в постановлении от 3 марта 1950 г., что родители или попечитель отвечают за вред, причиненный несовершеннолетним, при доказанности в отношении этих лиц (родителей или попечителя) условий, предусмотренных в ст. 403 ГК РСФСР и соответствующих статьях ГК других союзных республик.

У родителей или попечителя, возместивших вред, нет права регресса к несовершеннолетнему: родители или попечитель понесли ответственность за свою вину в ненадлежащем осуществлении надзора за несовершеннолетним. Такой регресс был бы противен и правилам социалистического общежития.

§ 4. Ответственность юридических лиц

Действующие советские ГК не содержат общих постановлений об ответственности юридических лиц, учреждений и предприятий за внедоговорный вред, противоправно причиненный их органами, рабочими и служащими при исполнении возложенных на них обязанностей. Статья 16 ГК РСФСР, которая говорит, что юридические лица участвуют в гражданском обороте при посредстве своих органов или представителей, относится, очевидно, лишь к сфере правомерных действий, совершаемых органами или представителями юридических лиц.

Однако при наличии постановлений ГК, возлагающих на учреждения и предприятия ответственность за вред, противоправно причиненный органами или рабочими либо служащими юридических лиц, в отдельных предусмотренных этими постановлениями случаях (ст. ст. 404, 407, 413, 414 ГК) судебная практика и юридическая литература единодушно признали ответственность юридических лиц за вред, причиняемый органами, так и за вред, причиняемый рабочими или служащими юридического лица¹.

В отношениях с потерпевшим вред, причиненный органами юридического лица, рассматривается всегда судебной практикой и юридической литературой как вред, причиненный юридическим лицом. Юридическое лицо отвечает за такой вред, если не доказано, что вред причинен органом без вины. В то же время, возместив вред, юридическое лицо в порядке регресса может взыскать уплаченные им суммы с непосредственного причинителя вреда в пределах, установленных законодательством о труде (ст. ст. 83 и сл. КЗоТ).

Иначе до последнего времени понималась в юридической литературе и в судебной практике внедоговорная ответственность юридических лиц за действия их рабочих и служащих. Эта ответственность рассматривалась как ответственность юридического лица за вину его органов в ненадлежащем выборе рабочих или служащих, либо в ненадлежащем надзоре за действиями рабочих и служащих. Юридическое лицо признавалось свободным от такой ответственности, если доказано, что вины его органов в выборе или надзоре за рабочими или служащими не было².

В определении Судебной коллегии по гражданским делам

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, ч. I, стр. 332; «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1947, стр. 368; М. М. Агарков, статья «К вопросу о договорной ответственности» и др.

² См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1944, т. I, стр. 332; «Гражданское право», учебник для юридических школ, 1947, стр. 368; М. М. Агарков, «К вопросу о договорной ответственности» — сборник «Вопросы гражданского права», стр. 151 и др.

Верховного суда СССР № 143—1939 г. по делу Самтредского орсра райторготдела с Кутаисским отделением Госбанка Судебная коллегия указала: «Банк, как наниматель, отвечает за выбор своих служащих, а равно за действия, совершаемые ими в пределах их компетенции. В противном случае может создаться полная безответственность банка за нарушения им самим установленных правил, что совершенно недопустимо, особенно при том значении, какое имеет Государственный Банк СССР в системе социалистического хозяйства»¹. Правда, Судебная коллегия в данном деле ошибочно квалифицировала отношения Госбанка с клиентом как обязательство из причинения вреда, в то время как имело место неисполнение Госбанком обязательства, возникшего из договора с клиентом, но именно вследствие этой ошибки названное определение выражало взгляд Судебной коллегии на ответственность юридических лиц за внедоговорный вред, причиненный его рабочими или служащими.

Однако в дальнейшем Судебная коллегия встала на другой путь.

В определении по делу № 1181—1940 г. Исакадзе с Боржомской городской аптекой² Судебная коллегия указала, что ответственность аптеки не может быть установлена до тех пор, пока «суд не выяснил, в какой мере причиной гибели павших коров является вина работников аптеки».

В определении по делу коллектива артистов театра «Миниатюр» с Молотовским обкомом Профсоюза рабочих леса и сплава³ Судебная коллегия указала: «если в результате неправильных действий лиц экипажа на барже возник пожар, повлекший уничтожение имущества театра и артистов, обязанность возмещения причиненного вреда в силу ст. 403 должна нести такелажно-транспортная контора, осуществляющая эксплуатацию баржи». В этом деле также неправильна квалификация отношений между сторонами как обязательств из причинения вреда. Но взгляд Судебной коллегии на условия ответственности юридических сил по этим обязательствам не вызывает сомнений.

В определении № 1051—1943 г. Судебная коллегия указала, что требование о возмещении вреда, причиненного бригадиром колхоза, потерпевший мог предъявить не к бригадиру, «а к колхозу... в соответствии со ст. 403 ГК. В случае установления не-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений Судебной коллегии Верховного суда СССР за 1938/1939 гг., стр. 158.

То же в определении по делу Владивостокского райкоопса с Владивостокским отделением Госбанка — «Советская юстиция» 1939 г. № 12.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1940 г., стр. 225.

³ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1945 г., вып. I (XVII), 1946, стр. 28.

правильных действий со стороны Чингаряна (бригадира) ответственность за них Чингарян может нести перед колхозом»¹.

Та же мысль выражена в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу № 36/961 — 1943 г. колхоза «Дружба»².

Нельзя не признать, что этот новый взгляд на ответственность юридических лиц более соответствует как высоким требованиям, предъявляемым ко всем советским учреждениям и предприятиям в период построения коммунизма, так и существу деятельности юридического лица.

Если юридическое лицо вступает в гражданские сделки при посредстве своих органов, то всю свою производственную — в широком смысле — деятельность оно осуществляет при посредстве как тех же органов, так и всего коллектива рабочих и служащих. Не только действия органов, но и действия его рабочих и служащих являются действиями самого юридического лица. Вне этих действий нет и деятельности юридического лица. Поэтому обоснована и должна быть закреплена в будущем ГК СССР ответственность юридических лиц за вред, причиняемый противоправными действиями их рабочих или служащих при исполнении ими служебных обязанностей, пока не доказано, что такие действия совершены рабочим или служащим без вины.

В юридической литературе изложенная точка зрения выдвигалась уже С. Н. Братусем³, Л. А. Лунцем⁴, В. И. Серебровским⁵.

Возместив вред потерпевшему, юридическое лицо имеет право регресса к работнику, по вине которого причинен вред.

Особые правила регулируют ответственность юридических лиц — государственных органов — за вред, причиняемый противоправными действиями должностных лиц при совершении ими актов управления или актов административного управления, как их называет п. 4 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. (см. сл. главу).

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1943 г., стр. 180—181.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1943 г., стр. 22.

³ С. Н. Братусь, *Субъекты гражданского права*, Юриздат, 1950, стр. 206 и сл.

⁴ Л. А. Лунц в работе И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, *Общее учение об обязательстве*, стр. 351—354; «Советское гражданское право», учебник для юридических высших учебных заведений, 1950, т. I, стр. 442.

⁵ «Советское гражданское право», учебник для юридических школ, 1950, стр. 520.

ГЛАВА VII

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОРГАНОВ ЗА ИМУЩЕСТВЕННЫЙ ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ДОЛЖНОСТНЫМИ ЛИЦАМИ ПРИ СОВЕРШЕНИИ АКТОВ УПРАВЛЕНИЯ

§ 1. Сфера действия ст. 407 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик

1. Ответственность государственных органов за имущественный вред, причиняемый должностными лицами при совершении ими актов управления, предусмотрена ст. 407 ГК РСФСР и соответствующими статьями ГК других союзных республик.

Статья 407 гласит: «Учреждение отвечает за вред, причиненный неправильными служебными действиями должностного лица лишь в случаях, особо указанных законом, если притом неправильность действий должностного лица признана подлежащим судебным или административным органом. Учреждение освобождается от ответственности, если потерпевший своевременно не обжаловал неправильные действия. Учреждение вправе, в свою очередь, сделать начет на должностное лицо в размере уплаченного потерпевшему вознаграждения».

На первый взгляд может показаться, будто постановление ст. 407 относится ко всем случаям причинения вреда «неправильными служебными действиями должностного лица», входящего в состав учреждения, в чем бы такое действие ни заключалось, каково бы ни было его содержание, — будь то действие хозяйственное, техническое или акт власти.

Однако судебная и арбитражная практика, так же как и советская юридическая литература, вполне правильно дали иное толкование ст. 407 с первых же дней ее действия.

Так, в одном из определений 1924 года (дело № 3561) ГКК Верховного суда РСФСР признала неправильным применение ст. 407 к случаю, в котором вред был причинен действием должностного лица, не носившим характера акта власти¹. В другом определении 1925 года применение ст. 407 было отвергнуто ГКК РСФСР потому, что деятельность, о которой в деле шла речь, носила «не

¹ «Судебно-арбитражный бюллетень» 1926 г. № 14—15, стр. 12.

административный характер», а характер «деятельности предприятия», т. е. хозяйственный¹. В 1926 году ГКК дала уже указание общего порядка: ст. 407 ГК имеет в виду причинение вреда незаконными действиями должностных лиц в сфере их административной деятельности, а не в сфере осуществления учреждениями или предприятиями тех или иных входящих в круг их деятельности материально-хозяйственных задач². На ту же точку зрения встала с первых лет ее развития также и практика Высшей арбитражной комиссии при СТО.

Так, например, в определении ВАК при СТО от 1 февраля 1924 г. было указано: «ст. 407 имеет в виду незаконные административные распоряжения должностных лиц... а не действия, связанные с осуществлением госучреждением или предприятием возложенных на него хозяйственных функций»³.

Такому толкованию ст. 407 давала основание история ее составления — относившиеся к этой статье работы комиссии, выделенной ВЦИК РСФСР IX созыва для рассмотрения проекта ГК РСФСР⁴. Проект ГК исходил из общего признания ответственности государственных учреждений за действия должностных лиц. Но Комиссия ВЦИК РСФСР IX созыва при рассмотрении проекта, исходя из опасения, что «это может наложить большую ответственность на государственные учреждения», указала, что поскольку в отдельных законах предусмотрена ответственность учреждений за вред, причиняемый неправильным совершением должностными лицами административных актов, эта ответственность должна и впредь устанавливаться особыми законами, а «как общее правило сейчас она опасна».

Таким образом, административные акты были отделены от других актов, совершаемых государственными учреждениями.

И в самом деле, когда дело идет об осуществлении государственным органом через посредство своих должностных лиц хозяйственного действия (заготовки, ремонт помещения и т. п.) или какой-нибудь технической операции (укрепление вывески или плаката на крыше здания, где помещается учреждение, и т. п.), то чем, с точки зрения юридической, такого вида деятельность одного государственного органа отличается от однородной деятельности другого государственного органа? Почему за вред, причиненный в ходе осуществления такой деятельности одного госоргана неправильным действием его должностного лица, этот госорган должен отвечать лишь в случаях, особо предусмотренных законом, как о том говорит ст. 407 ГК, в то время как другой

¹ «Еженедельник советской юстиции» 1925 г. № 34, стр. 11—51.

² См. Х. И. Шарц, назв. соч., стр. 61.

³ «Практика арбитражных комиссий», вып. IV, № 333.

⁴ Стенографический отчет 4-й сессии ВЦИК IX созыва — «Бюллетень» № 3, стр. 119.

госорган нес бы ответственность во всех случаях такого причинения вреда?

Иначе обстоит дело в тех случаях, когда вред причинен неправильными действиями в области «административного управления», — по выражению Верховного суда СССР в постановлении Пленума от 10 июня 1943 г. Здесь совершенно особая сфера деятельности государственных органов, сфера непосредственного воздействия путем актов, носящих характер обязательных к исполнению приказов, на поведение граждан, общественных организаций, а равно и других государственных органов¹. Для этой сферы вполне обосновано установление особых условий и особого порядка ответственности за вред, причиняемый неправильными действиями должностных лиц. Для сферы этой деятельности и установлено правило ст. 407 ГК РСФСР: в тех случаях, когда имущественный вред причинен неправильным осуществлением деятельности, представляющей собой административное управление, получает применение ст. 407 ГК. Государственный орган отвечает за такой вред лишь при наличии особого постановления закона, устанавливающего для соответствующих случаев ответственность этого государственного органа.

Именно так разъяснило смысл ст. 407 и постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. Согласно п. 4 этого постановления ст. 407 применима лишь в тех случаях, когда вред причинен в области административного управления, т. е. неправильными действиями в совершении акта, представляющего собой акт административного управления.

Совершенно отчетливо та же мысль выражена в ст. 407-а ГК УССР: она воспроизводит правило ст. 407 ГК РСФСР для случаев, когда вред причинен «неправильными служебными действиями должностного лица при осуществлении этим лицом функции власти».

2. Однако ст. 407 говорит об ответственности не любого государственного органа, а государственного учреждения. Не обязывает ли это внести еще один ограничительный признак в определение круга действия ст. 407? Не значит ли это, что ст. 407 относится не ко всем советским госорганам, а лишь к тем, которые признаны учреждениями?

¹ С. С. Студеникин говорит, что «в актах государственного управления содержатся обязательные для исполнения предписания, которыми, в соответствии с действующим законодательством, либо налагаются на граждан общественные или государственные учреждения или организации или на должностных лиц определенные обязанности, либо предоставляются им какие-либо права. Такой акт может быть либо нормативным, либо индивидуальным» (С. С. Студеникин, «Советское административное право», учебник для юридических школ, 1949, стр. 107, 116). См. также С. С. Студеникин, «Советское административное право», учебник для юридических высших учебных заведений, 1950, стр. 145.

Термин «учреждение» употребляется в советском праве в разных значениях.

Прежде всего «учреждение» означает определенный структурный тип юридического лица. Статья 13 ГК противопоставляет «учреждение» как один структурный тип юридического лица объединению лиц как другому структурному типу юридического лица. Объединение лиц предполагает, что для возникновения юридического лица физические лица или другие юридические лица объединяют определенные имущественные средства и участвуют затем в деятельности юридического лица на началах членства (например, граждане, входящие в состав профессионального союза, или промысловые кооперативные артели, входящие в состав союза таких артелей).

Учреждение как структурный тип юридического лица не требует объединения средств других лиц и не связано с понятием членства. Для возникновения учреждения достаточно обособления в установленных законом пределах и порядке известной имущественной массы, которая и начинает использоваться так, как если бы за ней стоял самостоятельный субъект гражданских прав и обязанностей.

С этой точки зрения всякий государственный орган с правами юридического лица является учреждением: для его образования от единого фонда государственной собственности, в пределах и в порядке, установленных законом, обособляется некоторая часть, — некоторые определенные имущества, которые и вводятся в оборот, используются в качестве имущества этого госоргана как юридического лица для осуществления задач, поставленных перед ним государством.

Но государственный орган может быть учреждением и в другом смысле. Государственные органы, с точки зрения осуществляемых ими задач, распадаются на две большие категории: 1) государственные учреждения, 2) государственные предприятия. Государственным предприятием является государственный орган, основной задачей которого является непосредственное осуществление хозяйственной деятельности: производства, торговли, кредитования, страхования и т. п. Госучреждением признается всякий государственный орган, основной задачей которого является осуществление какой-либо из стоящих перед государством задач, кроме непосредственной хозяйственной деятельности.

Ввиду того, что государственные предприятия и государственные учреждения являются в равной мере органами Советского государства, лишь в разных сферах государственной деятельности, осуществляющими единые задачи и цели Советского государства, — существуют и такие государственные органы, которые выполняют одновременно функции как учреждений, так и предприятий. Таков, например, Государственный банк СССР, который,

будучи хозяйственным органом, выполняющим задачи краткосрочного кредитования и содействия (обязательного в силу закона) расчетам между социалистическими организациями, в то же время является учреждением, осуществляющим контроль исполнения государственными предприятиями их плановых заданий и регулирующим денежное обращение. Такое же соединение хозяйственных и административных функций имеет место в деятельности главных управлений хозяйственных министерств, если эти управления наделены хозрасчетными правами или переведены на хозрасчет. Эти главные управления осуществляют хозяйственную деятельность по сбыту продукции подчиненных им предприятий, по снабжению их и в то же время осуществляют административное управление, планируя и регулируя деятельность тех же предприятий и контролируя ход выполнения ими плановых заданий.

К только что сказанному следует добавить, что подавляющая масса государственных предприятий, как это и понятно, действует на началах хозяйственного расчета, в то время как подавляющее большинство государственных учреждений действует в качестве государственных органов, финансируемых в сметном порядке. Есть, однако, и отступления от этих общих начал: Государственный банк, согласно его уставу, является кредитным учреждением, т. е. органом, кредитующим, выполняющим хозяйственные функции, и в то же время учреждением, т. е. административным органом, и действует на началах хозрасчета. Главное управление хозяйственного министерства не перестает быть частью министерства как государственного учреждения от того, что это управление переведено на хозяйственный расчет. МТС выполняют важнейшие хозяйственные функции и финансируются в сметном порядке.

Различение государственных предприятий и государственных учреждений представляет немаловажный практический интерес в целом ряде случаев. Оно может иметь значение для разрешения вопросов налогового обложения (одни виды налогов и сборов взыскиваются только с предприятий, другие уплачиваются также и учреждениями: размеры налогов, взимаемых с учреждений и с предприятий, также не всегда одинаковы и т. д.), для исчисления наемной платы за арендуемые учреждениями и предприятиями помещения и т. п. Но принципиального значения, как видно из изложенного, оно не имеет.

Не имеет оно значения и для определения круга действия ст. 407. Ибо даже учреждение, основной задачей которого является осуществление актов административного управления (как, например, милиция и др.), неизбежно осуществляет для своих нужд и некоторую деятельность, хозяйственную, например, производит ремонт своего помещения, уборку двора и т. п., а также осуществляет некоторые действия, которые нельзя признать хозяйствен-

ными, но которые в то же время не являются и актами государственного управления, — таковы неизбежные для каждого государственного органа технические мероприятия (подготовка спортивных площадок для работников учреждения, украшение занимаемого учреждением здания праздничными плакатами и т. п.). Таким образом, центром тяжести ст. 407 является не установление особых условий ответственности государственных учреждений, а установление особых условий ответственности за вред, причиняемый неправильным совершением актов административного управления, кто бы такие акты ни осуществлял — учреждения или предприятия. И если ст. 407 говорит об ответственности учреждений за вред, причиняемый неправильным совершением должностными лицами таких актов, то это объясняется тем, что по общему правилу, такие акты совершаются при посредстве должностных лиц именно учреждениями. Но в тех случаях, когда учреждение осуществляет не акт административного управления, а акт хозяйственный или технический, оно отвечает за вред, причиненный при этом его должностными лицами, не по ст. 407, а по ст. 403 или по ст. 404 — по принадлежности.

В полном соответствии с этим Верховный суд СССР признал в 1943 году воинскую часть ответственной по ст. 404 за причинение смерти гр-ну Савинову грузовой машиной, следовавшей для ремонта в ремонтные мастерские¹.

Если таким образом решающим условием применения ст. 407 является не то, что вред причинен в сфере деятельности государственного учреждения, а то, что этот вред явился следствием неправильного совершения должностным лицом акта административного управления, то неизбежно признать, что ст. 407 подлежит применению и в тех случаях, когда акт административного управления осуществляется, по исключению из общего правила, в сфере деятельности не государственного учреждения, а государственного предприятия.

Такова, например, ответственность леспромхоза, который при осуществлении обязанностей по тушению лесных пожаров уполномочен на осуществление целого ряда актов административного управления, вплоть до реквизиции противопожарных приспособлений.

3. Изложенное устраняет и то значение, какое обыкновенно придается при толковании ст. 407 понятию «должностное лицо». Толкуя ст. 407, обыкновенно указывают, что в понятие «должностного лица» в ст. 407 должно быть вложено то же содержание, какое придано этому понятию прим. 1 к ст. 109 УК РСФСР².

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1943 г., вып. III, стр. 23.

² См. «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 334.

Между тем если центральным моментом, определяющим круг действия ст. 407, является характер акта административного управления, присущий противоправному и причинившему вред действию работника госоргана, то не существенно, совершено ли такое действие служащим, принадлежащим в силу прим. 1 к ст. 109 УК к числу должностных лиц, подчиненных данному госоргану, или это действие совершено служащим, не являющимся должностным лицом, либо рабочим, на которых в виде исключения из общих правил, но в установленном порядке было возложено осуществление акта административного управления. При таких условиях работник госоргана, не относящийся в силу прим. 1 к ст. 109 УК к числу должностных лиц, ничем не отличается от тех, которые признаются в силу того же постановления должностными лицами.

4. Ввиду того, что ни один госорган не совершает исключительно акты административного управления, существенное значение приобретает четкое отграничение таких актов от других действий советских государственных органов.

В литературе предлагались различные характеристики актов административного управления, совершаемых государственными органами. Некоторые выдвигали в качестве решающего признака этих актов их безвозмездный характер.

Однако другими в литературе замечено, что безвозмездность не есть решающий признак акта административного управления. Государственные библиотеки безвозмездно предоставляют книги в пользование граждан, но никто не назовет предоставление гражданину книги актом административного управления со стороны библиотеки.

С другой стороны, органы милиции обязаны взимать определенные сборы при прописке граждан в месте их постоянного или временного проживания, при выдаче паспортов и т. п. Однако никто не сомневается в том, что соответствующие действия милиции являются актами административного управления.

Не может быть признан решающим признаком акта административного управления, как то указывали иногда в литературе, и монопольный характер тех или иных действий, совершаемых государственным органом¹. Конституция СССР и ряд основанных на ней законодательных актов закрепили монополию государства в целом ряде отраслей хозяйственной деятельности. Но от этого эта деятельность не перестала быть хозяйственной деятель-

¹ См. Я. М. Магазинер, Ответственность учреждений за причиненный вред — «Вестник советской юстиции» 1926 г. № 23, его же статья в Ученых записках Свердловского юридического института, 1946 г.

ностью, а отдельные акты, из которых эта деятельность складывается, не стали актами административного управления. Эксплуатация железных дорог общего пользования составляет в СССР монополию государства, но транспортные операции железных дорог — не акты административного управления. Монополия внешней торговли есть неотъемлемый принцип экономического строя СССР, но импортные и экспортные сделки, совершаемые объединениями Министерства внешней торговли, не представляют собой актов административного управления.

Таким образом, ни безвозмездность, ни монополичный характер совершения определенных действий не превращают эти действия в акты административного управления.

Черта, характерная для акта административного управления и присущая только ему, заключается в том, что такой акт содержит приказ, обращаемый данным государственным органом к другим государственным органам, к общественным организациям или к гражданам и подлежащий безоговорочному исполнению. Такой акт выражает не равенство воли того, от кого он исходит, и того, к кому он обращен, а подчинение законом воли того, к кому акт обращен, воле того, от кого он исходит.

Понятно поэтому, что Верховный суд СССР не признал административным актом управления действия воинской части, которым была причинена смерть гр-ну Савинову. Распоряжением компетентного должностного лица машина автобатоальона была отправлена в ремонт. По пути следования машины к месту производства ремонта этой машиной была причинена смерть гр-ну Савинову. Но где же здесь акт административного управления? Где приказ автобатоальона, которому обязаны подчиняться граждане, общественные или государственные организации?

Возможны и случаи, когда акт административного управления по содержанию своему имеет хозяйственное значение. Например, главное управление хозяйственного министерства утверждает размер оборотных средств хозоргана на данный год. Тем не менее и здесь ясен характер акта административного управления, акта, при помощи которого воля определенного государственного органа — главного управления — односторонне, и притом с обязательной для других силой, определяет известное положение для другого государственного органа, для определенного хозоргана. Такие же хозяйственного содержания акты административного управления совершаются и в отношении общественных организаций, а также в отношении граждан (например, назначение пенсии в определенном размере). Всем этим актам наряду с их хозяйственным содержанием присуща и другая черта: они представляют собой приказ, обязательный для других госорганов, для общественных организаций или граждан.

§ 2. Условия ответственности государственного органа за вред, причиненный должностным лицом

1. Устанавливая ответственность государственных органов за имущественный вред, причиненный действиями должностных лиц, осуществляющих акты административного управления, ст. 407 ГК имеет в виду (и прямо на это указывает) вред, причиненный не правильными служебными действиями должностных лиц.

Под «служебными» действиями в данном случае понимаются действия, из которых складывается соответствующий акт административного управления, действия, неотделимые от этого акта, совершение которого входит в круг обязанностей, возложенных государственным учреждением или предприятием на лицо, причинившее вред. Действие, совершенное при исполнении служебных обязанностей, не есть служебное действие в смысле ст. 407, и к случаям вреда, причиненного таким действием, ст. 407 не относится: за такой вред в любом случае отвечает только его непосредственный причинитель. Так, в случае повреждения одного имущества данного лица при конфискации или реквизиции другого, принадлежащего ему имущества государственные органы ответственности не несут, ибо в таком случае вред причинен должностным лицом при исполнении служебных обязанностей. Наоборот, за неправильное производство самой конфискации государственный орган несет ответственность: реквизиция и конфискация представляют собой акты административного управления, а лицо, которое производит реквизицию или конфискацию в силу возложенных на него обязанностей, совершает служебное действие. Ответственность же за вред, причиненный неправильным осуществлением такого акта, возложена на государство ст. 21 Сводного закона о реквизициях и конфискациях¹.

Но в ст. 407 ГК речь идет о случаях, когда вред причинен не правильным действием лица, входящего в состав госоргана и совершающего «акты административного управления».

Понятно, что возникает и вопрос: что значит «неправильное» действие?

Неправильным должно быть прежде всего признано действие противоправное. В этом сходятся все суждения, высказанные по данному вопросу в советской цивилистической литературе. Следует думать, что неправильным должно быть признано соответственно указанному выше (гл. III) также и действие должностного лица, осуществляющего акт управления, противное правилам социалистического общежития.

Но следует ли относить к числу «неправильных» действий,

¹ СУ 1927 г. № 38, ст. 248.

о которых речь идет в ст. 407 ГК, также и действия нецелесообразные, как об этом иногда говорили в литературе гражданского права?

Ответ на этот вопрос дают специальные законы об ответственности государственных органов за вред, причиненный должностными лицами.

Все эти законы имеют в виду действия противоправные:

статья 21 Сводного закона о реквизиции и конфискации говорит об ответственности государства за незаконную конфискацию¹;

статья 4 постановления ВЦИК и СНК РСФСР от 16 января 1928 г. «Об ответственности за убытки, причиненные незаконным вмешательством органов власти в деятельность кооперативных организаций» устанавливает ответственность органа власти за убытки, причиненные кооперативной организации неправильными действиями подчиненных ему должностных лиц, нарушающих названное постановление²;

статья 12 Положения об управлении морскими портами устанавливает ответственность порта за задержание судна без законных к тому оснований;

статья 7 Положения о государственных морских лоцманах имеет в виду, очевидно, противоправные действия лоцмана, ибо «виновными» могут быть только противоправные действия, причиняющие вред, а эта статья говорит об ответственности порта за виновные действия лоцмана, которыми причинена авария³.

Другие, предусматриваемые ст. 407 «особые постановления закона» также прямо указывают на то, что дело идет о действиях противоправных. Но, если бы тот или иной «особый закон» такого указания и не содержал, следует думать, что при отсутствии противоположного указания ответственность государственного органа устанавливалась бы этим законом все же только для случаев причинения вреда противоправными действиями лица, осуществляющего акт административного управления. Иначе ответственность государственных органов была бы чрезмерно расширена по сравнению с теми пределами, которые ей ставит общий смысл ст. 407, а инициатива работников отдельных госорганов была бы без нужды связана: ее сковывало бы опасение нецелесообразным действием возложить ответственность на госорган и отвечать самому перед государственным органом в порядке регресса.

2. Должно ли это действие быть также и виновным? Статья 407 ГК этого не говорит.

¹ СУ 1927 г. № 33, ст. 248.

² СУ 1928 г. № 11, ст. 101.

³ СЗ 1927 г. № 10, ст. 101.

М. М. Агарков в Учебнике гражданского права говорит: «Слово «неправильность», которое употреблено статьей 407, не вполне ясно. Следует считать, что им имеется в виду вина должностного лица, т. е. умышленное или неосторожное причинение им вреда посредством неправомерного действия»¹.

С этим взглядом нельзя согласиться.

По общему правилу, ответственность юридического лица за вред, противоправно причиненный его органами, рабочими и служащими, есть ответственность за вред, виновно причиненный этими лицами.

Но ст. 407 ГК есть специальный закон. Она регулирует последствия причинения вреда противоправными действиями особого рода: противоправными действиями, совершенными в ходе административного управления. Она стоит рядом со ст. 403 ГК и не есть ни частный случай, который обнимался бы общим положением ст. 403, ни исключение из нее. Она — специальный закон, и для ее толкования ст. 403 данных не дает. Данные, дополнительные к буквальному смыслу ст. 407, содержат: 1) история ее составления; 2) содержание тех «особых постановлений закона», которые изданы в соответствии со ст. 407 ГК.

Как уже сказано, проект ГК исходил из общего признания ответственности государственных органов за вред, причиненный неправильными действиями лиц, осуществляющих акты административного управления. Комиссия, выделенная ВЦИК для рассмотрения проекта кодекса, «исходя из опасения, что это может наложить большую ответственность на госучреждения, и считая, что в отдельных законах у нас такая ответственность предусмотрена, установила, что эта ответственность должна быть предусмотрена особым законом, а как общее правило, сейчас она очень опасна»².

Таким образом, высказавшись против неограниченной ответственности госорганов в случаях, предусматриваемых нынешней статьей 407 ГК, Комиссия ВЦИК внесла лишь одно, но, разумеется, весьма существенное ограничение этой ответственности: госорган отвечает за имущественный вред, причиненный неправильными служебными действиями должностных лиц, лишь в случаях, особо указанных законом. Никаких других добавлений или ограничений принципа ответственности, выраженного проектом ст. 407, комиссия не внесла. А мотивом внесенного ограничения служили единственно соображения финансовые, которые не могли не играть существенной роли в момент создания ГК РСФСР, когда ни финансовая мощь Советского государства, ни политиче-

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 335.

² Стенографический отчет 4-й сессии ВЦИК IX созыва — «Бюллетень» № 8, стр. 19.

ская и деловая зрелость его аппарата еще не стояли на том высоком уровне, которого они достигли в дальнейшем. А если это так, то какими соображениями может оправдываться ограничение сферы применения ст. 407 путем ее толкования, не обосновываемого и редакцией этой статьи?

Но если ни редакция, ни история составления статьи 407 не обосновывают такого сужения сферы ее действия, то «особые законы», изданные в соответствии со ст. 407, своим содержанием исключают возможность такого сужения.

Правда, ст. 11 лодманского устава предусматривает ответственность порта за аварии, причиненные по вине лодмана. Но в лице того же порта государство в силу ст. 12 Положения об управлении морскими портами отвечает за незаконное, хотя бы и невиновное задержание судна начальником порта.

Постановление ВЦИК и СНК РСФСР от 16 января 1928 г. «Об ответственности за убытки, причиненные незаконным вмешательством органов власти в деятельность кооперативных организаций» устанавливает ответственность государства за убытки, причиненные таким вмешательством, только в случаях, когда вина должностного лица признана в уголовном или дисциплинарном порядке. А Сводный закон о реквизиции и конфискации от 28 марта 1927 г. говорит об ответственности государства за незаконную конфискацию, не требуя, чтобы соответствующие незаконные действия были также и виновными.

Таким образом, одни из «особых постановлений закона», изданных в соответствии со ст. 407 ГК, устанавливают ответственность госорганов только за причинение вреда противоправным действием, виновно совершенным в процессе осуществления актов административного управления, другие «особые постановления закона» не требуют наличия вины лица, причинившего такой вред, так же как не требует его и постановление самой статьи 407. Отсюда неизбежен вывод: вина лица, причинившего вред противоправным действием в процессе осуществления административного управления, не есть необходимое условие ответственности госоргана за этот вред. Вина должна быть в наличии лишь в тех случаях, для которых ее требует соответствующее «особое постановление закона».

3. Иное следует сказать об условиях регресса госоргана, возместившего вред, причиненный неправильным совершением акта административного управления, к лицу, которое этот вред причинило. Регресс, который прямо предусмотрен ст. 407, предполагает вину лица, причинившего вред. Ибо этот регресс опирается, по существу, не на ст. 407, а на правила об ответственности должностного лица за ненадлежащее исполнение им своей служебной обязанности и мог бы осуществляться госорганом и при отсутствии соответствующего упоминания в ст. 407. Следовательно, и удовле-

творение регрессного иска госоргана может иметь место лишь в случаях, когда вред, предусмотренный ст. 407, был причинен виновно. И, следовательно, возможны случаи, когда госорган, возместив вред, причиненный противоправным действием должностного лица в сфере осуществления актов административного управления, не может предъявить регрессного иска к причинителю вреда, ибо противоправное действие, которым этот последний причинил вред, не было действием виновным.

Статья 407 дает два особых указания о праве регресса госоргана: 1) регресс может быть осуществлен в порядке начета на лицо, причинившее вред; 2) размер взыскиваемой в порядке регресса суммы совпадает с размером суммы, уплаченной госорганом в возмещение вреда.

4. Статья 407 установила некоторые процессуальные правила для осуществления потерпевшим своего права на возмещение вреда, предусмотренного этой статьей: 1) потерпевший обязан своевременно обжаловать неправильные действия, причинившие ему вред; 2) неправильность действия, причинившего вред, должна быть признана судебным или административным органом.

Своевременным должно признаваться обжалование в течение давностного срока. Это подтверждается тем, что длительность сроков для обжалования различных действий должностных лиц всегда устанавливается в советском законодательстве точно, и если ст. 407 соответствующего постановления не содержит, а говорит лишь о «своевременном» обжаловании, то, очевидно, она имеет в виду некоторый, точно установленный срок, которому и должен соответствовать «срок обжалования». А не создавая необоснованного и ненужного ущемления прав потерпевшего, таким сроком можно признать только срок, в который потерпевший вправе осуществить свое требование к государству в порядке предъявления иска, т. е. срок исковой давности.

Второе процессуальное постановление ст. 407 касается органа, который должен признать неправильность обжалованного служебного действия работника госоргана, причинившего вред в сфере осуществления актов административного управления. Какой орган является тем «подлежащим административным или судебным органом», о которых говорит ст. 407? Юридическая литература не всегда дает одинаковый и не всегда вполне ясный ответ на этот вопрос. Так в Учебнике гражданского права 1938 года было сказано: «Прежде чем (разрядка моя. — Е. Ф.) требовать возмещения вреда, потерпевший должен подать жалобу на неправильные действия лица, причинившего ему вред»¹. Учебник гражданского права 1944 года указал: «Ответственность по

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1938, ч. II, стр. 410.

ст. 407 наступает лишь в том случае, если неправильность действия была (разрядка моя.—Е. Ф.) признана подлежащим судебным или административным порядком»¹. Повидимому, имеется в виду жалоба, предшествующая обращению в суд с иском о возмещении понесенного вреда. Думается, иной смысл, хотя это и не сказано прямо, имеет указание Х. И. Шварца на то, что «для установления неправильности вредоносного действия необходимо, чтобы характер действия мог быть установлен подлежащим органом власти, поэтому возмещение вреда связывается (разрядка моя.—Е. Ф.) с признанием действия неправильным со стороны этого органа»².

Понятно, что жалоба, предшествующая обращению в суд, — это жалоба, приносимая в административном порядке.

Судом, который признает неправильность действия должностного лица, причинившего вред, может быть суд, выносящий приговор по уголовному делу в тех случаях, когда неправильное действие должностного лица является преступным. Поэтому те, кто подробно обосновывает мысль о необходимости предшествующего предъявлению иска признания «неправильности» действия, причинившего вред, считают, что это признание может исходить только от суда, рассматривающего уголовное дело по обвинению причинителя вреда в том или ином преступлении (или от дисциплинарного суда, если бы он существовал).

Однако возможны и случаи, когда «неправильное» действие должностного лица не является преступным действием и даже не является виновным, тем не менее «особый закон» возлагает на государство ответственность за причиненные таким действием убытки. Это имеет место, например, в Сводном законе о реквизициях и конфискациях, в Положении об управлении морскими портами и др. В этих случаях очевидно, что судом, который должен признать неправильность действий должностного лица, причинившего вред в ходе осуществления акта власти, должен быть суд, в котором предъявлен иск к госоргану о возмещении вреда. Этот суд рассматривает вопрос о неправильности действия должностного лица как условие ответственности госоргана. Предварительного судебного решения о неправильности действия должностного лица в этом случае не будет. Ибо странно было бы требовать, чтобы при отсутствии в действиях должностного лица признаков преступного деяния потерпевший должен был один раз обращаться в суд с установительным иском о признании неправильности действия должностного лица, а затем во второй раз предъявить в том же суде иск о возмещении ему убытков, причиненных действием, которое ранее признано судом неправиль-

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, ч. I, стр. 335.

² Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 58.

ным. Это было бы ненужным затруднением для потерпевшего, ненужной проволочкой, не согласной с общим смыслом ст. 407. А если это так, то нет препятствий и к тому, чтобы гражданский иск был предъявлен к госоргану в порядке ст. 14 УПК в суде, рассматривающем уголовное дело работника этого госоргана, и чтобы этот иск был рассмотрен одновременно с рассмотрением уголовного дела.

§ 3. Отдельные случаи ответственности государственных органов за вред, причиненный должностными лицами

1. Статья 407 ГК РСФСР устанавливает ответственность государственных органов «лишь в случаях, особо указанных законом». Круг этих случаев сложился постепенно, по мере издания соответствующих специальных постановлений. Одно из таких постановлений, применяемое на практике чаще других, — постановление ВЦИК РСФСР от 6 апреля 1928 г., — было включено в ГК и превратилось в его статью 407-а. Позволительно с него и начать обзор специальных постановлений закона об ответственности государства.

Статья 407-а говорит: «Учреждение отвечает за служебные действия должностных лиц, совершенные последними в пределах их компетенции, и допущенные ими по службе упущения, признанные подлежащим судебным или административным органом неправильными, незаконными или преступными, в тех случаях, когда потерпевший сдал имущество (в частности, денежные суммы) учреждению или должностному лицу во исполнение требований закона или судебного решения, приговора, определения, либо основанного на них или на правилах внутреннего распорядка государственного учреждения распоряжения должностного лица. Учреждение отвечает на тех же основаниях в тех случаях, когда имущество (в частности, денежные суммы) сдано в пользу потерпевшего». Это постановление, по распространенному в нашей литературе взгляду, устанавливает один из случаев, особо указанных в законе, о которых говорит ст. 407 ГК, — ответственность по ст. 407-а есть, по общепринятому взгляду, частный случай действия ст. 407 ГК¹.

С таким пониманием ст. 407-а трудно согласиться. В ст. 407-а речь идет об ответственности госоргана не за внедоговорный вред, а за неисполнение обязательства, а именно обязательства хранить и передать имущество, «сданное учреждению или должностному лицу во исполнение требований закона или судебного решения, приговора, определения, либо основанного на них или на правилах внутреннего распорядка государ-

¹ См. «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, ч. I, стр. 334; Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 59—60.

ственного учреждения распоряжения должностного лица». Статья 407-а есть разновидность случаев, предусмотренных не ст. 407, а ст. 118 ГК: должник — юридическое лицо не исполняет обязательств потому, что лицо, на которое возложено исполнение обязательства, совершило действие или допустило бездействие, признанное подлежащим судебным или административным органом неправильным, незаконным или преступным, например, растратило или не предохранило от порчи или расхищения сданное государственному органу имущество.

Но если это так, то в чем был смысл издания постановления, которое затем стало статьей 407-а? Издание этого постановления (которому предшествовали соответствующие разъяснения Верховного суда РСФСР от 21 февраля 1927 г. и циркуляр НКЮ и Наркомвнудела РСФСР от 26 апреля того же года) было весьма целесообразно. Ибо между ст. 118 ГК, с одной стороны, и ст. 407-а, с другой, есть существенное различие. Будучи частным случаем ст. 118, ст. 407-а содержит и существенное от нее отступление: постановление ст. 118 ГК исходит из вины должника, т. е. из вины его органов, рабочих или служащих, если должник — юридическое лицо. Между тем ст. 407-а устанавливает ответственность государства за вред, причиненный неисполнением обязательства учреждения вследствие не только «преступного» и, следовательно, виновного действия должностного лица, но и вследствие его действия «незаконного», которое, как уже сказано выше, может быть и невиновным, и даже вследствие «неправильного» действия должностного лица, которое, очевидно, может и не быть незаконным. «Неправильное действие» в ст. 407-а, очевидно, не однозначно с незаконным действием. Ибо оно названо наряду с этим последним и может быть понимаемо только как действие, само по себе не противозаконное, но по своей нецелесообразности лишившее учреждение возможности выполнить обязательство и именно поэтому ставшее противоправным. Таким образом, ст. 407-а есть не одно из особых постановлений об ответственности государственных органов за внедоговорный вред, предусмотренный ст. 407 ГК, а особое постановление об ответственности государственных органов за неисполнение обязательств.

Со ст. 407 ее роднит лишь то, что так же, как и эта последняя, ст. 407-а не возводит вину должностного лица в необходимое условие ответственности государственного органа. В этом — расширение ответственности госорганов по сравнению с установленными советским гражданским правом общими началами ответственности по принципу вины как за «внедоговорный» вред, так и за вред, причиняемый неисполнением обязательств. В этом — одно из проявлений заботы Советского государства об интересах граждан, так же как и об интересах социалистических организаций. Ибо статьей 407-а обнимается ответственность госу-

дарственных органов в случаях причинения вреда, с которым может столкнуться любой гражданин и любая организация, сдающая имущество государственному учреждению или должностному лицу (например, судебному исполнителю во исполнение закона, судебного решения, правил внутреннего распорядка государственного учреждения).

Важнейшие из особых постановлений, предусматривающих ответственность государственных органов за «внедоговорный» вред, причиненный должностными лицами в сфере административного управления, заключаются в следующем:

1) Статья 291 ГПК РСФСР постановляет: «В случае неисполнения предписания судебного исполнителя..., а равно в случае непредставления отзыва лица и учреждения, у коих на службе или на работе находится должник, отвечают перед взыскателем в размере подлежащей удержанию суммы».

Это постановление относится к случаям, когда истец обращает взыскание на заработную плату ответчика, находящегося на службе у госоргана. Госорган обязан в таких случаях дать «по требованию судебного исполнителя в назначенный срок отзыв о том, состоит ли должник у него на службе и какова сумма причитающихся ему в текущем месяце всех видов постоянного довольствия и единовременных выдач» (ст. 288 ГПК). По получении отзыва судебный исполнитель, произведя нужные расчеты, «обязывает давшего отзыв производить удержание соответственной суммы и представлять таковую судебному исполнителю» (ст. 290 ГПК).

За непредставление отзыва в установленный судебным исполнителем срок, которое, разумеется, препятствует обращению взыскания на заработную плату ответчика, ответственность перед истцом-взыскателем в силу ст. 291 ГПК несет госорган. Точно так же госорган несет ответственность перед взыскателем и в том случае, когда отзыв дан, но предписанное судебным исполнителем удержание из зарплаты ответчика не произведено и соответствующие суммы к судебному исполнителю для передачи взыскателю не поступили.

2) Согласно ст. 21 Сводного закона о реквизициях и конфискациях подлежат возмещению госорганом убытки, причиненные незаконной конфискацией имущества. Как уже указано выше, вины должностного лица, производившего конфискацию, для ответственности государства не требуется. Ввиду того, что закон не проводит различия между конфискацией, совершенной в административном порядке, и конфискацией судебной, он относится к обоим видам конфискации.

3) Статья 4 постановления ВЦИК и СНК 16 января 1928 г. устанавливает ответственность «органов власти за убытки, причиненные кооперативной организации неправильными служеб-

ными действиями лиц, нарушивших требования» того же постановления, направленного на ограждение кооперативных организаций от незаконного вмешательства в их деятельность со стороны органов власти. Закон устанавливает существенное ограничение ответственности «органов власти» в этих случаях: государственный орган несет имущественную ответственность лишь при условии, что ответственность подчиненного ему должностного лица будет признана в уголовном или дисциплинарном порядке. Следует, однако, считать в соответствии с приведенной редакцией ст. 4 названного постановления, что здесь речь идет не об обязательном наличии приговора по уголовному делу для того, чтобы мог быть предъявлен иск к органу государственной власти, а о том, что ответственность органа власти ограничена случаями совершения подчиненным ему должностным лицом преступного деяния или дисциплинарного проступка. Но иск к госоргану может быть предъявлен и в суде, рассматривающем уголовное дело должностного лица.

4) Статья 8 Положения о государственных морских лоцманах установила ответственность подлежащего порта «за аварии, причиненные по вине государственных морских лоцманов». Таким образом, в этом случае порт отвечает лишь при наличии вины лоцмана. Ответственность эта ограничена в размере: она не может превышать размеров аварийного фонда по данному порту, образуемого из 10% отчислений от сумм лоцманского сбора.

5) Статья 12 Положения об управлении морскими торговыми портами установила ответственность управления порта за незаконное задержание судна в порту. Вины лица, незаконно задержавшего судно, Положение не требует. Не вводит оно и какого-либо ограничения суммы подлежащих возмещению убытков. Очевидно, должны быть возмещены все убытки, причиненные незаконным задержанием судна.

Из сказанного ясно, что «особые постановления закона» об ответственности государства, изданные в соответствии со ст. 407 ГК, устанавливают различные условия ответственности госорганов. Не всегда одинаковы и размеры этой ответственности. Но при этом несомненно одно: каждое из этих постановлений есть специальный закон, не подлежащий ни распространительному толкованию, ни применению по аналогии. Статья 407 с предельной ясностью говорит об ответственности государственного органа лишь в случаях, установленных «особыми постановлениями закона».

ГЛАВА VIII

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЗА ВРЕД, ПРИЧИНЕННЫЙ ИСТОЧНИКОМ ПОВЫШЕННОЙ ОПАСНОСТИ

§ 1. Понятие деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих

Важнейшим отступлением от принципа вины как необходимой субъективной предпосылки ответственности за противоправно причиненный вред являются ст. 404 ГК РСФСР (и соответствующие статьи ГК других союзных республик). Постановление ст. 404 лежит в основе ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР и ст. 78 Воздушного кодекса СССР.

Статья 404 ГК РСФСР гласит: «Лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, как-то: железные дороги, трамвай, фабрично-заводские предприятия, торговцы горючими материалами, держатели диких животных, лица, возводящие строения и иные сооружения, и т. п. отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие непреодолимой силы, умысла или грубой небрежности самого потерпевшего».

Таким образом, ст. 404 знает лишь два основания к освобождению лиц и предприятий, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности: 1) действие непреодолимой силы и 2) умысел или грубая небрежность потерпевшего.

Закон не знает случаев, когда причинение вреда источником повышенной опасности было бы не противоправно. Равным образом то обстоятельство, что вред, причиненный источником повышенной опасности, не мог быть предотвращен лицом или предприятием, деятельность которого связана с повышенной опасностью для окружающих, не служит основанием к его освобождению от ответственности за этот вред.

Ответственность, предусмотренная ст. 404 ГК, является, как говорят, ответственностью «без вины» или ответственностью «за случай» — за случайно причиненный вред.

Это отступление от одного из основных принципов ответвен-

ности за имущественный вред, по советскому гражданскому праву, требует пояснений.

Что такое деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих? Что такое источник повышенной опасности? Чем обосновывается отступление от принципа вины в постановлении ст. 404 ГК?

М. М. Агарков в Учебнике гражданского права 1938 года характеризовал деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, как те виды человеческой деятельности, которые «сами по себе, ввиду их социального значения и полезности, не могут рассматриваться как виновные действия, но которые вместе с тем вследствие своей опасности для окружающих требуют повышенной бдительности»¹. Почти то же повторено и в учебнике гражданского права 1944 года: «деятельность, связанная с повышенной опасностью для окружающих», характеризуется как деятельность, которая «требует от лиц, приходящих с нею в соприкосновение, особо повышенной осторожности»².

Между тем, если понятно, что повышенной осторожности требуют те виды деятельности, которые повышенно опасны, то прежде всего надо выяснить, в чем заключается повышенная опасность, связанная с такими видами деятельности.

Выражение «повышенная опасность» не должно порождать мысль, будто закон исходит из того, что с определенной опасностью для окружающих связана любая деятельность. Любая деятельность связана с опасностью для окружающих, если она осуществляется без знания дела, без надлежащей осмотрительности. Но в таких случаях — налицо вина, а в ст. 404 дело идет о видах деятельности, которые своими особыми чертами представляют специфическую опасность для окружающих, независимо от субъективного отношения к ним того, кто такой деятельностью занимается.

Повышенная опасность для окружающих связана с теми видами деятельности, в которых пользуются так называемыми источниками повышенной опасности. Под источниками же повышенной опасности понимаются свойства вещей или силы природы, которые при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека, а не подчиняясь полностью контролю, создают высокую степень вероятности причинения вреда жизни и здоровью человека либо материальным благам.

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 402.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, т. I, стр. 337.

Статья 404 ГК РСФСР не содержит исчерпывающего перечня видов деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих. Ее перечень — есть перечень примеров, который дополнен судебной практикой, признавшей деятельностью, связанной с повышенной опасностью для окружающих, также эксплуатацию автомобилей и автобусов, паровых судов, молотилок с механическими двигателями, деятельность каменоломен, погрузочные работы, хотя бы и без применения механических двигателей, деятельность элеваторов, складов артиллерийских снарядов и ряд других.

Исходя из того, что примерный перечень видов деятельности, связанной с пользованием источником повышенной опасности, как будто вносит некоторую неопределенность в практику применения ст. 404 ГК, М. М. Агарков предлагал заменить этот перечень другим — исчерпывающим перечнем видов такой деятельности. В этот перечень, по взгляду М. М. Агаркова, следовало бы включить:

- а) эксплуатацию транспортных средств с применением механической или электрической тяги, фабрично-заводских предприятий, энергетических предприятий и предприятий горной промышленности;
- б) возведение строений и сооружений;
- в) производство лесных работ, а также сельскохозяйственных работ с применением механических или электрических двигателей и машин, приводимых в движение такими двигателями;
- г) производство, хранение и применение взрывчатых, легко воспламеняющихся или ядовитых веществ, а также микробиологических препаратов, представляющих опасность заражения;
- д) содержание диких зверей¹.

Едва ли, однако, целесообразно установление исчерпывающего перечня видов деятельности, связанных с повышенной опасностью для окружающих. Появление новых «источников повышенной опасности» связано с небывало быстрым развитием техники в нашей стране. Небывало быстрое развитие техники есть одна из основ неуклонного роста богатства и мощи нашей страны, неуклонного роста благосостояния граждан. Но с развитием техники связано и появление новых «источников повышенной опасности», поставление на службу человека новых сил природы, требующее от человека и новых усилий для преодоления вредоносных сторон пользования этими силами. Одним из существенных факторов этого преодоления является установленная законом повышенная ответственность за вред, причиненный источником

¹ М. М. Агарков, Обязательства из причинения вреда — «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 1, стр. 68.

повышенной опасности. При таких условиях установление исчерпывающего перечня видов деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих, и оставление за пределами действия статьи, которая заменит в будущем ГК СССР ст. 404 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик, известного числа тех, которые, несомненно, появятся в дальнейшем, — нельзя признать соответствующим задачам развития техники безопасности, как неизменному спутнику развития советской техники вообще.

§ 2. Обоснование повышенной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности

В литературе советского гражданского права выдвигали различные обоснования повышенной ответственности за вред, причиняемый источниками повышенной опасности.

Некоторую эволюцию пережил взгляд, высказанный по этому вопросу М. М. Агарковым.

В статье «Обязательства из причинения вреда» М. М. Агарков объяснял повышенную ответственность владельцев «источников повышенной опасности прежде всего тем, что в случаях причинения вреда источником повышенной опасности истцу не только трудно доказать наличие вины, но еще труднее опровергнуть доказательства, которые ответчик может приводить в свое оправдание»¹. Постановление ст. 404 есть якобы не что иное, как установление законом неопровержимой презумпции вины.

Вместе с тем в виде дополнительного обоснования постановления ст. 404 указывалось, что «деятельность, которая требует особой бдительности от тех, которые с нею так или иначе соприкасаются, требует особой бдительности и от тех, кто ею занимается. Если же требовать повышенной бдительности и осторожности, то область, лежащая между неосторожностью и непреодолимой силой, значительно суживается. Обстоятельства, при которых нет ни неосторожности, ни непреодолимой силы, а есть простой случай, окажутся сравнительно редко»².

В Учебнике гражданского права 1944 года постановлению ст. 404 дано М. М. Агарковым иное обоснование.

Процессуальные соображения, трудность опровержения доводов, приводимых ответчиком в доказательство отсутствия в его действиях вины, отходят на второй план.

На первое место выдвигается указание на то, что если дея-

¹ М. М. Агарков, Обязательства из причинения вреда — «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 1, стр. 67.

² Там же.

тельность, в которой обыкновенно пользуются «источниками повышенной опасности, сама по себе вследствие ее социального значения и полезности не может рассматриваться как виновная», то она «все же требует повышенной бдительности», это и является основанием «для возложения... ответственности не только за вину, но и за случай. Возлагая такую ответственность, закон стимулирует принятие повышенных мер предосторожности»¹.

Нетрудно заметить, что хотя в этих последних положениях М. М. Агарков и отказался от обоснования постановления ст. 404 прежде всего идеей неопровержимой презумпции вины, однако, по существу, повышенная ответственность по ст. 404 остается для него ответственностью за недоказанную вину. От владельца источника повышенной опасности требуется повышенная бдительность. Поэтому и круг виновных действий, которые он может совершить, нарушая предъявляемые к нему требования повышенной бдительности, шире того круга виновных действий, вероятность совершения которых закон учитывает в других сферах деятельности. Отсюда якобы «возложение ответственности не только за вину, но и за случай».

Между тем невозможно представить себе самую мысль о виновном характере деятельности наших предприятий в целом. Деятельность советских социалистических предприятий — это материальная основа мероприятий Советского государства, каждый день приближающих нас к коммунистическому строю. Невозможно считать ее хотя и «не виновной сама по себе», но такой, где виновные действия предполагаются рядовым, повседневным явлением. В то же время не понятно, каким образом ввиду, если можно так выразиться, органически виновного характера деятельности, связанной с использованием источниками повышенной опасности, на тех, кто осуществляет такую деятельность, возлагается и ответственность за действия, невиновность которых могла бы быть доказана, за случай. Внутренняя противоречивость этой мысли так же очевидна. Вместе с тем она окрашена и представлением о некоторой «средней мере» осторожности и бдительности участника гражданского оборота, от которого отправляется буржуазное гражданское право, но которое чуждо советскому праву. В самом деле, по сравнению с чем должна быть «повышенной» бдительность лиц и предприятий, осуществляющих деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих? Верховный суд РСФСР в 1926 году подчеркнул, что «промышленные предприятия вообще должны принимать все меры к ограждению рабочих от возможности увечья» (доклад ГКК Верховного суда

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 337.

РСФСР за 1926 год) ¹. А если это так, то по сравнению с какой мерой бдительности является повышенной бдительность, требуемая от предприятий, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих? Выше уже указано, что среднего масштаба осторожности и бдительности советское гражданское право не знает.

Поэтому понятие «повышенной бдительности» не может объяснить особенностей ответственности по ст. 404.

Неприемлемо обоснование постановления ст. 404 также и идеей профессионального риска, которую отвергал и М. М. Агарков.

Эта идея родилась в условиях капиталистической действительности. Она сводится, по существу, к тому, что извлекающий из своей деятельности высокие выгоды должен нести и «риск», связанный с извлечением выгод, риск, который, как указывают некоторые представители «теории риска», в конечном итоге распределяется между теми, кто пользуется услугами (покупает товары) лиц, осуществляющих деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих.

Но советские социалистические предприятия ищут в своей деятельности не «выгод»: они осуществляют народнохозяйственные планы в интересах увеличения общественного богатства, неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни трудящихся и неуклонного роста оборонной мощи нашей страны. Основной целью их деятельности является построение коммунистического общества.

Нельзя говорить в социалистическом обществе и о переложении предприятием риска на лиц, пользующихся услугами предприятия. «У нас нет на рынке свободной игры цен, как это бывает обычно в капиталистических странах. Мы определяем цены на промтовары. Мы стараемся проводить политику снижения себестоимости и снижения цен на промтовары, стремясь сохранить стабильность цен на продукты сельского хозяйства» ².

Обоснование повышенной ответственности по ст. 404 лежит в установленном выше понятии «источника повышенной опасности».

«Повышенная опасность» заключается в том, что известные свойства вещей, известные силы природы, которыми пользуются в определенных видах деятельности, при достигнутом уровне развития техники не поддаются полностью контролю человека. Максимальная заботливость, возможная при данном уровне развития техники, не в состоянии парализовать известных вредоносных последствий пользования источником повышенной опасности.

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. по 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 116.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 235.

Статистически предвидимый вред непредотвратим в конкретном случае.

Но «нет в мире непознаваемых вещей, а есть только вещи, еще не познанные, которые будут раскрыты и познаны силами науки и практики»¹.

То, что сегодня непредотвратимо, завтра будет предотвратимо. Для того, чтобы оно стало предотвратимо, для того, чтобы советские граждане и советские социалистические предприятия как можно интенсивнее боролись за средства предотвращения связанных с их деятельностью опасностей, закон говорит: предприятие, пользующееся в своей деятельности источником повышенной опасности, отвечает не только за вред, причиненный источником повышенной опасности по вине того, кто им пользуется, но и за вред, который причинен источником повышенной опасности независимо от вины того, кто им пользуется, причинен потому, что пользующийся им не в состоянии предотвратить вред.

Причинитель вреда, отвечающий по общему правилу, за свою вину, отвечает за то, что он не предотвратил вреда, который он мог предотвратить. Тот, кто пользуется в своей деятельности источником повышенной опасности, отвечает в случае причинения вреда источником повышенной опасности не только за то, что не предотвратил вред, который он мог предотвратить, но также и потому, что в соответствующих случаях он, как и никто другой вообще, не может предотвратить вред, и для того, чтобы он с максимальной интенсивностью искал путей предотвращения этого вреда. По ст. 403 причинитель вреда отвечает за предотвратимый, но не предотвращенный вред. По ст. 404 подлежит возмещению также и непредотвратимый при данном развитии техники вред, который должен, однако, стать предотвратимым в дальнейшем. Статья 403 исходит из требуемой правилами социалистического общежития меры заботливости в условиях данного конкретного случая. Статья 404 исходит из требования заботливости в деятельности, из требования заботливости, направленной на создание мер предотвращения статистически предвидимых, но в конкретных условиях, при достигнутом развитии техники, непредотвратимых случаев причинения вреда.

Х. И. Шварц уже указывал, что «мерами уголовного и административного характера можно снизить опасность... предприятий до уровня достигнутой на сегодня техники безопасности. Между тем, задача состоит в том, чтобы всячески стимулировать дальнейшее совершенствование этой техники, дальнейший рост безопасности, и одним из важнейших средств, толкающих предприятие на этот путь, средств, позволяющих контролировать их усилия в этом направлении, является институт возмещения вреда

¹ Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 543.

за повышенную опасность»¹. Но тут же Х. И. Шварц отошел от высказанной им мысли, и различие в основании ответственности по ст. 403 и ст. 404 превратилось для него лишь в различие в мере заботливости, которая требуется от того, кто пользуется источником повышенной опасности, с одной стороны, и от остальных участников гражданского оборота, с другой. Между тем различие — не в мере, а в характере заботливости. Если вред предотвратим, то каждый обязан предотвратить его, раз этот вред может возникнуть из его действий. Тот же, кто пользуется в своей деятельности источником повышенной опасности, обязан и к другому: он обязан изыскивать способы предотвращения еще непредотвратимого в данных условиях вреда. Он должен быть участником великого дела поставления прогрессивнейшей техники на такое служение народам социалистической страны, при котором последовательно устраняются опасные до известного момента стороны пользования этой техникой. Одним из способов стимулирования борьбы за безопасность деятельности наших предприятий является их ответственность по ст. 404 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик.

Изложенное обоснование повышенной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, не может быть безоговорочно отнесено к ответственности граждан, которые также используют иногда в своей деятельности источники повышенной опасности, более всего автомобили. Центр тяжести борьбы за техническую безопасность лежит, разумеется, в работе предприятий. Но в то же время повышенная ответственность личных собственников автомобилей не может не побуждать и их использовать все доступные им средства в борьбе за безопасность автомобильного транспорта.

§ 3. Причинная связь между действием источника повышенной опасности и вредом

Вред, за который несут без вины ответственность лица, осуществляющие деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, есть вред, «причиненный источником повышенной опасности». Между действием источника повышенной опасности и вредом, о возмещении которого идет речь, должна быть причинная связь.

Известно постановление Верховного суда РСФСР от 21 мая 1928 г. по делу о пожаре, происшедшем от искр паровоза, долетевших до деревни, где и возник пожар. Верховный суд РСФСР признал, что «понятие источника повышенной опасности... имеет

¹ Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 48.

в виду железную дорогу в ее качестве средств передвижения, механической силы (например, в случае взрыва и т. д.), а не в смысле способа отопления, никакой повышенной опасности не представляющего»¹.

С этим суждением согласиться невозможно. Разумеется, «способ отопления» дровами или углем сам по себе повышенной опасности не представляет. При ином взгляде пришлось бы объявить связанной с повышенной опасностью деятельность не только каждого ресторана, отапливающего дровами или углем плиты и печи для приготовления пищи, но и деятельность каждой домашней хозяйки, приготовляющей пищу в таких же условиях. Но в деле, рассмотренном Верховным судом РСФСР, вред был причинен именно одной из сторон деятельности железной дороги «в ее качестве средств передвижения», по выражению Верховного суда. Вред был причинен в связи с отоплением паровоза, т. е. в связи с осуществлением одного из условий, без которых дорога не в состоянии действовать «в качестве средств передвижений», без которого паровоз перестает быть источником повышенной опасности².

Наоборот, за отсутствием требуемой причинной связи ст. 404 ГК неприменима в случаях причинения вреда в ходе деятельности предприятия с повышенной опасностью, но не источником повышенной опасности. Так, еще в 1928 году Верховный суд РСФСР указал, что лицо, получившее увечье при ограблении поезда, в котором оно ехало, не может быть признано понесшим вред, причиненный источником повышенной опасности (разъяснение Верховного суда РСФСР 16 января 1928 г., протокол № 22³).

Точно так же Гражданская кассационная коллегия Верховного суда УССР отвергла ответственность железной дороги по ст. 404 перед семьей убитого бандитами дежурного по станции⁴.

Таким образом, вредом, причиненным источником повышенной опасности, следует признать вред, причинно связанный

¹ Постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 15 декабря 1928 г., протокол № 20; Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 101—102.

² Определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу № 36/486 — 1946 г. Мироновой с железной дорогой («Судебная практика Верховного суда СССР» 1946 г., вып. VII, стр. 27—28) позволяет думать, что Судебная коллегия не разделяет точки зрения, выраженной в постановлении Верховного суда РСФСР по делу об ответственности за пожар, вызванный искрой паровоза. В названном определении Судебная коллегия признала возможным регресс к железной дороге со стороны завода, возместившего вред лицу, пострадавшему от пожара, возникшего от искры паровоза.

³ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 103.

⁴ Определение ГКК УССР от 7 мая 1928 г. — «Вестник советской юстиции» 1928 г. № 17, стр. 518.

действием тех особых свойств данной вещи или сил, которые являются источником повышенной опасности, или сил, которые порождаются данной вещью либо приводятся в движение для пользования ею.

§ 4. Лица, ответственные за вред, причиненный источником повышенной опасности

Для ясного представления об условиях действия ст. 404 ГК следует отдать себе отчет в том, кто именно несет ответственность за вред, предусмотренный этой статьей.

Статья 404 говорит о «лицах и предприятиях, осуществляющих деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих».

В юридической литературе и в судебной практике их обыкновенно неточно называют «владельцами источников повышенной опасности». Чаще всего владельцами источника повышенной опасности являются государственные или кооперативные предприятия. Но владельцами источника повышенной опасности являются и государственное учреждение, пользующееся, например, автомобилем, и личный собственник автомобиля.

Если в основе пользования источником повышенной опасности лежит договор аренды (либо, следует думать, ссуды) или подряда, то, по взгляду судебной практики, за вред, причиненный источником повышенной опасности, отвечают солидарно арендатор и арендодатель (ссудополучатель и ссудодатель), подрядчик и заказчик, передавший соответствующую вещь в пользование подрядчику (постановления Пленума Верховного суда РСФСР от 18 мая 1925 г. и от 19 апреля 1926 г.¹).

Возражения, выдвинутые в нашей цивилистической литературе против этого взгляда Верховного суда РСФСР, нельзя не признать обоснованными: закон возлагает ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, на лицо, пользующееся в своей деятельности источником повышенной опасности. Собственник источника повышенной опасности или госорган, в оперативном управлении которого соответствующая вещь состоит, передавший его во владение арендатору или предоставивший пользование им подрядчику, в своей деятельности источником повышенной опасности не пользуется. Следовательно, нет и законных оснований к возложению на него ответственности за вред, причиняемый источником повышенной опасности. В то же время возложение на собственника или на арендодателя-госоргана такой ответственности солидарно с тем, кто пользуется в своей

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 103—104.

деятельности источником повышенной опасности, способно снизить в известной мере интенсивность мероприятий этого последнего лица в борьбе с причинением вреда источником повышенной опасности.

Своеобразно положение, когда вред причинен представляющей источник повышенной опасности машиной МТС, при помощи которой работа производится для колхоза колхозниками. Владелец источника повышенной опасности — МТС. Машина используется в деятельности МТС. Но в то же время нельзя, разумеется, сказать, что она не используется в деятельности колхоза. В нашей литературе указывалось, что посылкой достижения хозяйственной цели колхоза одновременно является и выполнением задач МТС, в случаях, когда машинами МТС производится работа для колхоза, ответственность за причиненный действием этой машины вред должны нести солидарно МТС и колхоз¹.

Однако в постановлении Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. № 9/8/У «О судебной практике по гражданским колхозным делам»² Верховный суд высказал, повидимому, другую точку зрения.

В п. 10 названного постановления Верховный суд указал, что за увечье, причиненное колхознику машинами и двигателями, деятельность которых представляет источник повышенной опасности для окружающих, ответственность причинившего вред перед потерпевшим определяется по ст. 404 ГК РСФСР и возлагается на учреждение, предприятие или организацию, являющиеся владельцем источника повышенной опасности.

Разумеется, в этом указании не содержится общего разъяснения значения термина «владелец источника повышенной опасности». Однако из того обстоятельства, что в предшествующем абзаце того же пункта 10, где речь идет об общих условиях возмещения вреда, понесенного колхозником вследствие увечья, говорится об ответственности колхоза, а в только что приведенном абзаце речь идет об ответственности учреждения, предприятия или организации, являющихся владельцами машин и двигателей, «деятельность которых представляет источник повышенной опасности для окружающих», приходится сделать вывод, что названные учреждения, предприятия и организации противопоставляются колхозу. Он не признается владельцем источника повышенной опасности даже в случае, когда работа производится машинами МТС для него.

В случаях, когда вещь, являющаяся носителем источника повышенной опасности, не применяется по договору с владельцем, а находится на хранении у другого лица, деятельность,

¹ См. М. О. Бару, Возмещение вреда в колхозе — Ученые записки Харьковского юридического института, 1939, стр. 76—77.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1950 г. № 7, стр. 4—5.

связанную с повышенной опасностью для окружающих, осуществляет хранитель. Он и должен быть признан ответственным за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Возможны, однако, случаи, когда вред причинен вещью — носителем источника повышенной опасности, помимо воли владельца вышедшей из его владения, например, вред причинен автомобилем, самовольно увезенным кем-нибудь из гаража государственного предприятия. В таких случаях целесообразно давать различное решение вопроса о лице, ответственном за причиненный вред, в зависимости от наличия или отсутствия в действиях владельца неосторожности (небрежности). В случаях, когда владение утрачено по неосторожности владельца (например, он оставил без присмотра автомобиль на улице), он должен быть признан ответственным за вред солидарно с лицом, самовольно овладевшим вещью. В других случаях утраты владения вещью, являющейся носителем источника повышенной опасности, ответственность за причиненный последним вред должен нести тот, в чьем фактическом обладании вещь состояла в момент причинения вреда.

Никогда не несет по советскому гражданскому праву ответственности перед потерпевшим лицо, в силу трудовых отношений с владельцем непосредственно воздействующее на источник повышенной опасности в момент причинения им вреда: жоматый вагона трамвая, водитель автомобиля и т. п. Это подчеркивает постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., указывая в числе недостатков судебной практики по искам из причинения вреда, что «некоторые суды присуждают возмещение за вред, причиненный источником повышенной опасности (ст. 404 ГК РСФСР и соответствующие статьи ГК других союзных республик) не с владельцев предприятий, машин и двигателей, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, а непосредственно с тех рабочих и служащих, действиями которых причинен вред, что является неправильным».

Но «рабочий и служащий, действиями которого причинен вред», не отвечает перед потерпевшим. Это не значит, что он вовсе не отвечает за вред, причиненный источником повышенной опасности. Наоборот, в тех случаях, когда вред причинен источником повышенной опасности вследствие виновного действия или упущения рабочего или служащего, непосредственно воздействовавшего на источник повышенной опасности, владелец источника повышенной опасности, возместивший вред потерпевшему, вправе взыскать уплаченные им потерпевшему суммы с рабочего или служащего, виновного в причинении вреда. Взыскание производится в пределах, установленных трудовым законодательством (ст. ст. 83—83^б КЗоТ).

Таким образом, вопрос о вине, который исключен в отноше-

ниях владельца источника повышенной опасности с лицом, потерпевшим вред, причиненный источником повышенной опасности, имеет весьма важное значение в отношениях того же владельца источника повышенной опасности с рабочим или служащим, «действиями которого причинен вред». На это также прямо указывает постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.; п. 19 этого постановления гласит: «предприятия, учреждения и организации, обязанные на основании ч. 2 ст. 413 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик к возмещению вреда по вине их работников, вправе переложить материальную ответственность на виновников причинения вреда в порядке ст. 83 КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик, если вред причинен небрежностью в работе, или в порядке ст. 83¹ КЗоТ РСФСР и соответствующих статей КЗоТ других союзных республик, если вред вызван действиями, содержащими признаки деяний, преследуемых в уголовном порядке».

Таким образом, ответственность без вины, установленная в виде исключения ст. 404, тесно сплетена с общим началом ответственности за вину, закрепленным советским правом.

§ 5. Обстоятельства, исключаящие ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности

Лица и предприятия, осуществляющие деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, отвечают за вред, причиненный источником повышенной опасности, независимо от наличия вины причинителя. Это не значит, однако, что ответственность их беспредельна.

Правда, история составления ст. 404 ГК показывает, что авторами проекта ГК РСФСР первоначально мыслилась именно такая «абсолютная» ответственность за вред, причиняемый источником повышенной опасности: ответственность, подчиненная наличию двух условий: 1) вред причинен источником повышенной опасности; 2) между действием, представляющим собою пользование источником повышенной опасности в определенной деятельности, и вредом существует причинная связь.

В проекте Гражданского кодекса, составленном НКЮ, одобренном Комиссией Совета Народных Комиссаров РСФСР и внесенном на рассмотрение 4-й сессии ВЦИК РСФСР IX созыва, нынешней статье 404 соответствовала ст. 400. Эта статья 400 гласила: «лица и предприятия, деятельность которых связана с повышенной опасностью для окружающих, как-то: железные дороги, трамвай, фабрично-заводские предприятия, торговцы горючими материалами, владельцы автомобилей, держатели диких животных, лица, возводящие строения и иные сооружения, и т. п.,

отвечают во всяком случае за вред, причиненный источником повышенной опасности, если не докажут, что вред возник вследствие умысла или грубой небрежности самого потерпевшего».

В окончательной, ныне действующей редакции слов «во всяком случае» нет. Лица и предприятия, деятельность которых сведена с повышенной опасностью для окружающих, освобождаются от ответственности за вред, причиненный источником опасности, если этот вред возник либо вследствие умысла или грубой небрежности самого потерпевшего, как то предусматривала и ст. 400 проекта ГК, либо вследствие действия непреодолимой силы. Об умысле или грубой небрежности потерпевшего как основании освобождения от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, речь идет в главе XI. Здесь надо остановиться на понятии непреодолимой силы и его значении как предела ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности.

Понятие непреодолимой силы было известно различным системам гражданского права капиталистических стран. Но оно никогда не стало в этих системах — ни в сфере договорной, ни в сфере внедоговорной ответственности — вполне отчетливым понятием.

Юридическая литература буржуазных стран не раз выдвигала «теории» непреодолимой силы. Среди многочисленных, высказанных по этому поводу суждений особое влияние приобрели две группы так называемых «теорий непреодолимой силы»: так называемая «субъективная» и противостоящая ей «объективная» теория¹.

Представители «субъективной теории» считают непреодолимой силой такое событие, которого причинитель вреда не мог предотвратить, несмотря на высшую степень старательности, заботливости и предусмотрительности.

«Объективная теория» характеризует непреодолимую силу двумя чертами: непреодолимая сила есть: 1) явление, внешнее по отношению к деятельности предприятия, в сфере которого причинен вред; 2) явление, чрезвычайное по силе действия, стихийное, сопротивление которому человеческими силами невозможно.

Борьба между «теориями» непреодолимой силы ведется в буржуазной юридической литературе в плоскости обычных для нее формально догматических конструкций. Однако она скрывает за собой борьбу различных интересов, связанных с эксплуатацией крупных капиталистических предприятий. Ибо каждая из этих «теорий», устанавливая более или менее узкий круг явлений непреодолимой силы, имеет целью сузить или, наоборот, расширить

¹ «Субъективную теорию» непреодолимой силы обыкновенно связывают с именем германского юриста Гольдшмидта, «объективную» — с именем германского юриста Экснера.

ответственность тех или иных предприятий. Отдельные «теории» служат оправданием ограничения ответственности предпринимателей за вред, причиняемый рабочему или служащему в связи с исполнением им служебных обязанностей. Они используются также для освобождения предприятий от договорной ответственности в случае стачек.

Наряду с классовой борьбой отдельные «теории» непреодолимой силы отражают и борьбу групповых интересов внутри буржуазии: железные дороги заинтересованы в расширении понятия непреодолимой силы, которое расширяет круг случаев, когда железные дороги не отвечают за утрату или повреждение груза, за просрочку в его доставке. Наоборот, промышленный и торговый капитал заинтересован в сужении понятия «непреодолимой силы», ибо такое сужение расширяет сферу ответственности железных дорог.

В первые годы действия ГК РСФСР советские юристы, подчеркивая принципиальную противоположность обязательств из причинения вреда в советском и в буржуазном гражданском праве и совершенно различный смысл понятия непреодолимой силы в СССР и в капиталистических странах, исходили, однако, нередко одни из субъективной, другие из объективной «теории» непреодолимой силы.

Х. И. Шварц, приведя ряд доводов против «субъективной теории» непреодолимой силы, как суживающей ответственность за создание повышенной опасности и, следовательно, не содействующей дальнейшему развитию техники безопасности, объявил себя сторонником «объективной теории», которая, расширяя ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности, «стимулирует дальнейшее снижение исходящих от него опасностей»¹.

Решительным противником понятия «непреодолимая сила», по крайней мере для области договорных отношений, выступил А. В. Венедиктов, который считал это понятие принципиально противоречащим основным началам советского права и предлагал заменить его перечнем исключительных обстоятельств, возникающих вне всякой зависимости от производственно-технических и организационно-хозяйственных дефектов в работе предприятия и освобождающих его от ответственности за причиненный им вред².

Попытку дать новое определение непреодолимой силы, свободное от связи с буржуазными теориями, сделал М. М. Агарков.

В статье «Обязательства из причинения вреда» М. М. Агарков подверг критике «объективную теорию» непреодолимой силы,

¹ Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 51.

² А. В. Венедиктов, Договорная дисциплина в промышленности, изд. Леноблисполкома и Ленсовета, 1935, стр. 63.

указав на то, что конструкция непреодолимой силы как случая, лежащего вне сферы деятельности предприятия, при эксплуатации которого причинен вред, по существу имеет в виду случаи, в которых отсутствует причинная связь между действием источника повышенной опасности и вредом. В таких случаях вред причинен не источником повышенной опасности. Между тем дело идет об основаниях освобождения от ответственности за вред, причиненный именно источником повышенной опасности.

В Учебнике гражданского права 1944 года М. М. Агарков выдвинул возражения уже не только против «объективной», но и против «субъективной теории» непреодолимой силы: советские граждане и организации обязаны использовать все доступные им возможности для предотвращения вреда другому. Вред, который возникает несмотря на использование причинителем вреда всех своих возможностей к его предотвращению, должен быть признан случайным вредом. Но тогда и не остается положений, при которых с точки зрения «субъективной теории» вред должен быть признан следствием действия непреодолимой силы. «Субъективная теория» стирает грань между понятиями случая и непреодолимой силы, а тем самым стирает и различие между ст. ст. 403 и 404 ГК.

Вместе с тем М. М. Агарков предложил новое определение непреодолимой силы: «непреодолимая сила должна рассматриваться как квалифицированный случай... непреодолимой силой следует считать такое событие, которое не может быть предотвращено никакими возможными мерами». При этом М. М. Агарков пояснил, что «если события связаны с повышенной опасностью, специфической для данной деятельности, то квалифицирующий признак следует искать в тех требованиях, которые закон предъявляет к лицам и предприятиям, подпадающим под действие ст. 404 ГК»¹.

Таким образом, высказанные в советской литературе новые взгляды на понятие непреодолимой силы — различны. Тем не менее одна черта сближает все эти взгляды при всем их различии. Все они так или иначе связывают понятие непреодолимой силы с вопросом о вине причинителя вреда. Случай — это причинение вреда, которого причинитель вреда не мог предотвратить. На это указывает ст. 403 ГК советских республик. А непреодолимая сила, говорят нам, это причинение вреда, которого никто не может предотвратить.

Но как об этом уже сказано в гл. V, в определенных жизненных положениях советское гражданское право обязывает гражданина или социалистическую организацию использовать для

¹ «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. II, стр. 404; «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 340—341.

предотвращения вреда все средства, какие вообще могут быть использованы. В таких положениях неиспользование этих средств будет составлять вину. А возникновение вреда, невзирая на их использование, придется признать случаем.

Таким образом, «непредотвратимость никакими мерами» причинения вреда также не позволяет отличить случай от непреодолимой силы, как «субъективная теория» непреодолимой силы.

Именно непредотвратимость вреда никакими мерами и есть то, что сообщает данному свойству вещи, данной силе природы ее свойство источника повышенной опасности. Именно за такой непредотвратимый никакими мерами вред, причиняемый источником повышенной опасности, и отвечает его владелец.

Для разрешения вопроса о сущности непреодолимой силы правильно пойти иным путем, мысль о котором была высказана Д. М. Генкиным¹.

Какие условия нужны для того, чтобы лицо, осуществляющее деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, несло ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности? Эти условия сводятся к двум: 1) вред должен быть причинен в ходе деятельности, осуществляемой с применением источника повышенной опасности; 2) между действием источника повышенной опасности и вредом должна существовать причинная связь. При наличии этих условий о вине или отсутствии вины лица, пользующегося в своей деятельности источником повышенной опасности, нет речи. Основанием его ответственности является причинная связь между действием источника повышенной опасности, используемого для определенной деятельности, и вредом, понесенным потерпевшим. Лица и предприятия, осуществляющие деятельность, связанную с повышенной опасностью, отвечают за всякий вред, связанный причинно-необходимой связью с действием, представляющим собой пользование источником повышенной опасности в ходе соответствующей деятельности. И, наоборот, они не отвечают за тот вред, который лишь причинно-случайно связан с использованием источником повышенной опасности для данного вида деятельности. Такая причинно-случайная связь имеет место чаще всего в тех случаях, когда на применяемый в определенной деятельности источник повышенной опасности воздействует посторонний фактор, который вызывает проявление вредоносных свойств источника повышенной опасности. В этих случаях происходит, как говорят, скрещение двух причинных рядов: 1) посторонний фактор — источник повышенной опасности; 2) источник повышенной опасности — имущество потерпевшего.

¹ А. И. Пергамент, Во Всесоюзном институте юридических наук. Обзор заседаний сектора гражданского права — «Советское государство и право» 1949 г. № 11, стр. 73.

Это и побуждает некоторых юристов говорить о внешнем для предприятия характере события, признаваемого непреодолимой силой, а других — называть непреодолимой силой хотя и не внешнее, но не связанное с деятельностью предприятия событие.

Этот взгляд выражен по существу и в судебной практике. Так, в одном из определений Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда РСФСР сказано: «Добыча угля в шахтах дело не новое, изучено или должно быть изучено в совершенстве, а там, где работа угрожает здоровью и жизни рабочего, не может быть непредвиденного случая (видимо, имеется в виду непреодолимая сила, освобождающая от ответственности шахту как предприятие с повышенной опасностью для окружающих), кроме случаев, происходящих от внешних причин, все остальные должны быть предусмотрены и устранены применением мер, предусмотренных техникой безопасности. Однако, в данном случае имело место внешнее влияние (прорыв глины), но и этот случай не может быть отнесен к непредвиденным случаям (следует читать: к непреодолимой силе) без детального изучения работы данной шахты, точного установления места, где это произошло, и почему при известности наличия пльвунов не были поставлены крепления».

Что означает, по существу, этот ход мыслей? Он означает следующее: специфически опасным условиям работы в шахте («работа угрожает здоровью и жизни рабочего») противопоставляется «внешнее влияние», т. е. фактор, не лежащий в технических особенностях шахты как предприятия с повышенной опасностью, но способный вызывать проявление этих особенностей. Если вред вызван воздействием «внешнего влияния» на источник повышенной опасности, то вред является причинно-случайным результатом деятельности источника повышенной опасности. Он возник вследствие действия непреодолимой силы, и шахта за него ответственности не несет.

Этот ход мысли означает и другое.

В определенных случаях воздействие постороннего фактора на источник повышенной опасности, которого нельзя предвидеть в отдельном конкретном случае, предвидимо вообще на основании опыта. Нет конкретной предвидимости, но есть предвидимость статистическая. И если владелец источника повышенной опасности обязан осуществлять меры, предупреждающие такое воздействие, то неосуществление этих мер по вине владельца источника повышенной опасности исключает возможность ссылаться на действие непреодолимой силы. Владелец источника повышенной опасности будет отвечать за противоправное бездействие, за противоправное неустранение обстоятельства, воздействие которого на источник повышенной опасности вызвало причинение вреда последним.

Иначе говоря, там, где есть вина, недопустима ссылка на непреодолимую силу.

Эта мысль была выражена в судебной практике и раньше: «непреодолимая сила есть понятие относительное... что в одном месте является легко преодолимым... в другом может стать непреодолимым» (из доклада ГКК Верховного суда РСФСР за 1925 г. ¹).

§ 6. Ответственность по ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР и по ст. 78 Воздушного кодекса СССР

Частный случай применения правила, изложенного в ст. 404 ГК, предусмотрен ст. 132 Кодекса торгового мореплавания. Эта статья постановляет: «Перевозчик отвечает за вред, причиненный пассажиру во время и вследствие перевозки, в частности за смерть и повреждение здоровья, если не докажет, что вред произошел вследствие действий непреодолимой силы, либо умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего». Статья 132 помещена в главе Кодекса торгового мореплавания, в разделе, озаглавленном «Договор морской перевозки пассажиров». Поэтому на первый взгляд может показаться, что эта статья есть особый случай договорной ответственности «до пределов непреодолимой силы». Однако судебная практика считает, что эта статья переносит правоотношения, возникающие вследствие причинения смерти или причинения вреда здоровью пассажира морского судна, в область отношений внедоговорных. Статья 132 применяется в сочетании со ст. 414 ГК. В случаях, когда потерпевший пассажир застрахован в порядке социального страхования, ответственность пароходства становится «дополнительной» к ответственности органов социального страхования; пароходство несет ответственность, если понесенный пассажиром, а в случае его смерти — его иждивенцами, вред не покрыт суммой пособия или пенсии, установленной органами социального страхования (см. гл. XIII).

За пределы, установленные ст. 404, расширяет ответственность владельца источника повышенной опасности ст. 78 Воздушного кодекса СССР.

В этой наиболее молодой области транспорта, связанной с особенно многочисленными и грозными опасностями, особенно важно стимулирование изыскания способов борьбы с опасностями. И ст. 78 Воздушного кодекса возлагает на учреждение, предприятие, организацию или лицо, эксплуатирующие гражданское воздушное судно, ответственность за смерть или телесные

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 63.

повреждения, причиненные пассажирам гражданских воздушных судов при стартах, полетах или посадках, а равно и за вред, причиненный лицам и имуществу, не находящемуся на судне, во всех случаях, кроме тех, когда вред произошел вследствие умысла или грубой неосторожности потерпевшего.

Действие непреодолимой силы не служит основанием к освобождению организации, эксплуатирующей гражданское воздушное судно, от ответственности за вред, причиненный в только что указанных случаях.

§ 7. Ответственность за вред, причиненный столкновением средств механизированного транспорта

Особое место занимает вопрос об ответственности за вред, причиненный столкновением средств механизированного транспорта (например, вагон трамвая врезывается в автомобиль или вред понесен каждым из столкнувшихся поездов, судов, автомашин и т. д.).

В юридической литературе не раз возникал вопрос, должна ли в этих случаях применяться ст. 404 или в этих случаях применению подлежит ст. 403: дело идет не о вреде, причиненном «окружающим», а о вреде потерпевшему, который сам обязан принимать все меры ограждения от вредоносных действий не только других, но и самого себя. Ибо вред, причиненный ему, есть почти неизбежно и вред, причиненный другим лицам: пассажирам, грузовладельцам, нередко лицам, находящимся в месте, где произошел несчастный случай, и т. п.

Советское законодательство склоняется к применению в таких случаях принципа вины, выраженного в ст. 403 ГК.

Статьи 156—167 КТМ возлагают ответственность за вред, причиненный одним из столкнувшихся морских судов другому (а равно и за вред, причиненный перевозившемуся на судах имуществу), на то судно, «неправильными действиями или упущениями» которого вызвано столкновение, на судно, «по чьей вине произошло столкновение» (ст. 157). «Если столкновение произошло случайно или произошло вследствие действия непреодолимой силы, а также если есть сомнение относительно причин столкновения, то убытки несет тот, кто их потерпел».

На той же точке зрения стоят и изданные на основании ст. 91 Воздушного кодекса «Правила имущественной ответственности за вред, причиненный находящимся в полете или маневрирующим гражданским воздушным судном другому воздушному судну» (приказ по Гражданскому воздушному флоту 21 октября 1937 г. № 1045).

Правила обнимают случаи: а) столкновения воздушных судов, находящихся в полете или движущихся на поверхности земли

или воды, и б) причинения летающим или маневрирующим воздушным судном вреда другому летающему или маневрирующему воздушному судну, хотя бы не было столкновения.

Статья 4 Правил определяет: «Если ущерб причинен случайно и не является следствием неправильных действий какой-либо из сторон, то каждая сторона несет свой ущерб и ни одна из сторон не имеет права требования к другой стороне».

Статья 2 Правил постановляет: «Если ущерб возник вследствие неправильных действий или упущения одной из сторон, то ущерб возмещается в полном объеме этой стороной».

Статья 3 говорит о разложении ущерба при наличии неправильных действий или упущений обеих сторон.

В судебной практике до сего времени не выдвинуты какие-нибудь принципиальные положения по данному вопросу.

СПбГУ

**ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ЛИЦ,
СОВМЕСТНО ПРИЧИНИВШИХ ВРЕД****§ 1. Понятие совместного причинения вреда**

Выше уже указано, что вред, как и всякое иное явление, возникает в результате действия не одного, а множества факторов. В частности, вред может быть причинно-необходимо обусловлен противоправным действием не одного, а нескольких лиц. По терминологии ГК, вред является в таких случаях «причиненным совместными действиями» нескольких лиц. «Лица, совместно причинившие вред, отвечают перед потерпевшим солидарно» (ст. 408 ГК).

Солитарная ответственность лиц, совместно причинивших вред, наилучшим образом обеспечивает интересы потерпевшего, который не мог бы в этих случаях разделить свое требование о возмещении вреда и предъявить его в соответствующем размере к каждому из причинителей вреда. В то же время такой порядок ответственности исключает и попытки одного из совместных причинителей вреда переложить ответственность перед потерпевшим на другого.

С полной определенностью указывает иногда судебная практика на то, что не всякое участие в действиях, приведших к возникновению вреда, является совместным причинением вреда.

Так, в определении по делу, в котором два лица — Косенков и Якушин — обвинялись в присвоении колхозного зерна, сданного им колхозом для просушки, а их жены, пересыпавшие зерно в мешки и сложившие его в клеть, привлекались к ответственности как пособники. Судебная коллегия по уголовным делам Верховного суда СССР указала: «То обстоятельство, что просушенное зерно Косенкова и Якушина по предложению своих мужей пересыпали в мешки и сложили в клеть, не может служить основанием для признания Косенковой и Якушиной виновными в соучастии, так как эти действия ни в какой мере не способствовали несдаче Косенковым и Якушиным полученного ими зерна, которое они обязаны были сдать независимо от того, находилось ли оно в мешках или таре, в доме или в клетях»¹.

¹ Цит. по учебнику «Уголовное право», Общая часть, 1948, стр. 410.

В то же время вред может быть причинен совместными действиями двух или нескольких лиц, действовавших одно независимо от другого. В постановлении совещания членов ГКК Верховного суда РСФСР от 4 февраля 1927 г. указано: «Если вред вызван хотя бы и самостоятельными действиями разных лиц, но между этими действиями имеется взаимная причинная связь в том смысле, что последствием совокупности этих действий явился данный вред... то во всех этих случаях эти лица ответственны перед потерпевшим солидарно»¹.

Однако иногда высказывается в судебной практике другой взгляд.

В постановлении от 19 июля 1926 г. Пленум Верховного суда РСФСР указал, что «участники преступления могут и должны солидарно отвечать за вред, причиненный потерпевшему, в полном объеме лишь в случаях, когда они признаны участниками этого преступления»² (разрядка моя. — Е. Ф.).

С этим взглядом согласился М. М. Агарков³.

Между тем есть случаи, в которых действия лиц, причинивших вред, признаются в соответствии с уголовным законом не одним, а несколькими преступлениями, и тем не менее вред причинен совместно, значит, лица, причинившие этот вред, должны нести солидарную ответственность за него.

По УК РСФСР и УК других союзных республик соучастие необходимо предполагает умышленную деятельность преступников. В тех случаях, когда преступлением являются действия неосторожные, соучастия нет. Каждое из лиц, совершивших преступление по неосторожности, несет уголовную ответственность за совершенное им преступление независимо от других лиц, как бы его преступление ни было объективно связано с преступлениями других лиц⁴. Между тем вред может быть последствием «совокупности» этих преступлений, по выражению ГКК Верховного суда РСФСР. Иначе говоря, эти преступления могут быть действиями, находящимися в причинной связи с определенным вредом как их нераздельным результатом.

Стрелочник, который по невнимательному отношению к исполнению своих служебных обязанностей, не переведя стрелки, направляет поезд на путь, занятый другим составом, и машинист, который, не замечая ошибки стрелочника, ведет поезд на этот путь, отвечают каждый отдельно за неосторожное общественно-

¹ «Судебная практика РСФСР» 1927 г. № 7, стр. 21.

² Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 109.

³ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 343.

⁴ См. «Уголовное право», учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов, 1948, стр. 400.

опасное действие, за нарушение трудовой дисциплины на транспорте. Однако вред, выразившийся в крушении поезда, причинен ими совместно.

Таким образом, уголовно-правовая квалификация действий, причинивших вред, не может сама по себе иметь определяющего значения при разрешении вопроса, наличествует ли в том или ином случае совместное причинение вреда.

Из сказанного видно, что для признания вреда причиненным совместными действиями нескольких лиц, не требуется, чтобы эти лица причинили вред одновременными действиями, чтобы их действия были объединены целью, на которую эти действия направлены, не требуется даже, чтобы одно из лиц, причиняющих вред совместно с другим или другими лицами, знало о действиях других.

Так, еще в 1925 году ГКК Верховного суда УССР указала: «понятие совместного причинения вреда предполагает, что вред был общим результатом нескольких действий или упущений, но не обязательна только наличность действий нескольких соучастников, объединенных общностью цели или единством действий»¹.

Нет совместного причинения вреда в случаях совершения двумя или несколькими лицами противоправных действий, направленных на одно и то же материальное или нематериальное благо и причинно обусловивших однородный, но не единый, нераздельный вред. Так, в определении от 17 февраля 1925 г. ГКК РСФСР правильно отвергла солидарную ответственность крестьян, произведших самовольный покос на различных участках закрепленного за другими лицами луга². Правильно указано и в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 21 мая 1928 г., что не несут солидарной ответственности владельцы скота, произведшего потраву в разных местах закрепленного за потерпевшим земельного участка³.

Подводя итоги сказанному, следует признать, что вопрос о наличии или отсутствии совместного причинения вреда есть вопрос причинной связи между противоправными вредоносными действиями нескольких лиц и последовавшим за этими действиями вредом. Если противоправные действия нескольких лиц в совокупности причинно обусловили вред как некоторое нераздельное целое, то налицо совместное причинение вреда. Если причинная связь между действиями нескольких лиц и вредом как нераздельным результатом этих действий отсутствует, нет места и солидарной ответственности за вред.

¹ «Вестник советской юстиции» 1926 г. № 1, стр. 47.

² «Определения Гражданской кассационной коллегии Верховного суда РСФСР» 1925 г. № 31.

³ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 110.

§ 2. Субъективные условия солидарной ответственности за совместно причиненный вред

Лица, совместно причинившие вред, отвечают за этот вред солидарно. Понятно, однако, что солидарная ответственность за совместно причиненный вред предполагает, по общему правилу, и наличие вины в действиях каждого из лиц, совместно причинивших вред. В тех случаях, когда по закону наличия вины не требуется для ответственности за вред, причиненный одним лицом, ее не требуется и для ответственности за вред, причиненный им совместно с другими лицами.

Поэтому возможно и положение, при котором одно из лиц, совместно причинивших вред, не будет нести ответственности за этот вред, в то время как другое будет за него отвечать, ибо, причиняя вред, одно из этих лиц действовало невиновно, а другое — виновно или подлежит ответственности и без вины. Таков результат того, что субъективные основания ответственности одинаковы как в случаях причинения вреда противоправным действием одного лица, так и в случаях совместного причинения вреда противоправными действиями нескольких лиц.

Ясно выражено это положение в ст. ст. 157—159 Кодекса торгового мореплавания СССР. Согласно ст. 157 морское судно, без вины вызвавшее столкновение с другим судном, не несет ответственности ни за вред, причиненный этим столкновением другому судну, ни за вред, причиненный тем же столкновением третьим лицам. Согласно ст. ст. 158 и 159 все виновные в столкновении суда отвечают перед третьими лицами за вызванный столкновением вред «соразмерно степени вины». Однако, если столкновение вызвало смерть или повреждение здоровья человека, виновные в столкновении суда отвечают солидарно перед иждивенцами умершего или перед тем, чье здоровье повреждено. Невиновные в столкновении суда ответственности не несут, хотя столкновение вызвано их действиями совместно с виновными действиями других судов.

Таким образом, ответственность за вред, причиненный совместными действиями, основывается не только на наличии причинной связи между совместными действиями и нераздельно причиненным этими действиями вредом, но и на наличии вины каждого из причинителей вреда.

В тех случаях, когда согласно закону наличия вины для ответственности за вред не требуется при причинении его одним лицом, ответственность за вред возникает «без вины» и в случаях причинения вреда тем же лицом совместно с другими лицами. Так, например, за вред, причиненный пассажирам столкновением поезда и вагона трамвая, или за вред, причиненный пассажирам

трамвая столкновением вагона с автомобилем, отвечают солидарно владельцы того и другого источника повышенной опасности независимо от наличия в их действиях вины.

Из сказанного выше об ответственности за вред, причиненный столкновением морских судов, видно, что начало солидарной ответственности за совместно причиненный вред терпит иногда изъятия. Согласно ст. 159 Кодекса торгового мореплавания СССР столкнувшиеся по вине каждого из них морские суда отвечают за вред, причиненный имуществу третьих лиц, например, собственников грузов, перевозившихся на судах, «по соразмерности, но без солидарной ответственности». При этом «соразмерность» ответственности согласно ст. 158 того же Кодекса определяется соразмерностью степени вины. Если же «по обстоятельствам дела эта соразмерность не может быть установлена или если степень вины представляется равнозначной, то ответственность распределяется в равных долях».

§ 3. Вопрос о праве регресса лица, возместившего вред, причиненный им совместно с другими лицами

Солидарная ответственность за совместно причиненный вред ставит и вопрос о внутренних отношениях между лицами, несущими такую ответственность, после возмещения вреда потерпевшему одним из этих лиц.

Судебная практика не дает образцов разрешения этого вопроса. Некоторый вывод о взгляде Верховного суда СССР на этот вопрос позволяет, однако, сделать практика Верховного суда по делам об ответственности родителей за вред, причиненный несовершеннолетними.

В определениях по делам № 429—1947 г.¹ часовой мастерской Ювелирторга с Митрофановым и № 71—1948 г. Высоцкой с Тарасовым и Андриановым² Судебная коллегия указала, что в случаях совместного причинения вреда несколькими несовершеннолетними родители каждого из них отвечают солидарно (после постановления Пленума Верховного суда СССР от 3 марта 1950 г. — субсидиарно) с ними за часть вреда, приходящегося на его долю, но не солидарно с остальными несовершеннолетними за весь вред. Таким образом, Судебная коллегия исходила из распределения суммы возмещаемого вреда между лицами, совместно причинившими вред, и, очевидно, допускала регресс того из них, кто полностью возместил вред потерпевшему.

Эта практика закреплена постановлением Пленума Верховного суда СССР от 3 марта 1950 г., где сказано: «В случае при-

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1947 г., вып. VII, стр. 6.

² «Судебная практика Верховного суда СССР» 1948 г., вып. IV, стр. 17.

чинения вреда совместными действиями нескольких несовершеннолетних, ответственность их родителей или опекунов (попечителей) перед потерпевшим должна определяться по принципу долевой ответственности». Очевидно, что такая долевая ответственность родителей возможна только, если ответственность распределяется по долям и во внутренних отношениях между несовершеннолетними, совместно причинившими вред. Невозможно, однако, признать право на такой регресс лица, причинившего вред преступным действием, к лицу, совместно с ним причинившему вред ненаказуемым действием.

СПбГУ

ГЛАВА X

ОТВЕТСТВЕННОСТЬ ПО СТ. 406 ГК РСФСР

Общее положение об ответственности за внедоговорный вред установлено ст. 403 ГК РСФСР. Статья 404 определяет условия ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности. Статья 405 регулирует возмещение вреда, причиненного недееспособными или несовершеннолетними. Статья 406 устанавливает исключение из правил, выраженных в только что указанных статьях ГК: «в тех случаях, когда согласно ст. ст. 403—405 причинивший вред не обязан к его возмещению, суд, однако, может его обязать возместить вред в зависимости от его имущественного положения и имущественного положения потерпевшего».

Для применения ст. 406 нужны два условия:

- 1) причинная связь между действием лица, к которому предъявлено требование о возмещении вреда, или между действием того, за кого это лицо отвечает, и вредом: «без этого, — как указано в докладе о работе ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 г., — применение ст. 406 вообще не имеет разумного смысла»;
- 2) настолько значительное различие в имущественном положении лица, к которому предъявлено требование о возмещении вреда, и потерпевшего, что представляется несправедливым возлагать на потерпевшего несение причиненного ему вреда.

При наличии этих двух условий суд вправе возложить на лицо, к которому предъявлено требование о возмещении вреда, обязанность возместить вред, хотя бы по правилам ст. 403—405 это лицо должно было быть освобождено от возмещения вреда.

В частности, суд вправе возложить возмещение вреда на лицо, причинившее вред правомерным действием: осуществлением права, действием, совершенным в состоянии крайней необходимости. В отступление от общего правила ст. 403 возмещение вреда может быть возложено на лицо, причинившее вред противоправным действием, но без вины. В отступление от ст. 404 владелец источника повышенной опасности может быть признан обязанным возместить вред, причиненный источником повышенной опасности вследствие действия непреодолимой силы. Возмещение вреда может быть присуждено потерпевшему, несмотря на то, что его поведение согласно ст. ст. 403 или 404 должно было бы служить основанием к освобождению причинителя от ответственности за вред.

Включение в ГК РСФСР ст. 406 обосновывалось существованием в нашей стране в момент издания гражданских кодексов нетрудовых элементов.

В 1926 году Верховный суд РСФСР разъяснил, что ст. 406 неприменима к делам граждан с ответчиками-госорганами, «так как государство, обеспечивающее трудящихся через специальные органы социального обеспечения, не должно быть привлекаемо в лице других своих органов к выполнению этой же функции. Применение же ст. 406 к госорганам-ответчикам означает сплошное возложение на государство ответственности за ущерб, так как государство всегда имущественно сильнее отдельных трудящихся» (доклад о работе ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 год).

Последнее соображение устраняет применение ст. 406 и в тех случаях, когда ответчиком по иску гражданина является не государственный орган, а другая социалистическая организация.

Имущественное же положение различных социалистических организаций несопоставимо: средства каждой организации определяются ее уставом, планами ее деятельности, правилами о распределении ее доходов.

Таким образом, в настоящее время ст. 406 могла бы применяться лишь в делах о возмещении вреда, возникающих между гражданами, но с окончательной победой социализма в нашей стране и ликвидацией нетрудовых элементов, с закреплением Сталинской Конституцией за гражданами права на труд, в условиях неуклонного роста материального и культурного уровня жизни граждан существенные различия в имущественном положении граждан стираются.

Поэтому ст. 406 почти не находит себе применения в практике судов.

ГЛАВА XI

ЗНАЧЕНИЕ УМЫСЛА ИЛИ ГРУБОЙ НЕОСТОРОЖНОСТИ (НЕБРЕЖНОСТИ) ПОТЕРПЕВШЕГО

§ 1. Общие положения

Статья 403 ГК РСФСР говорит, что причинивший вред освобождается от обязанности возместить этот вред не только в случаях, когда он докажет, что был уполномочен на причинение вреда, либо не мог его предотвратить, но и в случаях, когда «вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего».

Статья 404 ГК говорит, что лицо, деятельность которого связана с повышенной опасностью для окружающих, освобождается от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, если докажет, что «вред возник вследствие умысла или грубой небрежности самого потерпевшего».

Точно так же ст. 132 КТМ постановляет: перевозчик отвечает за вред, причиненный пассажиру во время и вследствие перевозки, в частности, за смерть и повреждение здоровья, если не докажет, что вред произошел от действия непреодолимой силы либо вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего.

По ст. 78 Воздушного кодекса воздушный перевозчик не несет предусмотренной этой статьей ответственности (см. выше, гл. VIII), если докажет, «что вред произошел вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего».

Судебная практика и почти все советские цивилисты, высказавшиеся по этому вопросу в литературе, считают выражения «грубая неосторожность» в ст. 403 ГК и названных статьях КТМ и Воздушного кодекса и «грубая небрежность» в ст. 404 ГК тождественными по содержанию.

Исходя из ст. 10 УК РСФСР, небрежность следует признать видом неосторожности. Другим видом неосторожности является самонадеянность. Обосновать неприменение только что приведенного постановления ст. 404 в случаях, когда потерпевший допустил не небрежность, как ее понимает ст. 10 УК, а самонадеянность, невозможно.

Поэтому отождествление понятий неосторожности в ст. 403 ГК и других названных выше статьях и небрежности в ст. 404 ГК следует считать правильным. Во всех этих статьях речь идет об

умысле и о неосторожности потерпевшего, проявившейся в любой из ее двух форм.

При этом все эти статьи предполагают грубую неосторожность потерпевшего. Легкая неосторожность потерпевшего не влияет на последствия причинения ему вреда. Этот вред должен быть полностью возмещен лицом, ответственным за вред.

Понятно, что все эти статьи имеют в виду не те случаи, когда потерпевший причиняет вред самому себе. Глава XIII ГК говорит «об обязательствах, возникших вследствие причинения вреда другому». За вред, причиненный самому себе, никто ответственности не несет. Об этом не было бы надобности упоминать в законе.

Статьи 403 и 404¹ имеют в виду случаи, когда вред является нераздельным результатом как действий причинителя вреда, так и умышленных или грубо неосторожных действий потерпевшего.

На это указывает самая редакция ст. ст. 403 и 404. Статья 403 говорит, что причинивший вред освобождается от его возмещения, если он докажет, что вред возник вследствие умысла или грубой неосторожности самого потерпевшего. По ст. 404 лицо, осуществляющее деятельность, связанную с повышенной опасностью для окружающих, освобождается от ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности, если докажет, что вред возник вследствие умысла или грубой небрежности самого потерпевшего.

В обеих статьях дело идет о случаях, когда потерпевший умышленными или грубо неосторожными действиями содействовал возникновению вреда, либо, следует думать, его увеличению.

Именно потому, что действия потерпевшего были умышленными или грубо неосторожными, закон возлагает на него последствия, явившиеся нераздельным результатом этих действий и действий причинителя вреда.

Так, в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу № 36/26 Маркарашвили с управлением железной дороги Судебная коллегия Верховного суда СССР указала, что для признания «смешанной ответственности» необходимо установление того, что «причиной несчастного случая с истцом являлась также и его вина».

В определении № 36/496—1949 г. по делу Борцова с Шахтоуправлением Судебная коллегия подчеркнула: «по заключению технического эксперта обвал породы в шахте может произойти от ряда причин... Поэтому сам по себе факт производства Борцовым работ в неочищенном забое еще не говорит за то, что это об-

¹ Сказанное в дальнейшем о ст. ст. 403 и 404 ГК относится и к упомянутым статьям Кодекса торгового мореплавания СССР и Воздушного кодекса СССР

стоятельство и было причиной несчастного случая».

В более раннем определении по делу Крейца с потребительской кооперативной организацией «Цепавшири»¹ Судебная коллегия отметила, что «из материалов дела видно, что Крейц со своей стороны сделал упущение», приведшее в сочетании с определенными действиями ответчика к несчастному случаю.

В литературе иногда говорили о неполноте постановлений ст. ст. 403 и 404 ГК: предусматривая случаи освобождения от ответственности за вред ввиду определенного поведения потерпевшего, они якобы не предусматривают уменьшения возмещения вреда в связи с тем или иным поведением потерпевшего. Можно думать, что на этой точке зрения стояла и ГКК Верховного суда РСФСР, когда в докладе о работе 1926 года указала: «принцип смешанной ответственности не упоминается в нашем законе. Ст. ст. 403 и 404 либо возлагают на причинителя вреда обязанность возместить причиненный ущерб, либо же при наличии определенных условий освобождают его от этой ответственности».

Однако в литературе был высказан и другой взгляд, который представляется более правильным.

Статьи 403 и 404 исходят из случаев, наиболее часто встречающихся в действительности: из случаев, когда вред является причинно-необходимым результатом противоправного действия, совершенного причинителем вреда по неосторожности, либо причинно-необходимым результатом действия источника повышенной опасности. Если при этом возникновению вреда или его увеличению содействует умышленное или грубо неосторожное поведение потерпевшего, есть все основания возложить на него последствия таких действий. Не может быть обосновано возложение на железную дорогу ответственности за смерть человека, бросившегося под поезд или продолжающего идти по полотну железной дороги, невзирая на приближение поезда. В тех случаях, когда потерпевший допускает не грубую, а легкую, или, иначе, простую неосторожность, вред согласно ст. ст. 403 и 404 ГК должен быть ему возмещен полностью.

М. М. Агарков правильно указывал, что «закон... не считает возможным применять к потерпевшему ту же меру, что к причинившему вред... по общему правилу он находится в менее благоприятных условиях для проявления надлежащей осмотрительности, чем причинивший вред»².

В тех же относительно редких случаях, когда вред является нераздельным результатом умышленных или грубо неосторожных

¹ «Советская юстиция» 1939 г. № 15—16, стр. 71—72.

² «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 345.

действий как причинителя вреда, так и потерпевшего, закон предоставляет суду разрешать вопрос о распределении между сторонами последствий вреда. На целесообразность распределения вреда в указанных случаях и опиралась ГКК Верховного суда РСФСР, вводя принцип «смешанной ответственности», который представлялся ей, однако, не выводом из толкования, а восполнением закона.

Верховный суд РСФСР признал, что «во многих случаях было бы совершенно неправильно возложить ответственность за причиненный вред полностью на причинителя ущерба, в иных случаях не менее ошибочным было бы полное освобождение его от этой ответственности. Особые затруднения в практике судов возникали в тех случаях, когда наряду с наличием грубой небрежности потерпевшего налицо имелась не менее грубая небрежность, халатность и т. п. со стороны причинителя ущерба».

Ввиду этого, «поскольку причиненный ущерб является результатом неправильных, неосторожных или небрежных действий как причинителя вреда, так и потерпевшего, постольку ответственность за этот ущерб должна быть «смешанной», т. е. она может быть возложена в равной или в той или иной мере и на причинителя вреда и на потерпевшего» (доклад ГКК Верховного суда РСФСР, 1926 г.)¹.

Пункт 12 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. уже прямо исходит из «принципа смешанной ответственности». Он говорит, что когда по обстоятельствам дела будет установлено, что вред возник не только в результате неправильных действий причинившего вред, но и вследствие грубой небрежности или грубой неосторожности самого потерпевшего, «суд может, исходя из принципа смешанной ответственности, возложить на причинившего вред обязанность частичного возмещения вреда в соответствии со степенью вины каждой из сторон».

В нашей юридической литературе не раз выдвигались возражения против термина «смешанная ответственность»².

Действительно, трудно представить себе «смешение» ответственности. Ведь понесший вред вообще за него ни при каких обстоятельствах не отвечает. Выше уже указано, что отвечать можно за вред, причиненный другому, но не за понесенный вред.

Также малоудачно и употребляемое иногда выражение «смешанная вина». Вина есть субъективное отношение причинителя вреда к противоправному действию, которое он совершает.

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 98.

² См. «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 344; М. М. Агарков, «Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда», «Советское государство и право» 1940 г. № 3, стр. 72.

Понятно, что вина одного лица не может «смешиваться» с виной другого.

Лучше всего было бы говорить о влиянии умысла или грубой неосторожности потерпевшего на размер возмещаемого ему вреда или об уменьшении размера возмещения в связи с наличием умысла или грубой неосторожности потерпевшего.

Тем не менее нельзя не признать, что термин «смешанная ответственность» прочно вошел в нашу судебную практику и нередко встречается в литературе. Не менее часто в нашей литературе употребляется выражение «зачет вины потерпевшего»¹.

§ 2. Понятие вины потерпевшего

Первый вопрос, который выдвигают в связи с понятием «вина потерпевшего», это вопрос о том, тождественно ли понятие вины потерпевшего с понятием вины причинителя вреда.

Надо прямо сказать: в такой постановке вопрос не совсем понятен.

Определение умысла и неосторожности дано ст. ст. 9 и 10 УК РСФСР и соответствующими статьями УК других союзных республик.

Ст. ст. 9 и 10 УК получают соответственное применение и в гражданском праве. Говорить о разном в разных случаях значении слов «умысел» и «неосторожность» невозможно.

Но для обоснования ответственности лица, причинившего вред, понятия «умысел» и «неосторожность» неразрывно связываются с понятием противоправности действия, которым этот вред причинен (см. гл. III). Для того, чтобы действие, которым причинен вред, служило основанием обязанности возместить причинно связанный с ним вред, прежде всего нужно, если нет иного специального постановления закона, чтобы это действие было противоправным. Если действие не противоправно, то хотя бы им и был причинен вред другому, нет надобности ставить вопрос о его виновном или невиновном характере.

В то же время субъективное отношение человека к своим действиям, соответствующее понятиям умысел и неосторожность, возможно и в отношении действий правомерных.

Очевидно, что и правомерное действие можно совершить, предвидя его последствия и желая либо допуская их наступление. Очевидно, что и правомерное действие может быть совер-

¹ См. М. М. Агарков, назв. статья — «Советское государство и право» 1940 г. № 3, стр. 70.

шено без учета возникающих из него последствий. В соответствии с этим вопрос о тождестве понятий вины причинителя вреда и вины потерпевшего есть не что иное, как вопрос о том, предполагает ли закон, что умышленное или неосторожное действие потерпевшего, подлежащее учету при определении размера присуждаемого ему судом возмещения вреда, необходимо является также и действием противоправным или, наоборот, можно думать, что на размер присуждаемого потерпевшему возмещения должно влиять также и такое умышленное или грубо неосторожное действие потерпевшего, которое противоправным не является.

На этот вопрос М. М. Агарков в Учебнике гражданского права 1944 года ответил: «В понятие вины потерпевшего судебная практика вкладывает то же содержание, что и в понятие вины причинившего вред»¹.

В статье, специально посвященной вопросу о вине потерпевшего в обязательствах из причинения вреда, М. М. Агарков еще определеннее указывает:

«Вина потерпевшего так же, как и вина причинителя, является противоправным поведением» (следовало сказать: «проявляется в противоправном поведении»). В обоснование этого утверждения М. М. Агарков указывает: «Умысел или грубая неосторожность потерпевшего лишает его полностью или частично права на возмещение от причинителя ущерба. Устанавливая подобное невыгодное последствие, право санкционирует определенное правило, регулирующее поведение граждан.

Ст. ст. 403 и 404 дают основание сказать, что каждый должен воздерживаться от того, чтобы содействовать наступлению или увеличению вреда, который ему причиняет другой»².

С этим взглядом согласиться нельзя.

Ибо если постановления ст. ст. 403 и 404 о вине потерпевшего дают несомненное основание сказать, что «каждый должен воздерживаться от того, чтобы содействовать наступлению или увеличению вреда, который ему причиняет другой», то это не значит, что те же постановления дают основание утверждать, будто каждый должен воздерживаться от содействия только противоправными действиями наступлению или увеличению вреда, который ему причиняет другой.

Подобно М. М. Агаркову, Б. С. Антимонов также считает, что вина потерпевшего, «как и вина причинителя вины, является противоправным поведением». «От вины причинителя вину потерпевшего отличает отсутствие специфического признака— нарушение

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 344.

² «Советское государство и право» 1940 г. № 3, стр. 73.

ния им обеспеченного чужого права, блага или защищенного интереса другого лица»¹.

Но при этом противоправным поведением причинителя может быть, по взгляду Б. С. Антимонова, не только поведение, противное закону, но и поведение, противное правилам социалистического общежития.

Ввиду того, что правила социалистического общежития не являются правилами права, невозможно согласиться с формулировкой, которую Б. С. Антимонов дает своему взгляду. Но по существу его взгляд правилен: вина потерпевшего может проявиться как в действии противоправном, т. е. противном закону, так и в действии, противном правилам социалистического общежития.

Выше уже сказано, что закон, по общему правилу, не определяет содержания тех отдельных действий, в которых может выражаться осуществление субъективного права.

Содержание этих действий обыкновенно определяется правилами социалистического общежития. Одним из основных предписаний правил социалистического общежития является бережное отношение к тем благам, пользование которыми закрепляется нормой права. Ибо если возможность совершения известных действий, направленных на то или иное благо, закреплена за тем или иным лицом нормой советского права, то это значит, что социалистическое государство и общество заинтересованы в нормальном осуществлении таких действий, в нормальном пользовании данного рода благами. А значит, бережно относиться к такому благу, не умалять его должны не только другие, но и сам обладатель блага, носитель соответствующего субъективного права.

И, следовательно, для того, чтобы правовыми средствами содействовать сохранению таких благ, недостаточно установить и применять меры воздействия на правонарушителей, но надо установить невыгодные последствия и для носителей соответствующих прав и благ, которые своим поведением способствуют уничтожению или повреждению этих благ.

Таким образом, следует думать, что когда ст. 403 говорит об умысле или о грубой неосторожности, а ст. 404 — об умысле или грубой небрежности потерпевшего, они имеют в виду умышленное или неосторожное совершение потерпевшим как действий противоправных, так и действий, противных правилам социалистического общежития.

Таковыми действиями являются любые действия, свидетельствующие об игнорировании потерпевшим условий пользования

¹ Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, Юриздат, 1950, стр. 123.

соответствующим благом, соблюдение которых признается необходимым с точки зрения правил социалистического общежития.

Понятно, что и здесь при разрешении вопроса о наличии в действиях потерпевшего грубой неосторожности нельзя руководствоваться представлением о «среднем человеке», а надо руководствоваться дифференцированными представлениями об уровне знаний и широте и разнообразии жизненного опыта отдельных категорий граждан нашей страны.

Но во всех случаях, когда гражданин умышленно или по грубой небрежности игнорировал обстоятельства, внимательного отношения к которым в данных условиях требуют правила социалистического общежития, и тем содействовал возникновению или увеличению вреда, причинно обусловленного действиями другого лица, «вина» потерпевшего должна быть учтена судом.

Этого требует задача укрепления при помощи обязательств из причинения вреда как социалистической законности, так и бережного отношения к материальным и нематериальным благам советского социалистического общества и советских граждан.

На этой точке зрения стоит и судебная практика.

Внимательный анализ судебной практики показывает, что вопрос об умысле потерпевшего возникает редко. Вопрос о вине потерпевшего предстает обыкновенно в форме вопроса о последствиях грубой неосторожности потерпевшего. При этом соответствующие дела чаще всего возникают в связи с причинением вреда источником повышенной опасности на предприятии, с которым потерпевший состоит в трудовых отношениях.

На наших предприятиях действует настолько развитая сеть правил технической безопасности, что грубо неосторожное действие потерпевшего чаще всего оказывается нарушением этих правил, т. е. действием противоправным.

Однако судебная практика, признавая наличие вины потерпевшего, не подчеркивает противоправного характера его действий. Наоборот, в целом ряде случаев она называет соответствующее правило технической безопасности лишь для того, чтобы была очевидна грубая небрежность потерпевшего. Она говорит: «тебя предупредили, а ты все же совершил действие, о вредности которого тебя предупредили».

Но чаще всего вопрос о наличии или отсутствии в действиях потерпевшего грубой неосторожности решается вне всякой связи с вопросом о нарушении или ненарушении им каких бы то ни было правовых правил.

Так, в определениях по делу № 36/26—1949 г. Маркарашвили с железной дорогой, по делу № 36/496—1949 г. Борцова с Шахтоуправлением Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР обсуждала вопрос о том, проявил ли потерпевший осмотрительность, к которой его обязывали род его за-

нятий и его деловой опыт, но не упоминает о противоправности его действий.

Так же подходит судебная практика и к случаям, в которых дело идет о причинении вреда не работнику предприятия, а постороннему для предприятия лицу.

В определении № 42—1939 г. по делу Гигучидзе Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР признала «схождение пассажира с поезда во время его движения... грубой небрежностью, поскольку поступок неизбежно связан с риском наступления несчастного случая, очевидно для всякого, совершающего его»¹. М. М. Агарков вынужден был признать, что Судебная коллегия прямо не указала, что схождение с поезда во время движения нарушает установленные правила².

В определении, вынесенном еще в 1924 году ГКК Верховного суда УССР по делу Путрук с железной дорогой, было даже указано, что «одно лишь нарушение потерпевшей обязательных постановлений еще не является грубой небрежностью в смысле закона (ст. 404), поскольку не будет доказано..., что отсутствовали объективные причины, заставившие потерпевшую нарушить данное обязательное постановление»³.

Во всех этих случаях речь идет не о противоправных действиях потерпевшего, а о несоблюдении им той меры осмотрительности, которой от него требуют правила социалистического общежития.

2. Обыкновенно говорят, что если вина потерпевшего есть вина в «техническом смысле», т. е. вина, проявляющаяся в противоправном действии потерпевшего, то вина недееспособного не должна «учитываться» судом и, следовательно, не должна влиять на размер возмещаемого ему вреда.

Вопрос о значении недееспособности потерпевшего для уменьшения ответственности лица, причинившего вред, играет заметную роль в судебной практике и в юридической литературе буржуазных стран.

В капиталистических странах в этом вопросе заинтересованы владельцы средств городского транспорта — по общему правилу, крупные капиталистические организации, — ибо жертвами несчастных случаев, особенно при уличном движении в городах, нередко оказываются дети.

Служа интересам монополистических транспортных предприя-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1938—1939 гг., стр. 156.

² См. М. М. Агарков, Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда — «Советское государство и право» 1940 г. № 3, стр. 73.

³ Е. Н. Данилова, Обеспечение увечных в порядке социального страхования и по Гражданскому кодексу — «Вопросы труда», 1927, М., стр. 135.

тий, многие буржуазные цивилисты стремятся доказать, что недееспособность потерпевшего не имеет значения при разрешении вопроса об учете его вины. Эта вина так же должна влиять на размер подлежащего возмещению вреда, как и вина дееспособного. При этом иногда пытаются конструировать различие между «деликтоспособностью», отсутствие которой устраняет ответственность за вред, причиняемый недееспособным другому, и «волеспособностью», наличие которой у недееспособных якобы должно обосновывать признание и учет его вины в случаях причинения вреда ему.

Понятно, что нет надобности доказывать, что эти ухищрения, направленные на защиту совершенно определенных классовых интересов, совершенно чужды советскому праву. Как наша судебная практика, так и юридическая литература единодушно признают, что вина недееспособного не должна влиять на размер прирассуждаемого ему возмещения вреда.

Но М. М. Агарков говорит, что к такому выводу можно прийти только, «если приравнять вину потерпевшего к вине причинителя вреда»¹.

Следует думать, что это не так. Недееспособность заключается в советском праве в том, что в случаях, когда дело идет о возникновении, изменении или прекращении гражданских прав или обязанностей, закон не считается с проявлением воли, которую он признает недостаточно зрелой или неполноценной. Носители такой воли не могут своим действием ни создать для себя гражданское право или гражданскую обязанность, ни, очевидно, прекратить или изменить объем признанного за ними в установленном порядке права. Следовательно, и совершенное ими действие, способствовавшее наступлению или увеличению вреда, причиненного им другим лицом, не может быть принимаемо во внимание при определении размера возмещения вреда, право на которое возникает у недееспособного из факта причинения ему вреда другим лицом.

В определении по делу Кудухашвили с Управлением Бакинских электрических железных дорог Судебная коллегия Верховного суда СССР указала лишь на то, что «вина потерпевшего, не достигшего 14 лет, не может быть принята во внимание при разрешении вопроса о причитающемся ему возмещении вреда»². Но указаний на то, что речь идет о действии, которое признается противоправным, когда его совершает дееспособный, нет.

Правда, в деле об увечье, причиненном Саркису Яролану, председатель Верховного суда СССР указал на то, что Саркис Яролан находился в таком возрасте, когда он не мог отвечать за свои действия. Однако едва ли здесь слово «отвечать» означает «нести последствия за противоправные действия». Скорее речь идет о том,

¹ «Советское государство и право» 1940 г. № 3, стр. 75.

² «Советская юстиция» 1939 г. № 15—16, стр. 70—71.

что действия, совершенные в определенном возрасте, вообще не влекут за собою гражданско-правовых последствий. Во всяком случае о том, что соответствующие действия признавались бы противоправными, если бы их совершил дееспособный, здесь не упомянуто¹.

Точно так же, в одном из своих определений ГКК УССР было указано, что «вопрос о наличии грубой небрежности малолетнего разрешен судом отрицательно в полном соответствии с законодательством, не допускающим какой-либо квалификации действий малолетних»².

Не соединяются гражданско-правовые последствия и с действиями, совершенными лицом, которое находилось в состоянии, когда оно не могло отдавать себе отчет в своих действиях. Исключением следует признать лишь случай, когда вред причинен человеком употреблением алкоголя, наркотика и т. п. приведшим себя в такое состояние.

В соответствии с этим не может влиять на размер подлежащего возмещению вреда и поведение потерпевшего, который не мог отдавать себе отчет в своих действиях, не приведя себя сам в такое состояние.

§ 3. Вопрос об учете поведения лиц, обязанных нести надзор за недееспособным потерпевшим. Значение поведения органов потерпевшего юридического лица

Особыми вопросами являются вопросы о том: а) должна ли учитываться при определении размера вреда, возмещаемого недееспособному, вина лиц, обязанных иметь за ним надзор, и б) должна ли признаваться виною потерпевшего — юридического лица — вина его органов, рабочих или служащих.

а) На первый из этих вопросов судебная практика иногда давала положительный ответ.

Внося в Судебную коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР протест по делу Яролана, председатель Верховного суда СССР указал: «Если суд установит, что опекуны Яролана допустили грубую неосторожность по надзору за потерпевшим ребенком, дело подлежит разрешению в порядке смешанной ответственности сторон»³.

Точно так же Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в определении по делу Кудухашвили с Управлением Бакинских электрических железных дорог указала: «Согласно ст. ст. 449 и 450 ГК Азербайджанской ССР (соответствующих ст. ст. 404 и 405 ГК РСФСР) Управление Бакинских

¹ «Советская юстиция» 1939 г. № 15—16, стр. 70—71.

² Е. Н. Д а н и л о в а, Обеспечение увечных в порядке социального страхования и по Гражданскому кодексу — «Вопрос труда» 1927 г., М., стр. 148.

³ «Советская юстиция» 1939 г. № 15—16, стр. 70—71.

железных дорог должно было доказать, что причиненный ребенку вред был вызван грубой небрежностью по надзору за ним, со стороны его родителей. Между тем общая ссылка суда на отсутствие надлежащего воспитания ребенка материалами дела не подтверждается. Равно нельзя усмотреть грубую небрежность родителей мальчика в том, что они отпустили его в город одного».

Таким образом, в названных двух определениях Верховный суд СССР считал, что вина в ненадлежащем осуществлении надзора за недееспособным есть та вина самого потерпевшего, которая обосновывает освобождение лица, причинившего вред недееспособному, от возмещения этого вреда или уменьшение присуждаемого недееспособному возмещения вреда. Достаточно так — вполне отчетливо — сформулировать точку зрения Верховного суда, чтобы стала ясна ее неправильность. Ибо совершенно ясно, что вина родителей или опекуна в ненадлежащем осуществлении надзора за недееспособным не есть вина самого потерпевшего, которым в данном случае является недееспособный.

Кроме того, ответственность за ненадлежащее осуществление надзора за недееспособным — это ответственность лиц, обязанных нести надзор, не только перед государством и перед лицами, которым недееспособный причиняет вред, но и перед самим недееспособным. Понятно поэтому, что вина в ненадлежащем осуществлении надзора, за которую родители или опекун несут ответственность перед недееспособным, не может в то же время обосновывать освобождение третьего лица от возмещения вреда, причиненного им недееспособному, или уменьшение присужденной недееспособному суммы возмещения вреда.

б) С иных позиций следует подходить к вопросу о значении вины органов, рабочих или служащих юридического лица. Выше уже сказано, что юридические лица действуют всегда через свои органы, через представителей — рабочих и служащих. Если не принимать во внимание вину этих лиц, то вопрос о вине потерпевшего потеряет всякое значение в делах, в которых потерпевшим является юридическое лицо. Поэтому если обратное не вытекает из существа вопроса, к вине потерпевшего вполне уместно применять по аналогии правила о вине причинителя вреда.

Для третьих лиц действия органов, рабочих и служащих при исполнении ими служебных обязанностей — это действия юридического лица.

Только в случаях, когда вред причинен юридическому лицу умышленными действиями органа, рабочего или служащего совместно с третьим лицом, вина органа, рабочего или служащего не может рассматриваться как вина юридического лица.

При таких условиях перед нами не случай вины потерпевшего, предусмотренный ст. ст. 403 и 404 ГК, а случай совместного причинения вреда, предусмотренный ст. 408 ГК.

Возможны и случаи, в которых виновное поведение органов, рабочих или служащих делает вред причинно-случайным следствием действий лица, к которому предъявлен иск о возмещении вреда. В таком случае между действиями этого лица и вредом не будет той причинной связи, которая должна быть в наличии для ответственности по ст. 403 или ст. 404 ГК. Первоначальный ответчик должен будет быть признан свободным от ответственности. Ответственность за вред понесет орган, рабочий или служащий.

§ 4. Размер присуждаемого возмещения вреда при наличии вины потерпевшего

Как определяется размер подлежащего возмещению вреда в случаях, когда суд учитывает вину потерпевшего?

Чем руководствуется суд, возлагая на причинителя вреда обязанность возместить одну определенную часть его и оставляя бремя другой на потерпевшем?

В разъяснении от 25 июня 1926 г. Пленум Верховного суда РСФСР выдвинул мысль о распределении бремени возмещения вреда по «степени каузальности» поведения каждой из сторон: «в случаях, когда имеется стечение нескольких или многих причин, суд должен оценить значение и удельный вес каждой из причин данного вреда, равным образом, принимая во внимание участие в причинении вреда и самого потерпевшего (смешанная ответственность)»¹.

Иное указание содержит п. 12 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.: «Когда по обстоятельствам дела будет установлено, что вред возник не только в результате неправильных действий причинившего, но и вследствие грубой небрежности самого потерпевшего, суд может, исходя из принципа смешанной ответственности, возложить на причинившего вред обязанность частичного возмещения вреда в соответствии со степенью вины каждого из них».

Таким образом, Верховный суд СССР считает, что, распределяя между причинителем и потерпевшим бремя вреда, возникшего вследствие действий обоих, суд должен сопоставить степень вины того и другого.

Это должно быть признано правильным.

Так называемый зачет вины потерпевшего имеет место только в случаях, когда вред является нераздельным результатом действий как причинителя вреда, так и потерпевшего, а «определение удельного веса причин», которое предписывал судам Пленум Верховного суда РСФСР, невозможно.

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., Юриздат, 1930, стр. 98—99.

Сопоставление же степени вины возможно: в определенных случаях можно установить, что как причинитель вреда, так и потерпевший действовали грубо-неосторожно, и разделить между ними бремя вреда. В других случаях приходится признать, что причинитель вреда действовал грубо-неосторожно, а потерпевший допустил легкую неосторожность, которая в силу ст. ст. 403 и 404 вообще не должна приниматься во внимание при определении размера подлежащего возмещению вреда. Возможны случаи, когда будет установлено, что причинитель вреда допустил легкую неосторожность, а потерпевший действовал грубо-неосторожно и вследствие этого не должен получить возмещения вреда.

Сопоставление вины обеих сторон, однако, невозможно, когда вред причинен источником повышенной опасности без вины лица, пользующегося им в своей деятельности. В этом случае придется учитывать лишь степень вины потерпевшего: его умысел или грубую неосторожность.

Наоборот, если вред причинен источником повышенной опасности по вине лица, пользующегося им в своей деятельности, степени вины причинителя вреда и потерпевшего должны быть сопоставлены. При этом следует думать, что наличие хотя бы и легкой вины в действиях лица, пользующегося в своей деятельности источником повышенной опасности, устраняет возможность освобождения его от ответственности, ибо оно отвечает и за вред, причиненный им без вины.

Поэтому при наличии в действиях этого лица легкой неосторожности, а в действиях потерпевшего грубой неосторожности должен быть применен принцип «смешанной ответственности».

ГЛАВА XII

СПОСОБЫ ВОЗМЕЩЕНИЯ ВРЕДА

§ 1. Восстановление прежнего состояния и возмещение убытков

Статья 410 ГК РСФСР указывает: «Возмещение за вред должно состоять в восстановлении прежнего состояния, а поскольку такое восстановление невозможно, в возмещении убытков».

Восстановление прежнего состояния означает приведение противоправно умаленного блага в то состояние, в каком оно было до его умаления. Такое восстановление нередко возможно в отношении противоправно умаленного материального блага: можно исправить, произвести починку поврежденной вещи, можно устранить внесенное в нее и ухудшившее ее изменение.

Понятно, что восстановление прежнего состояния в собственном смысле слова невозможно, если чужая вещь противоправно уничтожена. Восстановление прежнего состояния может в таких случаях относиться уже не непосредственно к нарушенному благу, а к имущественной сфере потерпевшего в целом. Иначе говоря, уничтоженная вещь может быть заменена другой, однородной и равноценной вещью.

Надо, однако, сказать, что и в тех случаях, когда возмещение вреда могло бы быть осуществлено путем исправления поврежденной вещи или путем замены ее другой вещью, обеспечение осуществления ответчиком соответствующих действий в интересах истца лежит за пределами тех средств воздействия на поведение ответчика, какими располагают советское гражданское право и советский суд. Если бы решение суда о совершении ответчиком определенных действий осталось неисполненным, суд не мог бы принудить ответчика к исполнению этих действий. Ни личной ответственности, ни процессуальных штрафов за неисполнение решений суда ни материальное, ни процессуальное гражданское право СССР не знают.

Лишь положения о некоторых ведомственных арбитражах допускают возложение штрафов за неисполнение решений арбитража¹.

¹ Положение об арбитраже Министерства черной металлургии, ст. 24; Положение об арбитраже Министерства среднего машиностроения СССР, ст. 14.

Разумеется, суд может предоставить истцу право осуществить восстановление прежнего состояния своими средствами за счет ответчика¹. Но в таком случае положение истца ничем не будет отличаться по существу от того, в котором он находится, когда ему присуждается возмещение вреда в денежном выражении: истцу, восстановившему прежнее положение своими средствами, придется обратиться на имущество ответчика и из вырученных от продажи этого имущества сумм покрыть свои издержки, понесенные на восстановление прежнего состояния. Только таким образом восстановление прежнего состояния окажется произведенным за счет ответчика.

Ввиду сказанного представляется целесообразным предоставление суду в будущем ГПК СССР права налагать на ответчика процессуальные штрафы в случае неисполнения ими решений суда о совершении определенных действий в пользу истца.

Вред может быть причинен не повреждением вещи, а противоправным лишением владения вещью.

Если вещь, владения которой собственник противоправно лишен, находится во владении ответчика, то истребование вещи в натуре должно опираться на ст. 59 ГК. Если противоправно лишен владения наниматель, истребование вещи должно опираться на ст. 170 ГК РСФСР. По аналогии ст. 170 ГК применима и в случаях, когда противоправно отобранная вещь находилась в чьем-нибудь владении по договору ссуды, хранения, подряда, перевозки. В 1934 году Государственный арбитраж при СНК СССР обязал завод имени КППГ возвратить Московско-Белорусско-Балтийской ж. д. груз, адресованный Электрокомбинату имени Куйбышева и по ошибке выданный заводу. Около того же времени один из народных судов г. Москвы признал право милиции на возврат в натуре находок, сданных в милицию и присвоенных одним из ее работников².

Во всех таких случаях требование истца о возврате ему вещи, владения которой он противоправно лишен ответчиком, носит «вещный характер».

Нельзя, однако, не заметить, что иногда суды стремятся придать «вещный характер» в некотором особом, своеобразном смысле также и требованиями о возмещении вреда, причиненного уничтожением вещи истца.

Так, еще в 1927 году в решении по делу о возмещении вреда, причиненного пожаром, возникшим по вине ответчиков и истребившим вещи истцов, один из областных судов обязал ответчиков

¹ См. Абрамов, Гражданский процесс, учебник для юридических вузов, 1948, стр. 420—422.

² См. «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, ч. I, стр. 169.

передать истцам свои вещи, однородные с вещами, утраченными истцами.

ГКК Верховного суда РСФСР отменила это решение и в своем определении указала: «Дело судебного исполнителя, а не суда определять имущество, на которое подлежит наложению взыскание по судебному решению»¹.

Точно так же в решении по делу о возмещении вреда, причиненного колхозу утратой овец во время эвакуации, народный суд обязал ответчика в возмещение причиненного им вреда передать истцу шесть баранов и одну корову натурой, а остальную часть вреда возместить, уплатив колхозу 42 500 руб.

Судебная коллегия Верховного суда СССР в определении по тому же делу указала: «Ни прокурор, ни колхоз не предъявили к Сушкову иска о признании за колхозом права собственности на корову и шесть овец, находящихся у Сушкова и о передаче их колхозу, как собственнику. В соответствии с исковыми требованиями истца суду надлежало установить, причинены ли были ответчиком убытки истцу, каков размер этих убытков, и затем присудить с ответчика в покрытие убытков истца соответствующую денежную сумму. Вместо этого суд произвольно изменил предмет спора и совершенно неосновательно решил взыскать с ответчика имущество — корову и овец, права собственности на которых никто от ответчика не оспаривал»².

Таким образом, Судебная коллегия Верховного суда СССР считает в этом определении, что возмещение вреда в натуре заключается лишь в возвращении истцу незаконным владельцем вещей, принадлежащих истцу на праве собственности, и отождествляет иск о возмещении вреда в натуре с виндикационным иском.

В том же смысле высказалась по поводу исков о возмещении вреда в натуре М. В. Зимелева в связи с немалым числом соответствующих исков в период Великой Отечественной войны. Но при этом М. В. Зимелева указывала, что «в практике народных судов за военные годы все более и более намечалась... тенденция допускать возмещение вреда в натуре: вместо зарезанной овцы истца передать одну из овец, принадлежащих ответчику, и т. п.». Делались, как пишет далее М. В. Зимелева, «своеобразные попытки признать возможной виндикацию вещи, определенной только родовыми признаками». Такая своеобразная «виндикация» свидетельствовала, по взгляду М. В. Зимелевой, о том, что у нас еще не разработано во всех деталях возмещение имущественного вреда по ст. 403³.

¹ «Судебная практика РСФСР» 1927 г. № 4, д. № 366675.

² Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1944 г., Юриздат, 1948, стр. 54 и сл.

³ М. В. Зимелева, статья «Война и право собственности», см. сборник «Советское право в период Великой Отечественной войны», стр. 46—47.

Ввиду того, что при противоправном умалении нематериальных благ возмещению подлежит лишь имущественный вред, причиненный таким противоправным действием, возмещение вреда может и здесь заключаться в предоставлении потерпевшему в натуре вещей, необходимых для восстановления умаленного блага: лекарств, дополнительного питания и т. п.

Статья 410 ГК говорит, что потерпевший вправе требовать возмещения ему убытков, «если восстановление прежнего состояния невозможно».

По точному смыслу этого постановления основным способом возмещения вреда является восстановление прежнего состояния. Возмещение убытков носит субсидиарный характер. Однако практически возмещение убытков находит себе применение в огромном большинстве дел о возмещении вреда. Это положение дела находит себе объяснение в сказанном выше.

Суд не требует от истца, предъявляющего требование о возмещении убытков, доказательства невозможности восстановления прежнего состояния. Однако следует думать, что суд вправе обязать истца принять вместо возмещения ему убытков предложенное ответчиком восстановление прежнего состояния. Но при этом суд должен учесть все особенности данного случая: невозможно, например, обязать потерпевшего подвергнуться лечению его лицом, причинившим вред, если это лицо является врачом. Ввиду того, однако, что ответчик лишь очень редко делает такого рода предложение, осуществление которого в ряде случаев должно возложить на него наряду с издержками также и ряд личных усилий, практически возмещение внедоговорного вреда сводится к возмещению убытков.

§ 2. Понятие убытков

Понятие убытков определено ст. 117 советских гражданских кодексов.

Постановление Пленума Верховного суда СССР 10 июня 1943 г. указало, что ст. 117 ГК применяется к ответственности за «договорный» вред. К вреду, возмещаемому по ст. 403 и сл., ст. 117 применяться не должна.

Едва ли это указание Пленума Верховного суда СССР должно пониматься буквально.

Содержащееся в ст. 117 определение убытков есть единственное определение убытков в советском гражданском праве. И трудно думать, что оно не должно применяться при определении ответственности за внедоговорный вред. Статья 410 исходит из понятия убытков, как из вполне определенного понятия. Очевидно, она имеет в виду то понятие убытков, которому дано определение в ст. 117.

В литературе уже указывалось, что хотя «Общие положения» обязательственного права, в ряду которых помещена и ст. 117, имеют в виду главным образом так называемые «договорные» обязательства, возникающие из договоров и других юридических сделок, — многие из них применяются не только к обязательствам из актов планирования, но и к обязательствам из причинения вреда. Ибо многие из этих постановлений относятся по существу ко всем обязательствам вообще. Статья 408 ГК устанавливает солидарную ответственность лиц, совместно причинивших вред. Нельзя сомневаться в том, что она исходит из понятия солидарности, установленной ст. 115 ГК для договорных обязательств, и т. д.

Но важнейший довод в пользу применения в области возмещения внедоговорного вреда понятия убытков, установленного ст. 117, заключается в ст. 410 ГК. Согласно ст. 410 возмещение убытков служит суррогатом восстановления того состояния имущественной сферы потерпевшего, в каком она была бы, если бы вред не был причинен. Следовательно, если причинение вреда выражается не только в уменьшении имущества потерпевшего — положительный ущерб, но также и в неполучении потерпевшим выгоды, получения которой он имел основания ожидать, исходя из нормальных условий своей хозяйственной деятельности, — упущенная выгода, то ему должны быть возмещены как положительный ущерб, так и упущенная выгода.

На значение применения ст. 117 ГК к обязательствам из причинения вреда указывал в свое время А. Я. Вышинский: «У нас нет сейчас нэпманов, нет кулаков, которых мы в свое время били. Но ст. 117 остается, и мы должны ее применять. Эта статья направлена против тех людей, которые разбазаривают чужие интересы, чужое время»¹.

Решение суда должно обеспечить потерпевшему ко дню вынесения судебного решения такое же состояние его имущественной сферы, какое было бы в наличии, если бы вред не был причинен. Понятно поэтому, что суд, рассматривая вредоносное действие и те изменения имущественной сферы потерпевшего, которые стоят в причинно-необходимой связи с этим действием, должен произвести оценку убытков, подлежащих возмещению истцу, исходя из данных дня вынесения судебного решения. Следовательно, истцу должно быть возмещено как то, что он к этому дню потерял вследствие противоправного действия ответчика, так и то, что при нормальном положении дел он получил бы к тому же дню, если бы противоправное действие не было совершено ответчиком.

¹ Первое Всесоюзное совещание работников суда и прокуратуры по гражданским делам 25—28 декабря 1936 г. — «Социалистическая законность» 1937 г. № 2, стр. 102.

Эта точка зрения выражена и в определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР по делу колхоза «Красный Октябрь» с совхозом «Энтузиаст», в котором Судебная коллегия признала правильным присуждение колхозу убытков, причиненных ему потравой, в сумме «стоимости овощей по рыночным ценам, существующим в день рассмотрения дела»¹.

§ 3. Размер возмещаемых убытков.

Вопрос об учете форм вины и степени неосторожности

Возникает еще один вопрос, имеющий существенное значение при установлении размера подлежащего возмещению вреда. Это — вопрос об учете или отказе от учета степени вины причинителя вреда.

Вина может состоять в умысле или в неосторожности причинителя вреда. Умысел, разумеется, более тяжкая вина, чем неосторожность. Хотя и не в связи с виной причинителя, а регулируя последствия вины потерпевшего, советские гражданские кодексы говорят как об умысле, так и о грубой неосторожности или грубой небрежности. Следовательно, возможно и различие не только умысла и неосторожности, но также и грубой и негрубой неосторожности причинителя вреда. Отсюда вопрос: влияет ли степень вины причинителя вреда на размер подлежащих возмещению убытков?

Ни ГК РСФСР, ни ГК других союзных республик не содержат прямого ответа на этот вопрос. Однако вполне отчетливый ответ позволяет дать содержание ст. 410 ГК и общие задачи обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве.

Статья 410 обязывает причинителя вреда восстановить состояние имущественной сферы потерпевшего, имевшее место до причинения вреда. Понятно, что оценка в деньгах действий, необходимых для такого восстановления, ни в какой мере не зависит от наличия, отсутствия или степени вины того, кто эту сферу нарушил. Правы некоторые авторы, которые говорят, что вопрос о размере подлежащего возмещению вреда есть вопрос причинной связи, а не вопрос вины. Причинитель вреда обязан возместить весь противоправно причиненный им вред. По общему правилу, он обязан возместить этот вред потому, что допустил в своем поведении вину. Но наличие вины или более тяжкая ее степень не влечет за собою увеличения размеров вреда, как отсутствие вины не уменьшает размеров вреда. Вред и его размеры представляют собой объективно существующее последствие противоправного действия. Субъективное отношение причинителя вреда к своим противоправным

¹ «Судебная практика Верховного суда СССР» 1949 г. № 1, стр. 17—18.

вредоносным действиям не усиливает и не уменьшает этих последствий.

В то же время обязательства из причинения вреда советского гражданского права имеют непосредственной целью восстановление противоправно нарушенных благ, охраняемых советским правом. Воспитательные задачи обязательств из причинения вреда осуществляются ими через возмещение имущественного вреда, причинно обусловленного противоправным действием. Учет степени вины причинителя означал бы отказ от принципа полного возмещения вреда в случаях, когда вследствие учета степени вины причинителя размер присуждаемого с него возмещения был бы ниже действительного размера причиненного им вреда. Он превращал бы возмещение в штрафной институт в тех случаях, когда присуждаемые суммы были бы выше размеров действительно причиненного вреда. В том и в другом случае в гражданско-правовой институт возмещения противоправного вреда был бы внесен не свойственный ему элемент.

Поэтому судебная практика и не дает примеров определения размера убытков, подлежащих возмещению причинителем внедоговорного вреда, с учетом степени вины причинителя. Поэтому и в советской цивилистической литературе было высказано лишь одно суждение иного характера.

В названной выше работе Х. И. Шварца сказано: «Принятие во внимание степени виновности не может не отразиться в некоторых случаях на определении объема возмещения, например, в случае повреждения ценной вещи в результате легкой неосторожности»¹. Но дальнейшего развития это указание в работе Х. И. Шварца не получило.

Нельзя, однако, не заметить, что если точный смысл ст. 410 ГК и общие задачи, которым служат обязательства из причинения вреда в советском гражданском праве, требуют возмещения не только положительного ущерба, но и упущенной потерпевшим выгоды, и в то же время несовместимы с учетом степени вины причинителя вреда при исчислении присуждаемого с него возмещения вреда, то есть случаи, в которых закон, исходя из особых условий причинения вреда, счел нужным отступить от общих начал, которыми определяется исчисление подлежащего возмещению вреда.

Таковы некоторые случаи возмещения рабочими и служащими вреда, причиненного ими нанимателю.

Наше законодательство различает две основные группы случаев, когда рабочие или служащие несут ответственность за вред, причиненный ими нанимателю.

¹ Х. И. Шварц, назв. соч., стр. 37.

Первая группа обнимает случаи, когда вред причинен неисполнением рабочим или служащим своих обязанностей из трудового правоотношения с нанимателем, несоблюдением законов, регулирующих эти обязанности, правил внутреннего распорядка или специальных инструкций нанимателя (ст. ст. 83¹—83² КЗоТ).

Вторая группа обнимает случаи, когда вред причинен хотя бы в той или иной связи с трудовым правоотношением, но действием, которое было бы противоправно и независимо от наличия такого отношения.

Первая группа — это случаи, когда вред причинен неисполнением обязательства, — того особого по содержанию и характеру обязательства, каким является трудовое правоотношение. Из особенностей трудового правоотношения вытекают и особенности ответственности за вред, причиняемый его нарушением, даже тогда, когда это нарушение наказуемо (например, прогул).

Для основной массы этих случаев установлена ограниченная ответственность рабочих и служащих. В некоторых из этих случаев, в частности, когда неисполнение обязанностей, вытекающих из трудового отношения, наказуемо, рабочие и служащие несут полную ответственность за причиненный им вред, однако лишь в пределах положительного ущерба, но не упущенной выгоды потерпевшего. Наконец, иногда на рабочих и служащих возлагается повышенная ответственность, не носящая, однако, штрафного характера. Совершенно правильно Е. И. Астрахан в учебнике трудового права указывает, что «если рабочий утратил по небрежности инструмент, принадлежащий заводу, но возместил ущерб в натуре, купив для завода новый инструмент, то этот рабочий, разумеется, не будет привлечен ни к повышенной, ни к какой-либо иной материальной ответственности. Самый факт утраты инструмента по небрежности здесь остается, но никакого «штрафа» за это, конечно, не налагается»¹.

Ко второй группе относятся случаи, представляющие собою, по существу, разновидность причинения вреда «вне договорных отношений» действием, которое было бы противоправным, наказуемым, кто бы его ни совершил: хищением, умышленной порчей имущества и т. п.²

¹ «Трудовое право», учебник для юридических вузов, 1948, стр. 290.

² На такие же две группы распадаются случаи причинения вреда колхозникам колхозу: в одних случаях вред причинен нарушением обязанностей колхозника, вытекающих из членства в колхозе, в других случаях вред причинен действием, которое было бы противоправно и независимо от членства. К первым случаям наряду с постановлениями Устава сельскохозяйственной артели и специальными постановлениями об ответственности колхозников за вред, причиненный колхозу, должно применяться общее положение об обязательствах. Ко вторым случаям должны применяться ст. ст. 403 и сл. ГК.

В таких случаях никогда не применяется ограниченная ответственность за имущественный вред. Для некоторых же случаев установлена повышенная ответственность за этот вред. Это — повышенная ответственность за причинение «внедоговорного» вреда, носящая, несомненно, штрафной характер. Такова ответственность рабочих и служащих по инструкции НКТ 1 июня 1932 г., согласно которой за хищение, умышленное уничтожение и умышленную порчу материалов, изделий, инструментов или спецодежды работник несет ответственность в пятикратном размере причиненного вреда¹.

§ 4. Учет имущественного положения лица, ответственного за вред, и потерпевшего

Путь к существенным отступлениям от принципа полного возмещения вреда открывает ст. 411 ГК РСФСР, которая указывает: определяя размер вознаграждения за вред, суд во всех случаях должен принять во внимание имущественное положение потерпевшего и причинившего вред. Таким образом, если полное возмещение причиненного вреда оказалось бы чрезмерно обременительным для причинителя вреда, а лишь частичное возмещение вреда не поколеблет имущественного положения потерпевшего, суд вправе присудить не всю сумму доказанных убытков истца, а некоторую другую сумму — по усмотрению суда. Уменьшение суммы, присуждаемой с ответчика, составляет право суда. Обязанность суда заключается в том, что, определяя размер подлежащего возмещению вреда, суд должен обсудить и принять во внимание имущественное положение сторон.

Согласно п. 13 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. ст. 411 ГК не применяется в тех случаях, когда потерпевшими являются государственные, кооперативные и общественные учреждения, предприятия или организации.

Выше уже указано (гл. X), что имущественное положение гражданина вообще несопоставимо с имущественным положением социалистической организации.

Ограниченный круг случаев применения ст. 411, — так же как и те задачи, которым она главным образом призвана была служить в момент введения в действие ГК РСФСР, — вызывают сомнения в целесообразности ее сохранения в будущем ГК СССР. Статья 411 исходила из необходимости сопоставления имущест-

¹ См. Г. С. Ривин, Материальная ответственность рабочих и служащих за ущерб, причиненный предприятию — Методические материалы Всесоюзного юридического заочного института 1948 г., вып. II, стр. 20; П. Орловский, Некоторые вопросы судебной практики по делам о возмещении вреда в условиях Отечественной войны — «Социалистическая законность» 1944 г. № 3—4.

венного положения трудящихся с положением нетрудовых элементов, которые еще не были ликвидированы в момент введения в действие ГК. В настоящее время суды почти не применяют эту статью, — это указывает на ее устарелость.

В будущем ГК СССР целесообразно закрепить общий принцип полного возмещения имущественного вреда, причиненного противоправным действием. Предусмотренная специальными постановлениями повышенная ответственность в некоторых случаях причинения вреда наказуемыми деяниями или деяниями, признаваемыми особенно вредоносными по своим хозяйственным последствиям, заменяет, по существу, наложение штрафа в уголовном или административном порядке.

СПбГУ

ГЛАВА XIII

ВОЗМЕЩЕНИЕ ВРЕДА ПРИ ПРИЧИНЕНИИ СМЕРТИ ИЛИ ПОВРЕЖДЕНИИ ЗДОРОВЬЯ ЧЕЛОВЕКА

§ 1. Общие положения

Советские гражданские кодексы выделили два особых случая возмещения вреда:

1) возмещение имущественного вреда в случае причинения смерти человеку; 2) возмещение имущественного вреда, причиненного повреждением здоровья человека, нанесением увечья.

В обоих случаях вред заключается в утрате полностью или частью средств к существованию: в случаях причинения смерти — иждивенцами умершего, в случае нанесения увечья — самим потерпевшим (а тем самым и его иждивенцами).

Выделение этих двух случаев причинения вреда определяется неизменной заботой Советского государства о личности человека. Эта забота о человеке сама по себе исключает автоматическое распространение общих постановлений об ответственности за имущественный вред также и на вред, причиненный нарушением тех высочайших благ, какими являются для советского социалистического государства и для советского социалистического общества жизнь и здоровье человека.

Основной формой государственного обеспечения трудящихся является в СССР система социального страхования, которой прежде всего и удовлетворяются интересы семей рабочих и служащих в случае утраты кормильца и интересы самих рабочих и служащих, а тем самым и их семей, в случаях нанесения рабочему или служащему увечья.

Члены промыслово-кооперативных артелей и члены кооперативных артелей инвалидов страхуются в порядке взаимного страхования и поставлены, по существу, в такое же правовое положение, как лица, застрахованные в порядке социального страхования.

Понятно, что система страховых мероприятий не может не влиять на условия и порядок осуществления трудящимися прав на возмещение им имущественного вреда, связанного с утратой кормильца или с увечьем лицом, ответственным за такой вред.

Статья 412 ГК РСФСР гласит: «Лицо, застрахованное в поряд-

ке социального страхования, при наступлении страхового случая получает удовлетворение от органа социального страхования».

То же относится и к иждивенцам застрахованного в случае его смерти.

Выплаты, производимые органами социального страхования, — это государственное обеспечение трудящихся. Право трудящегося на получение соответствующих сумм возникает «при наступлении страхового случая», независимо от условий, вызвавших наступление страхового случая. В то же время выплаты, производимые органами социального страхования, не всегда полностью покрывают имущественный вред, понесенный иждивенцами трудящегося в случае его смерти или самим трудящимся в случае причинения ему увечья.

В тех случаях, когда суммы, выплачиваемые органами социального страхования, не покрывают полностью указанного вреда, возникает право потерпевшего на возмещение ему вреда лицом, ответственным за вред, в силу ст. 413 или ст. 414 ГК.

Таким образом, ответственность за вред, возникающий в случае причинения смерти или увечья, является, по выражению ст. ст. 413 и 414, «дополнительной» к обеспечению трудящихся в порядке социального страхования. Трудящийся, получающий от органов социального страхования суммы, полностью покрывающие понесенный им вред, не имеет права ни на какое «дополнение» этих сумм. Но он имеет право на полное возмещение понесенного им вреда, и поскольку этот вред не покрыт полностью суммами, получаемыми им от органов социального страхования, он при указанных законом условиях имеет право на возмещение ему непокрытой части вреда тем, кто в силу закона отвечает за этот вред.

Орган социального страхования независимо от размера сумм выплаченного им страхового обеспечения имеет право регресса к лицу, в силу ч. 2 ст. 413 или ч. 3 ст. 414 ответственному за вред.

Таким образом, возмещение вреда в конечном итоге возлагается полностью на того, кто в силу закона должен за него отвечать.

Тем самым обязательство из причинения вреда и в этих случаях осуществляет как восстановительную, так и воспитательную функции: возмещается весь вред, понесенный трудящимся, и в то же время стимулируются мероприятия, предотвращающие несчастные случаи, могущие повлечь за собой смерть или увечье.

§ 2. Ответственность при причинении смерти человеку

Потерпевшими, имеющими право на возмещение вреда в случае причинения смерти человеку, признаются в силу ст. 409 лица, состоявшие на иждивении умершего и не имеющие других

средств к существованию. Кроме того, издержки на погребение должны быть возмещены лицам, понесшим эти издержки.

Постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. в п. 5 разъяснило, что под лицами, состоявшими на иждивении умершего, следует понимать как лиц, фактически состоявших на иждивении умершего, хотя они не были связаны с ним родственными отношениями, так и лиц, ввиду родственных связей с умершим имевших по закону право на получение от умершего средств к существованию, но фактически этих средств не получивших.

Но ст. 409 ГК устанавливает в качестве необходимого условия возникновения права на возмещение вреда вследствие причинения смерти человеку также и отсутствие у бывшего иждивенца умершего, а значит, и у лица, имеющего право на получение от него содержания, других средств к существованию.

По установившемуся в судебной практике взгляду, выражение ст. 409 «другие средства к существованию» означает достаточные средства к существованию. Поэтому получение иждивенцами умершего пенсии в порядке социального страхования само по себе не исключает их права на возмещение им вреда лицом, ответственным за причинение смерти лицу, на иждивении которого они состояли. «Суммы пенсионного обеспечения должны лишь «зачитываться судом в счет платежей, присуждаемых с причинившего вред», — говорит ст. 5 постановления Пленума Верховного суда СССР 10 июня 1943 г.

В тех же случаях, когда пенсионное обеспечение, установленное бывшим иждивенцам умершего, настолько значительно по размеру, что нет оснований говорить об имущественном вреде, понесенном бывшими иждивенцами в связи со смертью лица, на иждивении которого они состояли, — право на возмещение вреда не возникает для бывших иждивенцев умершего.

В определении № 186—1944 г. Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что, поскольку «назначенные специальным постановлением Правительства большое единовременное пособие и повышенные персональные пенсии являются достаточными средствами к существованию», они «исключают для истцов право на предъявление иска о возмещении ущерба на основании ст. 403 ГК».

С другой стороны, если иждивенец двух или нескольких лиц после причинения кем-либо смерти одного из этих лиц не получает от остальных всего необходимого для существования, он вправе потребовать возмещения ему вреда лицом, ответственным по закону за этот вред (определение ГКК Верховного суда РСФСР от 7 марта 1925 г. по делу № 3857)¹.

¹ Е. Н. Данилова, Обеспечение увечных — «Вопросы труда», М., 1927, стр. 89.

В соответствии с этим следует думать, что бывший иждивенец не лишен права предъявить требование, предусмотренное ст. 409 ГК, и в тех случаях, когда после смерти лица, на иждивении которого он состоял, для него возникает право на получение содержания от других лиц. Так, наличие у несовершеннолетнего «обладающих достаточными средствами братьев и сестер» либо деда и бабушки, обязанных доставлять ему содержание в случаях, когда он не может получать его от родителей (ст. ст. 54, 55 КЗоБСО), само по себе не лишает несовершеннолетнего права на предъявление требования по ст. 409 к лицу, ответственному за вред, связанный со смертью родителя несовершеннолетнего. Ибо «достаточные средства» братьев и сестер, дедов и бабушек не всегда обеспечивают несовершеннолетнему все необходимое для его существования: присуждаемые с братьев и сестер, дедов и бабушек платежи определяются судом в твердых суммах в соответствии с материальным положением этих лиц (определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР № 285 1941 г.¹) и не всегда в состоянии покрыть все основные потребности несовершеннолетнего.

Таким образом, согласно судебной практике: а) наличие или отсутствие у истца по ст. 409 средств к существованию должно быть в каждом отдельном случае установлено судом в соответствии со всеми обстоятельствами дела; б) при наличии у бывших иждивенцев права на пенсию в связи со смертью лица, на иждивении которого они состояли, их право на возмещение им вреда по ст. 409 носит характер «дополнительный» (указанное выше определение Судебной коллегии Верховного суда СССР от 24 апреля 1944 г. № 186).

Возмещение вреда, возникшего в связи с причинением смерти, присуждается в виде периодических платежей потерпевшим. Размер присуждаемого по ст. 409 возмещения вреда определяется, исходя из суммы заработка, который умерший имел при жизни, и числа лиц, состоявших на его иждивении.

Сумму заработка умершего следует определять в соответствии с порядком, установленным постановлением Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. для случаев постоянной утраты трудоспособности вследствие повреждения здоровья, т. е. исходя из среднего заработка умершего за последние 12 месяцев его жизни (см. ниже). Часть же заработка умершего, приходившаяся на долю данного иждивенца, должна определяться судом в соответствии со всеми обстоятельствами данного дела. При этом, поскольку «нет оснований делить заработок покойного на равные доли поголовно на всех членов семьи» и поскольку не

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1941 г., стр. 144.

удаётся установить, «сколько умерший тратил из своего заработка на себя лично и сколько на остальных членов семьи, суд может исходить из норм соцстраха о размере пенсий, назначаемых по случаю утраты кормильца семьи» (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 17 января 1927 г.¹).

Периодические платежи на содержание иждивенцев назначаются на сроки, соответствующие срокам, на которые иждивенцам назначается пенсия в порядке социального страхования по случаю утраты кормильца (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 23 июля 1929 г., протокол № 9)². В соответствии со ст. 5 Положения о пенсиях и пособиях по социальному страхованию³ эти сроки определяются так: платежи в пользу несовершеннолетних детей назначаются до достижения ими 16-летнего возраста, а если дети обучаются в учебных заведениях, — до 18-летнего; платежи совершеннолетним нетрудоспособным иждивенцам назначаются до восстановления трудоспособности, платежи матерям, занятым уходом за ребенком, которые приравниваются к нетрудоспособным, — до достижения ребенком 8-летнего возраста; платежи престарелым иждивенцам (женщинам, достигшим 55 лет, и мужчинам, достигшим 60 лет) — пожизненно.

Наряду с возмещением вреда, причиненного иждивенцам смертью их кормильца, ст. 409 возлагает на лицо, причинившее смерть, или ответственное вместо него также обязанность возместить издержки по погребению умершего лицу, которое эти издержки понесло.

Если вместе с причинением смерти нанесен ущерб также и имуществу умершего, этот ущерб подлежит возмещению не лицам, указанным в ст. 409, а на общих основаниях — наследникам умершего (разъяснение Верховного суда РСФСР, протокол № 12, 4 июля 1927 г.).

§ 3. Ответственность при повреждении здоровья

1. Возмещение вреда, возникающего вследствие повреждения здоровья человека, вследствие нанесения ему увечья, регулируется ст. ст. 413 и 414, а также ст. 415 ГК. Обе первые статьи предполагают лицо, понесшее увечье, застрахованным в порядке социального страхования, т. е. рабочим или служащим. Обе они считают право рабочего или служащего на возмещение ему вреда, понесенного в связи с увечьем, лицом, ответственным за такой вред, — «дополнительным» к праву на получение обеспечения в порядке социального страхования. Напротив, ст. 415 имеет в виду

¹ «Справочник по вопросам судебной практики», Юриздат, 1937, стр. 47.

² Там же, стр. 46.

³ СЗ 1930 г. № 11, ст. 132.

потерпевшего — не застрахованного в порядке социального страхования.

В определении № 274—1941 г. по иску Шавлитуашвили к Капурскому лесхозу Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР указала, что «в случаях, предусмотренных ст. ст. 413 и 414 ГК, потерпевший вправе обратиться в суд только после разрешения вопроса о возмещении вреда органами социального страхования или обеспечения»¹.

Лишь в тех случаях, когда рабочий или служащий, хотя и застрахованный в порядке социального страхования, однако по тем или иным основаниям не может получить пособия или пенсии от органов социального страхования, его право на возмещение вреда, понесенного в связи с увечьем, становится «самостоятельным» правом в отношении лица, ответственного за этот вред.

В циркуляре от 18 июня 1924 г. № 18 Верховный суд РСФСР указал: «Потерпевший обязательно обращается прежде всего в орган социального страхования и лишь после отказа (разрядка моя. — Е. Ф.) ему в вознаграждении или после окончательного установления выдаваемого (лучше было бы сказать: «подлежащего выдаче». — Е. Ф.) вознаграждения, относительно недополученного обращается в суд с иском»².

Вместе с тем п. 17 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. разъяснил, что в тех случаях, когда у рабочего или служащего нет права на получение полного или хотя бы только частичного пособия по временной нетрудоспособности вследствие отсутствия соответствующего непрерывного стажа работы в данном предприятии или учреждении (ст. 5 постановления СНК СССР, ЦК ВКП(б) и ВЦСПС от 28 декабря 1938 г. — «Известия 29 декабря 1938 г. № 301»), такой рабочий или служащий вправе предъявить иск по ст. 413 ГК к тому же предприятию или учреждению, если только имеются налицо предусмотренные ст. 413 условия ответственности этого предприятия или учреждения за понесенное рабочим или служащим увечье.

Нет оснований к иному толкованию ст. 414 ГК, которая, так же как и ст. 413, опирается на понятие ответственности за вред, дополнительной к страховому обеспечению лица, потерпевшего увечье.

Условия ответственности лица, причинившего другому увечье, не одинаковы в случаях, обнимаемых ст. 413, с одной стороны, и ст. 414 — с другой.

Статья 413 определяет условия возмещения вреда, причиненного «лицом или предприятием», вносящим «страховые взносы за потерпевшего в порядке социального страхования», т. е. граж-

¹ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1941 г., стр. 113.

² Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, Издательство, 1930, стр. 121.

данином или, разумеется, чаще юридическим лицом, с которым потерпевший состоит в трудовых отношениях. Статья 413 говорит о «предприятии», потому что чаще всего ответственным по ст. 413 является предприятие.

Статья 414 регулирует возмещение вреда гражданином или юридическим лицом, которое «не является страхователем потерпевшего», иначе говоря, лицом, с которым потерпевший не состоит в трудовых отношениях.

Если рабочий понес увечье, работая на станке в заводе, с которым он связан трудовым договором, применению подлежит ст. 413 ГК. Если рабочий понес увечье вследствие того, что был сшиблен автомашиной, когда шел по улице, направляясь на завод, где он работает, то должна быть применена ст. 414.

Гражданин или юридическое лицо, «состоящие страхователями потерпевшего», и лицо, страхователем потерпевшего не состоящее, отвечают за причиненное ими увечье по разным основаниям.

Согласно ст. 413 «лицо или предприятие, вносящее страховые взносы за потерпевшего в порядке социального страхования», отвечает за причиненное им увечье лишь в случаях, когда вред причинен преступным действием или бездействием нанимателя».

Согласно ст. 414 лицо или предприятие, не состоящее страхователем потерпевшего, отвечает за причиненное им увечье на общих основаниях, установленных ст. 403 ГК, а если вред причинен источником повышенной опасности, — на основаниях, установленных ст. 404 ГК. Никаких отступлений от этих оснований ответственности за вред ст. 414 ГК не содержит.

Редакция ст. 413 ГК, устанавливающей ответственность «лица или предприятия», состоящего «страхователем» понесшего увечье рабочего или служащего, лишь в случаях, когда «вред причинен преступным действием или бездействием предпринимателя», не была вполне удачной уже в момент введения в действие ГК РСФСР. Уже и в тот момент лицами, «вносящими страховые взносы» за рабочих и служащих, были в подавляющем большинстве случаев государственные предприятия или учреждения, а также кооперативные или общественные организации. К ним, к социалистическим организациям, слово «предприниматель» неприменимо. Хозяйственная деятельность социалистических организаций — не «предпринимательство» в обычном смысле слова, т. е. не деятельность в своекорыстных интересах, а определяемая научно обоснованными планами-законами творческая работа «в интересах увеличения общественного благосостояния, неуклонного подъема материального и культурного уровня трудящихся, укрепления независимости СССР и его обороноспособности» (ст. 11 Конституции СССР) в целях построения коммунизма.

В то же время ни государственное, ни кооперативное предприятие, ни государственное учреждение или общественная организация — вообще никто, кроме отдельного гражданина или нескольких граждан, не может совершить преступного действия или бездействия. Уголовно-правовое понятие преступления относится только к действиям физических лиц. А физических лиц — предпринимателей с окончательной победой социализма в нашей стране не существует.

Судебная практика уже в первые годы применения ст. 413 внесла корректив в ее формулу.

Вместо слова предприниматель судебная практика нередко стала пользоваться словом наниматель, а поскольку речь идет о нанимателе — предприятии или учреждении, понимает под «нанимателем» их администрацию. Доклад ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 год говорит «о преступном действии и бездействии администрации фабрик и заводов»¹.

Но судебная практика придала — тоже уже в первые годы применения ст. 413 — особое значение и ее словам «преступное действие или бездействие». Уже в постановлении Пленума Верховного суда РСФСР от 9 июня 1924 г. было указано, что в ст. 413 ГК «слова «преступное действие или бездействие» следует понимать в широком смысле несоблюдения мер предосторожности или поставления рабочего в условия труда, при которых он вполне или отчасти мог утратить трудоспособность, безразлично, был ли вопрос на рассмотрении уголовного суда или нет»².

Это понимание слов ст. 413 ГК — «преступное действие или бездействие» — было в дальнейшем закреплено рядом разъяснений и постановлений как верховных судов союзных республик, так затем и Верховного суда СССР (названным выше циркуляром Верховного суда РСФСР от 18 июня 1942 г. № 18, докладом ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 г.³ и рядом других вплоть до постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.).

Пункт 18 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. гласит: «Под преступным действием или бездействием страхователя понимается установленное компетентными органами несоблюдение страхователем или лицами, осуществляющими технический надзор за работами, действующих правил об охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда».

Это указание Пленума Верховного суда содержит ответ на три вопроса, связанные с ответственностью по ст. 413 ГК:

¹ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, Юриздат, 1935, стр. 90.

² Сборник разъяснений Верховного суда, РСФСР, Юриздат, 1932, стр. 111.

³ Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, Юриздат, 1935, стр. 90.

1) Оно разъясняет, кто признается лицами, которых судебная практика при применении ст. 413 нередко называет «администрацией» предприятия. Этими лицами являются «страхователь», т. е. предприятие, в подлежащих случаях учреждение или общественная организация как юридическое лицо в лице своих органов, действия которых всегда рассматривались, как действия юридического лица, или в лице служащих предприятия, «осуществляющих технический надзор за работами».

Таким лицом может быть и гражданин, пользующийся чужим трудом на условиях законно заключенного трудового договора, например, трудом домашней работницы.

2) Оно разъясняет, что под преступным действием или бездействием названных лиц в ст. 413 имеется в виду «несоблюдение ими действующих правил об охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда», хотя бы в соответствующих действиях и не было признаков наказуемого деяния.

3) Оно указывает, что наличие в действиях названных лиц преступного действия или бездействия должно быть признано «компетентными органами», т. е. отнюдь не обязательно судом, а прежде всего, следует думать, органами технического надзора.

Вопрос о круге лиц, «преступным действием или бездействием» которых обосновывается требование потерпевшего по ст. 413 к нанимателю-предприятию, не мог не привлечь внимания советской юридической литературы.

М. М. Агарков в Учебнике гражданского права 1944 года говорит общим образом, что требование по ст. 413 возникает, «если потерпевший был поставлен в недопустимые условия труда, если не были приняты меры для охраны его жизни и здоровья». Однако несколькими строками ниже он указывает, что преступным действием или бездействием нанимателя является несоблюдение правил охраны труда, техники безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда «страхователем или лицами, осуществляющими технический надзор за работами»¹.

На иную точку зрения встал Л. Майданик. По его взгляду, предприятие отвечает по ст. 413 за все «действия и упущения всех своих работников, связанные с исполнением служебных обязанностей», ибо «предприятие осуществляет выбор работников, их инструктаж и надзор за ними»².

Нельзя не заметить, что аргументация Л. Майданика не подкрепляла должным образом выдвинутого им положения. Считая

¹ «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 347.

² Л. М а й д а н и к, Регрессные иски профсоюзов и иски потерпевших к предприятиям, Профиздат, 1946, стр. 17.

предприятие ответственным за все действия всех работников при исполнении служебных обязанностей, он в то же время говорит об ответственности предприятия за выбор работников и за надзор за ними. При таком положении дела, соответствовавшем судебной практике в то время, когда Л. Майданик писал свою работу, в случаях причинения вреда не «страхователем», т. е. не органами юридического лица, и не лицами, осуществляющими технический надзор за предприятием, о которых говорит постановление Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., предприятие не несло бы ответственности по ст. 413, если бы было доказано, что в действиях его органов не было вины ни в выборе, ни в надзоре за работником, причинившим вред другому работнику при исполнении служебных обязанностей.

Однако, как уже сказано, в последнее время в судебной практике высказывается иной взгляд: судебная практика начинает признавать ответственность юридического лица за все противоправные действия, виновно совершенные его рабочими или служащими при исполнении служебных обязанностей. В соответствии с этим предприятие должно отвечать перед понесшим увечье не только тогда, когда это увечье вызвано нарушением правил технической безопасности и других правил применения труда администрацией предприятия или лицами, осуществляющими технический надзор, но и тогда, когда оно причинено другим работником того же предприятия при исполнении им служебных обязанностей.

Но в любом случае предприятие несет ответственность по ст. 413 лишь при наличии вины в действиях его работника, причинившего вред. На это судебная практика указывала неоднократно.

Так, названный выше доклад ГКК Верховного суда РСФСР за 1926 год указал, что «суды должны выяснять, обязано ли было предприятие и имело ли оно возможность произвести технические улучшения... суды обязаны проверить, имели ли предприятия возможность произвести все улучшения, и в случае отрицательного ответа на эти вопросы у судов нет основания к применению п. 2 ст. 413 ГК».

Еще более определенно говорит о том же п. 18 постановления Пленума Верховного суда от 10 июня 1943 г.

Согласно ч. 2 п. 18 преступным действием или бездействием предприятия-страхователя является несоблюдение им правил об охране труда, технике безопасности и иных постановлений, регулирующих применение труда, имевшее своим последствием несчастный случай. Согласно ч. 1 того же пункта 18 ответственность предприятия-страхователя за вред, «который возник в результате преступного действия или бездействия страхователя»,

наступает, «если при этом страхователь не докажет, что он не мог предотвратить вред».

Иначе говоря, постановление Пленума Верховного суда СССР разъясняет, что страхователь отвечает за вред, причиненный нанесенным рабочему или служащему увечьем, лишь в случаях виновного нарушения правил об охране труда, технической безопасности и вообще постановлений, регулирующих применение труда.

При этом ясно, что Пленум Верховного суда устанавливает презумпцию вины нанимателя в нарушении правил об охране труда, технической безопасности и вообще правил, регулирующих применение труда. Иначе говоря, если одно из указанных нарушений имело место, это нарушение предполагается совершенным нанимателем по своей вине. Об этом вполне отчетливо свидетельствует тот же п. 18 постановления Пленума Верховного суда, говорящий о том, что ответственность по ст. 413 имеет место, если вред «возник в результате преступного действия или бездействия страхователя» и «если при этом, — т. е. при наличии такого действия или бездействия, — страхователь не докажет, что не мог предотвратить вреда, не мог предотвратить совершения действия или бездействия, вследствие которых возник вред».

Да иначе не могло бы и быть. Презумпция вины лица, причинившего вред, установлена основным положением об обязательствах из причинения вреда — ст. 403 ГК. Невозможно думать, что в постановлении, посвященном возмещению вреда, причиненного увечьем, нанесенным человеку, в постановлении, особенно ярко свидетельствующем о высокой гуманности советского гражданского права, — оно отягчит положение потерпевшего и возложит на него бремя доказывания вины лица, причинившего вред. В ст. 413 вина причинителя вреда также презюмируется, как и в ст. 403 ГК.

Поэтому явно ошибочным представляется утверждение Л. Майданика, будто отличие ст. 413 от ст. 403 ГК заключается в том, что по смыслу ст. 413 «потерпевший не освобождается от обязанности доказывания вины причинившего увечья»¹. Не обязан потерпевший доказывать вину причинителя вреда и в случаях, регулируемых ст. 414. Ибо ответственность причинителя вреда по ст. 414 либо обосновывается виной причинителя вреда, презюмируемой за силой ст. 403 ГК, либо в случаях, когда вред причинен источником повышенной опасности, не поставлена в зависимость от наличия вины лица, пользующегося этим источником в своей опасной для окружающих деятельности, от вины его рабочих или служащих (ст. 404 ГК, ст. 73 Кодекса торгового мореплавания СССР, ст. 78 Воздушного кодекса СССР).

2. Как уже указано выше, вред, возмещаемый по ст. ст. 413 и

¹ Л. Майданик, назв. соч., стр. 21.

414 ГК, заключается в потере потерпевшим заработка, вызванной нанесенным ему увечьем. Поэтому возмещаемые потерпевшему убытки исчисляются в соответствии со степенью (процентом) утраченной потерпевшим трудоспособности и его средним заработком за 12 календарных месяцев, а при временной нетрудоспособности — за два календарных месяца, предшествующих несчастному случаю. При исчислении среднего заработка потерпевшего принимается во внимание всякий его заработок, носящий регулярный характер (п. 6 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.).

Но присуждаемые по ст. ст. 413 и 414 суммы являются «дополнительными» к суммам, выплачиваемым потерпевшему органами социального страхования. Поэтому если увечье вызвало временную утрату трудоспособности, то потерпевшему присуждается сумма, равная разнице между его средним заработком за два календарных месяца, предшествовавшие первому числу месяца, когда произошел несчастный случай, и суммой пособия, действительно полученного им вследствие увечья по больничному листку. Если увечье повлекло за собою стойкую утрату трудоспособности, то после того, как потерпевшему установлена органами социального страхования пенсия по инвалидности, возмещение вреда по ст. 413 или 414 ГК присуждается в виде ежемесячных платежей со дня причинения вреда потерпевшему в размере, определяемом при неполной утрате профессиональной трудоспособности в соответствии с заработком потерпевшего до несчастного случая и процентом утраты им профессиональной трудоспособности, за вычетом из исчисленной таким образом суммы назначенной ему пенсии. При полной утрате профессиональной трудоспособности и сохранении в некотором проценте общей трудоспособности, из суммы платежей, присуждаемых потерпевшему со дня причинения ему вреда, должна быть вычтена, кроме суммы назначенной ему пенсии, также и сумма, которую мог бы зарабатывать неквалифицированный рабочий или служащий при соответствующем проценте общей трудоспособности (п. 8 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.).

Если пособие или пенсия вообще не назначены потерпевшему за отсутствием достаточного трудового стажа или ввиду незначительной утраты трудоспособности, не подпадающей ни под одну из трех установленных законом групп инвалидности, то возмещение вреда должно быть присуждено потерпевшему в полной сумме.

Периодические платежи присуждаются потерпевшему на определенный срок до повторной медицинской экспертизы. По истечении этого срока потерпевший, если его трудоспособность не восстановилась, вправе обратиться с повторным иском о присуждении возмещения вреда на новый срок.

Иск об изменении размера присужденного возмещения — об

уменьшении его — может быть предъявлен и причинителем вреда как ввиду изменения в состоянии здоровья потерпевшего, так и ввиду изменений в материальном положении сторон, если причинителем вреда является гражданин. Обоснование такого иска опирается на аналогию с постановлениями ст. ст. 41 и 34 Правил союзного совета социального страхования при Народном комиссариате труда СССР от 4 июля 1928 г. о пересмотре размера пенсии, а поскольку причинителем вреда является гражданин, также и на ст. 411 ГК.

Разъяснение Пленума Верховного суда РСФСР от 28 июня 1926 г. и постановление Судебной коллегии по гражданским делам Верховного суда СССР от 26 мая 1945 г. № 405¹ предусматривают случай, когда потерпевший увечье продолжает работать и заработок его не уменьшился или даже возрос по сравнению с заработком, который он имел до увечья.

Верховный суд СССР, так же как еще ранее Верховный суд РСФСР, считает, что это обстоятельство не лишает потерпевшего увечье права на иск о возмещении ему вреда в соответствии с процентом уменьшения его трудоспособности. При этом, если ответственный за вред не является нанимателем потерпевшего, возмещение подлежит выплате потерпевшему независимо от того, сохранился ли или увеличился размер его заработка после увечья. Если же за увечье отвечает наниматель потерпевшего, а потерпевший продолжает после увечья работать в том же предприятии и заработок его не уменьшился по сравнению с прежним заработком, то, по решению суда, наниматель вправе вычитать из суммы присужденного возмещения заработок, получаемый потерпевшим после увечья. Однако это право нанимателя подлежит двоякому ограничению: 1) вычет осуществляется нанимателем, пока потерпевший состоит у него на работе. В случае увольнения потерпевшего или перехода его на работу в другом предприятии присужденные потерпевшему суммы должны выплачиваться ему полностью; 2) наниматель не вправе производить вычет, если заработок потерпевшего хотя и не уменьшился по сравнению с его прежним заработком, но уменьшился по сравнению с заработком рабочих той же квалификации, какую имел потерпевший до несчастного случая.

Капитализация, т. е. единовременная выплата платежей, присужденных потерпевшему на установленный судом срок, как правило, воспрещается. Лишь в случаях ликвидации предприятия, обязанного по решению суда производить эти платежи, они могут быть капитализированы и внесены в Госстрах для выдачи их определенными судом частями в установленные судом сроки (поста-

¹ См. «Судебная практика Верховного суда СССР» 1945 г., вып. I (XVII), стр. 29—30.

новление ЦИК и СНК СССР от 23 ноября 1927 г. — СЗ СССР 1927 г. № 65, ст. 661).

Постановлением Пленума Верховного суда СССР от 23 февраля 1932 г. этот порядок распространен на случай ответственности иностранного судовладельца¹.

3. В некоторых случаях лицо, понесшее увечье, наряду с требованием о возмещении ему вреда, возникшего из уменьшения или утраты трудоспособности, вправе предъявить к причинителю вреда и другие, обусловленные понесенным увечьем требования. Пункт 10 постановления Пленума Верховного суда СССР говорит, что если потерпевший увечье по заключению врачебной экспертизы нуждается в постороннем уходе за собою, то суд сверх присужденного возмещения за потерю заработка может обязать причинившего вред оплатить потерпевшему стоимость ухода. Суд может также возложить на причинившего вред обязанность возместить потерпевшему фактически понесенные расходы на дополнительное питание, протезирование, специальное лечение, если потерпевший по заключению врачебной экспертизы действительно нуждается в указанных видах помощи и не получает их через соответствующие организации бесплатно.

4. Во всех тех случаях, когда причинитель увечья несет ответственность перед потерпевшим, к нему может быть предъявлен также и иск в порядке регресса органом социального страхования о возмещении ему выплачиваемых потерпевшему пособий или пенсии. Орган социального страхования имеет право регресса также и в тех случаях, когда потерпевший не может предъявить дополнительного требования ввиду того, что он получает в порядке социального страхования суммы, полностью покрывающие понесенный им вред. Таким образом, в случаях причинения увечья нанятель потерпевшего отвечает по регрессному иску органов социального страхования во всех случаях, когда увечье причинено преступным действием или бездействием нанятеля в указанном выше смысле. Причинитель увечья, с которым потерпевший не состоит в трудовых отношениях, отвечает в порядке регресса перед органами соцстраха, если вред причинен в условиях, предусмотренных ст. 403 или ст. 404 ГК по принадлежности.

Организация, выплатившая все причитающиеся с нее суммы, вправе взыскать эти суммы по праву регресса с работников, непосредственно причинивших по своей вине вред.

Выше уже указано, что все положения, выдвигаемые в настоящей работе в отношении органов социального страхования, относятся и к органам социального обеспечения.

¹ См. Сборник действующих постановлений и директивных писем Верховного суда СССР 1924—1944 гг., Юридат, 1946, стр. 155.

Однако уместно напомнить, что в связи с регрессными исками Судебная коллегия по гражданским делам Верховного суда СССР в 1939 году в определении по делу Московского городского отдела социального обеспечения подчеркнула полное тождество прав органов социального обеспечения с правами органов социального страхования. В этом определении указано, что лица и учреждения, по тем или иным основаниям возместившие вред, причиненный другим лицом, имеют к причинившему вред право обратного требования (право регресса). Это право принадлежит органам социального страхования и органам социального обеспечения на равных началах и основаниях как потому, что органы социального обеспечения, осуществляющие дело пенсионирования, являются в этом деле на основании постановления СНК СССР от 23 марта 1939 г. прямыми преемниками органов социального страхования и профсоюзов, так и потому, что с переходом пенсионирования к органам социального обеспечения регрессные иски не утратили характера мероприятий, стимулирующих улучшение постановки на предприятиях дела охраны жизни рядовых трудящихся¹.

Следует также напомнить, что, как указано выше (стр. 17), Президиум ВЦСПС обязал ЦК профсоюзов широко практиковать предъявление регрессных исков.

5. Понесшим увечье может оказаться лицо, не застрахованное в порядке социального страхования, иначе говоря, не работающее по трудовому договору. Статья 415 ГК говорит, что в таких случаях потерпевший приравнивается к соответствующей категории рабочих или служащих по усмотрению суда.

Однако для потерпевших увечье членов промыслово-кооперативных артелей и артелей кооперации инвалидов создано законом положение, по существу однородное с положением рабочих и служащих. Члены промыслово-кооперативных артелей и артелей кооперации инвалидов, как известно, страхуются в порядке взаимного страхования страхкассами соответствующих систем кооперации. Условия и размер ответственности причинителя увечья перед этими лицами регулируются теми же началами, что и ответственность перед рабочими или служащими. Кассы взаимопомощи и взаимного страхования промысловой кооперации и кооперации инвалидов пользуются таким же правом регресса, как и страхкассы.

Если потерпевшим увечье является колхозник, то размер причитающегося ему возмещения устанавливается в размере дохода, утраченного колхозником вследствие уменьшения его трудоспособности. При этом учитываются возможность использования колхозника на другой работе в колхозе и возможность его работы в подсобном хозяйстве колхозного двора.

¹ См. «Советская юстиция» 1939 г. № 3, стр. 77.

Если за причиненный колхознику вред отвечает колхоз, то согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г. «О судебной практике по колхозным делам» возмещение присуждается колхознику в виде определенных периодических платежей, натуральных или денежных, но не в трудоднях, которые могут начисляться колхознику только за его работу в колхозе и по обслуживанию колхозного хозяйства.

Колхозные кассы взаимопомощи выдают потерпевшему пособия.

Ввиду того, что эти пособия представляют собою общественную помощь потерпевшему со стороны колхоза, они не учитываются при определении судом размера возмещения вреда. По тем же основаниям колхозные кассы взаимопомощи не имеют права регресса к лицу, непосредственно причинившему вред.

6. Особый порядок возмещения вреда сложился в судебной практике для случаев причинения увечья лицу, не достигшему трудового совершеннолетия. В таких случаях с причинителя вреда могут быть взысканы расходы по лечению потерпевшего и уходу за ним, а также расходы по доставлению ему дополнительного питания, по протезированию и т. п. В то же время суд, по требованию несовершеннолетнего или его законных представителей, выносит решение о признании за несовершеннолетним права на возмещение ему по достижении 16-летнего возраста убытков от потери трудоспособности (п. 11 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г.).

Размер возмещения, подлежащего выплате несовершеннолетнему, должен быть определен судом по требованию потерпевшего по достижении им 16 лет в соответствии с той квалификацией, которую потерпевший получил к моменту достижения 16 лет, и процента утраченной им трудоспособности. Если к этому времени несовершеннолетний не получил никакой квалификации, то при определении размера вознаграждения приходится исходить из средней в данной местности зарплаты неквалифицированного рабочего.

Если, однако, несовершеннолетний представит суду доказательства того, что он приобрел бы к моменту достижения трудового совершеннолетия известную квалификацию, но не мог ее приобрести вследствие увечья, то суд вправе соответственно увеличить размер присуждаемого возмещения (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 16 мая 1927 г.)¹.

В настоящее время при существовании широко развитой сети учебных заведений, в частности технических, возможность приобретения потерпевшим той или иной квалификации, по общему правилу, не требует сложных доказательств.

¹ См. «Справочник по вопросам судебной практики», Юриздат, 1937, стр. 46.

ГЛАВА XIV

ИСКОВАЯ ДАВНОСТЬ ПО ОБЯЗАТЕЛЬСТВАМ ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

1. Согласно ст. 45 ГК РСФСР течение исковой давности начинается со дня, когда возникло право на иск.

Право на иск возникает с момента нарушения кем-либо субъективного права, охраняемого в исковом порядке. Однако возникновение права на иск по обязательствам из причинения вреда поставлено в некоторые особые условия.

Возникновение вреда иногда отделено известным промежутком времени от момента совершения вредоносного действия. Обнаружение вреда может оказаться отделенным во времени от момента его возникновения: повреждение здоровья, последствия увечья могут оказаться обнаруженными после истечения значительного времени со дня, когда увечье было нанесено.

Ввиду этих условий применение ст. 45 ГК по ее точному смыслу к искам о возмещении вреда влекло бы за собою ничем не оправдываемое ограничение прав потерпевшего: исковая давность по требованию, связанному, например, с увечьем, понесенным вследствие несчастного случая, текла бы со дня несчастного случая, несмотря на то, что последствия увечья оказались бы обнаруженными значительно позднее. Иногда было бы трудно установить начальный момент течения исковой давности. Не всегда, например, возможно установить день хищения товаров, недостача которых обнаружена при ревизии склада и за которую должен отвечать заведующий складом, и т. п.

Ввиду таких особенностей обнаружения противоправно причиненного вреда Пленум Верховного суда РСФСР еще в 1925 году разъяснил (протокол № 19 от 16 февраля 1925 г.), что течение исковой давности по обязательствам из причинения вреда начинается со дня, когда потерпевший может и должен знать о том, что ему причинен вред.

Большинство советских цивилистов, высказывавшихся по этому вопросу в литературе, присоединилось к точке зрения Пленума Верховного суда РСФСР.

На другую точку зрения встал Б. Б. Черепяхин, который считал, что «важно не то, когда выяснился вред, а то, когда этот вред

причинен»¹. Однако и Б. Б. Черепахин признал, что выяснение размеров и продолжительности вреда совершенно необходимо для предъявления иска о возмещении вреда, причиненного увечьем. А если это так, то было бы тяжкой несправедливостью исчислять сроки давности по искам из причинения увечья со дня его причинения. Ибо практика показывает, что результаты увечья далеко не всегда обнаруживаются вслед за его причинением. Следует признать, что названным выше разъяснением Пленума Верховного суда РСФСР правильно учитывается, что исковая давность не может течь тогда, когда потерпевший не имеет возможности знать, что у него возникло право требования.

Для исков о возмещении вреда, причиненного увечьем, начальным моментом течения давностного срока будет, таким образом, день установления стойкой потери трудоспособности, за исключением случаев, когда вред сводится к разнице между заработком потерпевшего и суммой пособия, назначенного ему в порядке социального страхования, и расходам на лечение и когда давность течет со дня прекращения названных выплат.

При этом возмещение за увечье присуждается со дня причинения вреда (постановление Президиума Верховного суда РСФСР 28 апреля 1938 г., протокол № 17-а).

Начальным моментом течения давностного срока по регрессным искам профсоюзов является согласно постановлению Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г. для требований о возмещении пособий по временной нетрудоспособности — день окончания выплаты пособия, а для требований органов социального обеспечения о возмещении пенсии по инвалидности — день каждого произведенного очередного платежа.

2. С изменением в 1927 году примечания к ст. 404 для требований, предъявляемых по этой статье к государственным органам, установлена двухгодичная давность. При этом примечание к ст. 404 ГК говорит, что «течение указанного давностного срока, помимо общих оснований приостановления и продления сроков давности (ст. ст. 48 и 49), приостанавливается также со дня обращения потерпевшего или (в случае его смерти) находившихся на его иждивении лиц в подлежащий орган социального страхования впредь до дня назначения им пенсии или отказа в таковой».

Казалось бы, смысл этих слов ясен: давностный срок для предъявления требований по ст. 404 а) приостанавливается течением на общих основаниях, указанных в ст. 48, б) может быть продлен в соответствии со ст. 49, в) приостанавливается также и со дня обращения потерпевшего в органы соцстраха впредь до момента назначения потерпевшему пенсии или отказа в ней.

¹ Б. Б. Черепахин, Исковая давность — «Право и жизнь» 1926 г. № 6—7, стр. 21.

Однако в разъяснении от 4 апреля 1927 г. (протокол № 7 1927 г.)¹ Пленум Верховного суда РСФСР указал: «Примечание к ст. 404 ГК в редакции от 27 декабря 1926 г. отнюдь не имеет в виду словами «помимо общих оснований приостановления и продления сроков давности (ст. ст. 48 и 49)» изменить смысл этих статей, а лишь подтвердить, почему разъяснение Пленума Верховного суда РСФСР от 16 ноября 1925 г. сохраняет полную силу». Это же последнее разъяснение указывало, что «к давностному сроку по ст. 404 ГК прим., как специальному (в то время годовичному) давностному сроку, ст. 49 об удлинении срока неприменима»². Таким образом, Пленум Верховного суда РСФСР признал недопустимым ни приостановление по общим основаниям течения давностного срока по ст. 404, прим., ни продление этого срока.

На иную точку зрения встал Верховный суд УССР: исходя из точного смысла прим. к ст. 404, Верховный суд УССР применял к искам, предъявлявшимся трудящимися по ст. 404 к госорганам, как ст. 48, так и ст. 49 ГК³.

В 1940 году на ту же точку зрения встал Верховный суд СССР. Поворотным пунктом явилось определение Судебной коллегии Верховного суда СССР по делу № 716—1940 г.⁴ Лупырьевой, в котором Судебная коллегия признала, что к искам, предъявляемым к госорганам по ст. 404, применимо продление срока давности по ст. 49 ГК. Ряд других определений Судебной коллегии также исходит из того, что к искам, предъявляемым к госорганам по ст. 404, кроме особого основания приостановления течения давностного срока, установленного примечанием к той же статье, применяются как приостановление течения давностного срока по ст. 47 ГК, так и продление его по ст. 49 ГК.

3. Иногда возникал вопрос, может ли потерпевший, пропустивший срок предъявления иска, установленный прим. к ст. 404, предъявить к предприятию с повышенной опасностью иск по ст. 403, если есть налицо условия ответственности по ст. 403.

На этот вопрос следует ответить отрицательно. Ответственность предприятий с повышенной опасностью регулируется ст. 404 как в том случае, когда вред причинен источником повышенной опасности без вины работников предприятия, так и в том случае, когда вред причинен источником повышенной опасности по вине работников предприятия. Предъявление требования о возмещении такого вреда по ст. 403 исключается. Ответственность по ст. 404 обременяет государственное предприятие с повышенной опасностью лишь в течение срока, установленного прим. к ст. 404.

¹ См. «Судебная практика Верховного суда РСФСР» 1927 г. № 7.

² Сборник разъяснений Верховного суда РСФСР, изданных за время с 1923 г. до 1 января 1929 г., М., Юриздат, 1930, стр. 105.

³ Примечание к ст. 404 отменено в УССР в 1929 г.

⁴ Сборник постановлений Пленума и определений коллегий Верховного суда СССР 1940 г., стр. 230.

ГЛАВА XV

СООТНОШЕНИЕ ДОГОВОРНОЙ И ВНЕДОГОВОРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ В СОВЕТСКОМ ГРАЖДАНСКОМ ПРАВЕ

1. Представленные в предшествующих главах условия ответственности за так называемый внедоговорный вред не тождественны с условиями ответственности за вред, причиненный неисполнением обязательства.

А. В числе оснований к освобождению от ответственности за вред, причиненный неисполнением обязательства, фигурирует доказанная должником невозможность исполнения, причинно обусловленная умышленным или неосторожным действием кредитора (ст. 118 ГК). Практика Государственного арбитража при Совете Министров СССР в случаях наличия умысла или неосторожности кредитора не всегда полностью освобождает должника от ответственности за неисполнение обязательства. Здесь также развилось некоторое понятие «смешанной ответственности». Для признания такой «смешанной ответственности», так же как и для освобождения должника от ответственности, достаточно хотя бы и легкой неосторожности кредитора. Основанием к освобождению от ответственности за внедоговорный вред или для «смешанной ответственности» за такой вред служит наряду с умыслом только грубая неосторожность (небрежность) потерпевшего (ст. 403, 404 ГК).

Б. Ответственность за вред, причиненный неисполнением договора несколькими должниками, предполагается долевой (ст. 115 ГК). Ответственность нескольких лиц, совместно причинивших вред, есть, кроме случая, предусмотренного ст. 159 Кодекса торгового мореплавания, ответственность солидарная.

В. Не всегда совпадают сроки давности для предъявления исков о возмещении вреда, причиненного неисполнением обязательства, и исков о возмещении внедоговорного вреда. Для исков из договора перевозки, например, установлена шестимесячная давность (ст. 96 Устава железных дорог СССР; ст. 44 ГК РСФСР, абз. 2). Для исков же о возмещении вреда, причиненного железной дорогой как предприятием, деятельность которого связана с повышенной опасностью для окружающих, в РСФСР действует специальный двухгодичный срок давности, если вред

причинен гражданину, и срок в полтора года, если потерпевшим является социалистическая организация (ст. 44 ГК). В УССР действует общий годичный давностный срок.

2. До последнего времени практика Верховного суда СССР считала различными также и условия «договорной» и внедоговорной ответственности юридических лиц за действия рабочих и служащих. Договорная ответственность юридического лица за действия рабочих и служащих признавалась в соответствии с п. 2 ст. 119 ГК ответственностью за их вину. Ныне эта ответственность все чаще рассматривается в судебной практике и в юридической литературе как ответственность юридического лица за свою вину по ст. 118 ГК¹.

В то же время ответственность юридического лица за причиненный рабочими и служащими внедоговорный вред до недавнего времени признавалась ответственностью юридического лица за вину органов в ненадлежащем выборе рабочих или служащих или в ненадлежащем осуществлении надзора за ними. Ныне, как указано выше (см. гл. VI), эта ответственность все чаще признается в судебной практике и в юридической литературе ответственностью юридического лица за вину рабочих или служащих, которая рассматривается как вина самого юридического лица. Таким образом, различие условий ответственности юридического лица за договорный, причиняемый рабочими и служащими и за причиняемый ими внедоговорный вред отпадает.

Из сказанного ясно, однако, что и ныне смешение «договорной» ответственности с ответственностью за внедоговорный вред в ряде случаев означает применение к одной из них режима, установленного законом для другой.

Ввиду этого Верховный суд СССР в постановлении от 10 июня 1943 г. разъяснил: «Правила статей 403—415 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик должны применяться судами лишь в тех случаях, когда взыскивается возмещение за вред, возникший вне договорных отношений. Если же причиненный истцу вред возник вследствие неисполнения обязательства, принятого на себя ответчиком по договору или возложенного на него в силу закона, то ответственность за вред должна определяться или в соответствии с условиями договора... или же по правилам того закона, который регулирует данное правоотношение».

Таким образом, если действие, причинившее вред, является неисполнением обязательства, возникшего из договора или из административного акта планирования, то к возмещению вреда ст. ст. 403 и сл. ГК применению не подлежат.

¹ См. гл. VI.

При этом следует заметить, что указание Пленума Верховного суда на то, что ст. ст. 403 и сл. ГК применимы лишь в случаях, когда «вред возник вне договорных отношений», терпит изъятие, вытекающее из постановлений закона об ответственности за причинение смерти или увечье. Вред, причиненный трудящемуся на предприятии, с которым он состоит в трудовых отношениях, не может быть признан вредом, возникшим «вне договорных отношений». Несоблюдение правил технической безопасности администрацией предприятия либо лицами, обязанными нести технический надзор, есть не только нарушение закона, нарушение обязанностей администрации в отношении государства, но и нарушение коллективного договора, а также и трудового договора с потерпевшим. Вред возникает именно в сфере действия этого последнего договора. Однако возмещение вреда регулируется в этих случаях ст. 413 ГК.

Однородно и положение, складывающееся при причинении вреда пассажиру транспортной организацией. В этих случаях причинение вреда есть и неисполнение транспортной организацией договора перевозки пассажиров. В частности, ст. 132 Кодекса торгового мореплавания, определяющая условия ответственности морского пароходства за смерть или повреждение здоровья пассажира, входит в состав главы V раздела В названного кодекса, озаглавленной «Договор морской перевозки». Однако во всех этих случаях подлежит применению ст. 414, установившая общее правило об ответственности за причинение смерти или повреждение здоровья лица, с которым ответственный за вред не состоит в трудовых отношениях.

Выше уже указано, что следует различать вред, причиненный нанимателю неисполнением обязанностей, вытекающих для трудящегося из трудового правоотношения, с одной стороны, и вред, причиненный трудящимся нанимателю «вне договорных отношений» — с другой, равно как и вред, причиненный колхозником колхозу или иной кооперативной организации членом этой организации нарушением обязанностей, вытекающих из членства, и вред, причиненный колхозу или иной кооперативной организации членами этих организаций, независимо от нарушений обязанностей, вытекающих из членства. Только в последнем случае причинения вреда могут получать применение постановления гл. XIII раздела «Обязательства из причинения вреда» советских гражданских кодексов.

Нельзя, однако, не заметить, что судебная практика склонна сближать как имущественную ответственность рабочих и служащих за вред, причиненный нанимателю, так и ответственность колхозников за вред, причиненный колхозу, с ответственностью по ст. 403 ГК, не проводя достаточно четко указанного различия.

Об этом свидетельствует, в частности, п. 14 постановления Пленума Верховного суда СССР от 10 июня 1943 г., где всякая ответственность за недостачу товаров приравнивается к ответственности за хищение и злоупотребление ими, а также положения постановления Пленума Верховного суда СССР от 5 мая 1950 г., где ответственность за вред, причиненный колхозником колхозу «неправильными действиями или упущениями в работе» прямо признается ответственностью по ст. 403.

ЛИТЕРАТУРА

а) Руководящая

- Маркс, Капитал т. I.
 Маркс и Энгельс, Манифест Коммунистической Партии.
 Энгельс, Диалектика природы.
 Энгельс, Анти-Дюринг.
 Энгельс, Людвиг Фейербах.
 Ленин, Материализм и эмпириокритицизм, Соч., изд. 4-е, т. 14.
 Ленин, Философские тетради, ОГИЗ, 1947.
 Ленин, Экономическое содержание народничества, Соч., изд. 4-е, т. 1.
 Ленин, Эра реформ, Соч., изд. 4-е, т. 6.
 Ленин, Первоначальный набросок статьи «Очередные задачи советской власти», Соч., изд. 3-е, т. XXII.
 Ленин, XI съезд РКП(б), Соч., изд. 3-е, т. XXVII.
 Ленин, Письмо к Н. Е. Семашко, Соч., изд. 3-е, т. XXIX, стр. 409.
 Ленин, Письмо Б. А. Богданову о волоките по изготовлению плугов Фаулера, VIII, Ленинский сборник.
 Ленин, Речь на 4-й сессии ВЦИК IX созыва, Соч., изд. 3-е, т. XXVII.
 Сталин, Марксизм и вопросы языкознания, 1950.
 Сталин, О диалектическом и историческом материализме, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Сталин, Отчетный доклад XVII съезду партии, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Сталин, Отчетный доклад на XVIII съезде партии, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Сталин, Речь в Кремлевском дворце на приеме академиков Красной Армии, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Сталин, «Фабричное» законодательство и пролетарская борьба, Соч., т. 1.
 Сталин, Итоги первой пятилетки, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Сталин, О правом уклоне в ВКП(б), Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Сталин, Новая обстановка — новые задачи хозяйственного строительства, Вопросы ленинизма, изд. 11-е.
 Молотов, В борьбе за социализм (речи и статьи), Партиздат, 1935.

б) Специальная

- А. Я. Вышинский, Теория судебных доказательств в советском праве, М., Юриздат, 1950.

А. Я. Вышинский, XVIII съезд ВКП(б) и задачи науки социалистического права — «Советское государство и право» 1939 г. № 3.

М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, М., Юриздат, 1940.

М. М. Агарков, Обязательства из причинения вреда — «Проблемы социалистического права» 1939 г. № 3.

М. М. Агарков, К вопросу о договорной ответственности, Сборник «Вопросы советского гражданского права», М., изд. Академии наук СССР, 1945.

М. М. Агарков, Вина потерпевшего в обязательствах из причинения вреда — «Советское государство и право» 1940 г. № 3.

Н. Г. Александров, Юридическая норма и правоотношение, М., 1947.

Б. С. Антимонов, К вопросу о понятии и значении причинной связи в гражданском праве — Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук (1—6 июля 1946 г.), М., Юриздат, 1947.

Б. С. Антимонов, Значение вины потерпевшего при гражданском правонарушении, М., Юриздат, 1950.

С. Н. Братусь, Юридические лица в советском гражданском праве, М., Юриздат, 1947, гл. II.

С. Н. Братусь, О соотношении гражданской правоспособности и субъективных прав — «Советское государство и право» 1941 г. № 8.

С. Н. Братусь, Субъекты гражданского права, гл. I, М., Юриздат, 1950.

М. О. Бару, Возмещение вреда в колхозе, Ученые записки Харьковского юридического института, 1939, вып. 1.

А. В. Венедиктов, Договорная дисциплина в промышленности, изд. Леноблисполкома и Ленсовета, 1935.

«Гражданское и торговое право капиталистических стран», гл. 29, § 1, М., Юриздат, 1949.

«Гражданский процесс», учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов под ред. С. Н. Абрамова, гл. XI, § 6.

А. И. Денисов, Теория государства и права, М., Юриздат, 1948.

С. Н. Ландкоф, Новая категория обязательств в советском гражданском праве — «Юридический сборник Киевского государственного университета имени Шевченко», Киев, 1948.

Л. Майданик, Регрессные иски профсоюзов и иски потерпевших к предприятиям, М., Профиздат, 1946.

Я. М. Магазинер, Ответственность государственного учреждения за вред, причиненный его должностным лицом — Ученые записки Свердловского юридического института, 1945.

И. Б. Новицкий и Л. А. Лунц, Общее учение об обязательстве, М., Юриздат, 1950.

В. К. Райхер, Общественно-исторические типы страхования, изд. Академии наук СССР, 1948.

В. К. Райхер, Абсолютные и относительные права, «Известия экономического факультета Ленинградского политехнического института», 1928.

С. С. Студеникин, «Советское административное право», учебник для юридических школ, М., Юриздат, 1949, гл. VII.

С. С. Студеникин, «Советское административное право», учебник для юридических высших учебных заведений, Юриздат, 1950.

«Теория государства и права», учебник для вузов, составленный коллективом авторов института права Академии наук СССР, М., Юриздат, 1949, гл. XII, § 6.

«Трудовое право», учебник для юридических институтов и юридических факультетов университетов под ред. проф. Н. Г. Александрова, М., Юриздат, 1949, гл. XIII.

В. С. Тадевосян, Ответственность родителей за вред, причиненный детьми — «Советское государство и право» 1944 г. № 4.

Е. А. Флейшиц, Ответственность государства за вред, причиняемый должностными лицами — Труды научной сессии Всесоюзного института юридических наук (1—6 июля 1946 г.), М., Юриздат, 1947.

Е. А. Флейшиц, Ответственность государственных органов за имущественный вред, причиненный должностными лицами, М., Юриздат, 1948.

Е. А. Флейшиц, Обязательства из причинения вреда, сборник «Советское гражданское право в период Великой Отечественной войны», т. I, Юриздат, 1948.

Х. И. Шварц, Значение вины в обязательствах из причинения вреда, М., Юриздат, 1939.

К. К. Яичков, Ответственность родителей за причиненный детьми вред — «Социалистическая законность» 1949 г. № 6.

ЧАСТЬ II

ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ТАК НАЗЫВАЕМОГО НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

ГЛАВА XVI

ПОНЯТИЕ И ЗНАЧЕНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ ИЗ ТАК НАЗЫВАЕМОГО НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

§ 1. Общие положения

1. Общее положение об обязательствах из неосновательного обогащения установлено в ст. 399 ГК РСФСР: «Обогатившийся за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания обязан возвратить неосновательно полученное. Обязанность возврата наступает и тогда, когда основание обогащения отпадает впоследствии».

В литературе советского гражданского права неоднократно указывали на несоответствие термина «обязательство из неосновательного обогащения» экономическим отношениям социалистического общества, а следовательно, и основным началам советского социалистического гражданского права, которые находят себе выражение в каждом из его институтов.

Слово «обогащение» связано с отношениями, основанными на частной собственности. Всякое обогащение в обществе, основанном на частной собственности, есть обогащение за счет другого. В его основе всегда лежит присвоение чужого неоплаченного труда. «Капиталист обогащается... пропорционально количеству той чужой рабочей силы, которую он высасывает, и тому отречению от всех жизненных благ, которое он навязывает рабочим»¹.

Такое обогащение, с точки зрения права капиталистических стран, является «нормальным», «основательным». «Нормальным» признается в праве капиталистических стран и обогащение капиталистов за счет трудящихся на основе множества сделок, при помощи которых реализуется присвоенная капиталистом прибавочная стоимость.

¹ Маркс, Капитал, т. I, Госполитиздат, 1949, стр. 599.

В период империализма критерии «основательности» обогащения устанавливает в капиталистических странах монополистический капитал. На службе монополиям законодательство и суды империалистических стран легализировали в дополнение к существовавшим ранее бесчисленное множество новых проделок и мошенничеств, при помощи которых, как указывает Ленин, «гигантский прогресс человечества... идет на пользу спекулянтам»¹: соглашения монополистических организаций о поддержании цен на высоком уровне, лишаящие трудящихся возможности удовлетворять те или иные потребности; соглашения об ухудшении качества продукции; об изъятии из продажи продукции более высокого качества для того, чтобы она не вытесняла продукцию, уже завоевавшую рынок; о сокращении срока службы определенных товаров в целях сбыта их в больших количествах и т. п.

Одним из способов прикрыть эксплуататорский характер «нормального» обогащения в капиталистическом обществе является противопоставление ему «ненормального», «неосновательного» обогащения. «Неосновательным» обогащением признаются те случаи извлечения выгод за счет другого лица, которые, нарушая «нормальные» хозяйственные связи капиталистического общества, противоречат узаконенным способам наживы за счет другого: уплата по ошибке несуществующего долга, уплата долга сверх его действительной суммы и т. п.

В отчетном докладе XVII съезду партии, разъясняя принципиальное отличие лозунга: «сделать всех колхозников зажиточными», от антисоветского лозунга: «обогащайтесь», товарищ Сталин вскрыл сущность обогащения: «во-первых, обогащаться могут только отдельные лица или группы... во-вторых, обогащаются отдельные лица или группы для того, чтобы подчинить себе остальных людей и эксплуатировать их»².

В СССР на основе безраздельного господства социалистической системы хозяйства и социалистической собственности уничтожена эксплуатация человека человеком. Хозяйственная жизнь в СССР определяется и направляется народнохозяйственным планом в интересах увеличения общественного богатства и неуклонного подъема материального и культурного уровня жизни граждан. Этот подъем означает и развитие личной собственности граждан, производной от социалистической собственности и служащей одним из основных условий развития личности каждого гражданина в соответствии с интересами социалистического общества. Поэтому в СССР невозможно обогащение одного лица за счет другого. Следовательно, нет почвы и для противопоставления основательного и неосновательного обогащения одного лица за счет другого.

¹ Ленин, Соч., изд. 3-е, т. XIX, стр. 90.

² Сталин, Вопросы ленинизма, изд. 11-е, стр. 472.

Отсюда ясно, что термин: «обязательства из неосновательного обогащения» употребляется в ГК РСФСР и в ГК других союзных республик в специальном, юридико-техническом значении. Тем не менее по указанным выше соображениям невозможно обосновать его дальнейшее сохранение в советском законодательстве. В юридической литературе не раз указывали, что он должен быть заменен другим термином: «неосновательное приобретение» или «неосновательное получение имущества».

2. Неосновательным обогащением в смысле ст. 399 ГК является приобретение или сбережение имущества одним лицом за счет другого без достаточного установленного законом или договором основания.

Примерами неосновательного обогащения являются:

а) акцепт и оплата покупателем платежного требования по товару, не подлежавшему поставке по договору, — сумма, уплаченная покупателем, составляет неосновательное обогащение поставщика;

б) акцепт и оплата покупателем платежного требования, выписанного с превышением цены товара, указанной в договоре, — сумма, излишне уплаченная покупателем, составляет неосновательное обогащение поставщика;

в) исполнение банком платежного распоряжения, выписанного плательщиком по однажды уже оплаченному товару;

г) оплата одним из жильцов квартиры счета за коммунальные услуги сверх части, причитающейся с него по раскладке, — сумма, равная излишне уплаченной этим жильцом, которую сберегли остальные жильцы, составляет их неосновательное обогащение;

3. Из сказанного в п. 2 видно, что во всех случаях неосновательного обогащения взаимообусловлены приобретение или сбережение имущества одним лицом (обогатившимся) и потеря (израсходование) имущества другим лицом (потерпевшим). Это и значит, что обогащение одного лица возникает за счет другого.

а) Приобретение имущества может заключаться в приобретении права собственности на вещи или деньги, в улучшении, повышении качества, а значит, и стоимости вещей, в приобретении права требования к потерпевшему или к другому лицу, в принятии услуг.

Во всяком случае, о приобретении имущества можно говорить только в случаях, когда у обогатившегося возникло то или иное имущественное право. Поступление вещей в фактическое владение не составляет обогащения владельца в смысле ст. 399 ГК.

Сбережение имущества имеет место, если одно лицо исполнило обязательство другого, приняло на себя обязательство в пользу другого или вместо другого, отказалось от права требования к другому, произвело расходы, которые при нормальном по-

ложении дела должен был бы произвести обогатившийся. Сбережение может возникнуть на почве пользования чужой вещью: сберегаются расходы, которые должны были бы быть произведены, если бы не было пользования данной вещью, например, для оплаты пользования другой вещью такого же рода, и т. п.

Во всяком случае сбережение имущества является обогащением в смысле ст. 399 только в том случае, если имущество данного лица должно было уменьшиться, но не уменьшилось.

Поэтому неисполнение обязательства не является сбережением имущества должником. Неисполнение обязательства не есть способ его прекращения. Обязательство должно быть исполнено. При определенных условиях должник обязан возместить и убытки, причиненные его неисправностью. Во всяком случае, имущество должника должно уменьшиться в дальнейшем.

б) Уменьшение имущества потерпевшего может заключаться в том, что какое-нибудь его право перешло к обогатившемуся, прекратилось в интересах обогатившегося (в частности, в случае отказа от требования); что какое-нибудь обязательство потерпевшего возникло в интересах обогатившегося (потерпевший принял на себя обязательство перед обогатившимся или в его интересах перед третьим лицом). Уменьшение имущества потерпевшего может заключаться и в том, что он произвел расходы, которые при нормальном положении дела должен был бы произвести обогатившийся, или в том, что обогатившийся пользовался безвозмездно какой-нибудь вещью потерпевшего, следствием чего явился известный износ вещи и т. п.

Не следует думать, будто между уменьшением имущества потерпевшего и увеличением имущества обогатившегося есть причинная связь. То и другое — уменьшение имущества потерпевшего и увеличение имущества обогатившегося — являются нераздельным результатом определенного действия или события.

§ 2. Понятие «достаточного основания» так называемого обогащения за счет другого

1. Чаще всего неосновательное обогащение является результатом действий потерпевшего: он уплатил, хотя платеж с него не причитался, он уплатил больше чем с него причиталось или он ошибочно признал свой долг потерпевшему, и т. п.

Неосновательное обогащение может быть результатом действий обогатившегося: например, одна из двух организаций, хранящих уголь в одном и том же складе, пользуется по недоразумению углем другой. Но обогатившийся может и не принимать участия в действиях потерпевшего, даже не знать о них: например, поставщик не знает, что покупатель дал банку платежное распоряжение по товару, уже однажды оплаченному, и узнает

о вторичном платеже тогда, когда соответствующая сумма уже зачислена на его расчетный счет. В этих случаях неосновательное обогащение возникает из сделки потерпевшего с третьим лицом: банком, производящим оплату платежного требования.

Возможны и случаи, когда неосновательное обогащение является результатом действий обеих сторон: обогатившийся принимает непосредственно ему производимую уплату не существующего в действительности долга.

Неосновательное обогащение может быть результатом только действий третьего лица: например, если банк произвел перечисление денег с превышением суммы, указанной в распоряжении плательщика.

Оно может возникнуть и из события, не связанного с чьей-либо волей: например, случайное смешение вещей, ставших нераздельными, причем одна из вещей является главной, и потому не может возникнуть общая собственность (см. ниже, гл. XVI).

Прямое перемещение ценностей от потерпевшего к обогатившемуся, — в частности, при посредстве представителей той или другой стороны, — в юридической литературе называют иногда непосредственным неосновательным обогащением.

Неосновательное обогащение посредством сделки потерпевшего с третьим лицом называют посредственным неосновательным обогащением.

Ни судебная, ни арбитражная практика не проводят различия между непосредственным и посредственным неосновательным обогащением.

2. Является ли неосновательное обогащение противоправным? Точнее, возникает ли неосновательное обогащение, порожаемое действиями сторон, только при наличии противоправности этих действий или оно может возникнуть, несмотря на правомерность поведения обеих сторон?

В литературе высказаны по этому вопросу не вполне одинаковые взгляды. В. А. Рясенцев считает одним из «признаков» обязательств из неосновательного обогащения «внешне правомерный характер сделанного приобретения или сбережения»¹.

¹ В. А. Рясенцев, Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве — Ученые записки Московского государственного университета, 1949, вып. 114, стр. 89.

В. А. Рясенцев приводит такие примеры неосновательного обогащения: «учреждение, арендующее гараж совместно с другой организацией, использовало по ошибке или намеренно (разрядка моя. — Е. Ф.) чужую машину». Или: «после отъезда домохозяина в длительную командировку один из жильцов его дома поселяется без разрешения в его комнате» (назв. соч., стр. 97).

В этих примерах фигурируют только противоправные действия, но при этом как противоправные действия, совершенные виновно, так и противоправ-

Однако различие внешне и внутренне противоправных действий советскому праву не известно.

Иное говорил М. М. Агарков: «Увеличение или уменьшение имущества может произойти и при отсутствии каких бы то ни было противоправных действий... Получение недолжного, взятое само по себе и не осложненное никакими привходящими обстоятельствами, как, например, обманными действиями или умолчанием, имеющим целью ввести другую сторону в заблуждение, не является противоправным действием»¹.

С этим взглядом следует согласиться. Однако ясно, что неосновательное обогащение может возникнуть из противоправного действия обогатившегося (например, когда одна из двух организаций, хранящих уголь на одном и том же складе, пользуется углем другой). Если организацию, воспользовавшуюся чужим углем по обстоятельствам дела нельзя упрекнуть в неосторожности, т. е. если такие действия совершены невиновно, ответственность по ст. 403 не может возникнуть. Пленум Верховного суда РСФСР разъяснил, что в таких случаях наступает ответственность по ст. 399 (постановление Пленума Верховного суда РСФСР от 20 июня 1928 г.²).

Неосновательное обогащение может возникнуть из противоправных действий третьего лица, в частности из неисполнения им обязательства, без всякой неправомерности в действиях обогатившегося. Так, производя перечисление с расчетного счета с превышением суммы, указанной в распоряжении держателя счета, банк нарушает договор о расчетном счете, совершенный им с держателем счета, — но организация, на счет которой сумма перечислена, противоправных действий не совершает.

Наконец, неосновательное обогащение может быть и результатом противоправного действия не обогатившегося, а лица, за счет которого возникает обогащение. В ст. 402 ГК предусмотрены именно случаи обогащения за счет другого лица вследствие противозаконного или направленного к ущербу государства действия этого лица (об этих случаях см. гл. XVII).

ные действия невиновные. Пользование чужой машиной без разрешения собственника — противоправно. Если такое пользование осуществляется намеренно, то оно всегда не только противоправно, но и виновно. Точно так же виновным противоправным действием является самовольное занятие чужой комнаты. Во всех этих случаях возникает ответственность не по ст. 399, а по ст. 403 ГК. Возмещение вреда в случаях, подобных первому, ограничивается обыкновенно суммой оплаты пользования или суммой амортизации машины; в случаях, подобных второму, — суммой квартирной платы. Но это не значит, что взыскивается сбережение: взыскивается и возмещается убыток в той сумме, в какой он действительно возник.

¹ М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 158.

² См. «Еженедельник советской юстиции» 1928 г. № 9, стр. 170.

Таким образом, в одних случаях неосновательное обогащение есть результат правомерных действий обеих сторон. В других оно является результатом противоправных действий обогатившегося или третьего лица. В третьих, его порождает противоправное действие потерпевшего.

Однако во всех этих случаях результат таких действий так же, как иногда результат событий, независящих от воли сторон, противоправен в том особом смысле, что он есть неосновательное обогащение, которое потому и должно быть возвращено, что оно неосновательно.

Неосновательность же его заключается в том, что обогащение возникло «без достаточного установленного законом или договором основания».

3. Что такое достаточное установленное законом или договором основание обогащения одного лица за счет другого, о котором говорит ст. 399?

Судебная и арбитражная практика считают достаточным основанием обогащения одного лица за счет другого соответствие обогащения постановлению закона или административного акта, условиям договора или односторонней сделки.

Такое соответствие налично, если одна из сторон была обязана в силу закона, административного акта либо сделки, двусторонней или односторонней, совершить то действие в пользу другой стороны, в результате которого возникло обогащение этой другой стороны.

Такое соответствие налично, если в силу закона определенное имущественное право должно было бы возникнуть для одного лица за счет другого без выплаты ему возмещения.

При отсутствии постановления закона, административного акта или сделки, устанавливающих такие обязанности одной стороны или правомочия другой, обогащение не основательно.

Таким образом, в судебной и арбитражной практике достаточное основание обогащения одного лица за счет другого в смысле ст. 399 понимается как правовое основание действий, в результате которых возникло такое обогащение.

В юридической литературе вопрос о достаточном основании обогащения в смысле ст. 399 был разработан М. М. Агарковым.

Взгляд М. М. Агаркова в наиболее законченной форме, выраженный в Учебнике гражданского права 1944 года¹, заключается в основном в следующем: обогащение за счет другого лица имеет достаточное основание, если оно соответствует хозяйственным

¹ Ранее тот же взгляд был выражен в учебнике «Гражданское право» 1938 г. и в работе М. М. Агаркова — «Обязательство по советскому гражданскому праву» (стр. 156 и сл.).

целям, которые имеет в виду закон или законно совершенная сделка. Если обогащение за счет другого лица не соответствует указанным целям, то оно не имеет достаточного основания, является неосновательным и порождает обязательство, предусмотренное ст. 399 ГК.

Признание той или иной хозяйственной цели достаточным основанием обогащения одного лица за счет другого является иногда непосредственно из закона. Так, согласно ст. 403 ГК такой целью является возмещение вреда; согласно ст. 48 КЗоБСО такой целью является содержание детей родителями.

Сделки, имеющие целью тот или иной хозяйственный результат, делятся на две группы.

В содержании сделок одной группы, — основных, как купля-продажа, дарение, наем и др., — заключается та непосредственная цель, которую преследуют участники сделки: возмездное или безвозмездное отчуждение имущества, возмездное пользование вещью и т. п. Приобретение или сбережение имущества в силу основной сделки имеет достаточное основание.

Содержание других сделок, — вспомогательных, как передача вещи, передача требования, перевод долга, выдача, акцепт и передача векселя или чека, — не позволяет определить хозяйственные цели сторон. Вспомогательная сделка сама по себе не является достаточным основанием приобретения или сбережения имущества за счет другого лица. Она совершается для реализации правоотношений, существующих в силу основной сделки или другого юридического факта. Поэтому, чтобы судить о том, имеется ли в случае приобретения имущества по вспомогательной сделке достаточное основание, надо обратиться к содержанию того правоотношения, для реализации которого вспомогательная сделка совершена¹.

С этим взглядом нельзя согласиться:

а) Регулирование законом тех или иных имущественных отношений граждан или социалистических организаций всегда направлено на ту или иную хозяйственную и очень часто не только хозяйственную цель. Общей и высшей целью всех постановлений советского закона является построение коммунизма. Но исполнение каждого отдельного постановления закона обязательно для граждан и социалистических организаций не потому, что данное постановление служит данной конкретной хозяйственной цели, а потому, что оно есть постановление советского закона. Исполнение законов есть одна из основных обязанностей граждан и социалистических организаций СССР (ст. 130 Конституции СССР).

¹ См. «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 353—355; см. также «Гражданское право», учебник для юридических вузов, 1938, т. II, стр. 379—382, и М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, стр. 156—158.

Поэтому обогащение одной стороны за счет другой имеет достаточное основание не только в случаях, когда экономическая цель этого обогащения «является непосредственно из закона», как писал М. М. Агарков, но и тогда, когда цель санкционируемого законом обогащения одной стороны за счет другой в законе не указана. То же следует сказать об административных актах.

Постановление Совета Министров СССР или союзной республики либо в подлежащих случаях постановление министерства о передаче одним государственным органом другому зданий, сооружений или предприятий может не содержать и обыкновенно не содержит указания цели такой передачи, тем не менее такое постановление всегда является достаточным основанием обогащения одной организации за счет другой.

б) Обогащение одного лица за счет другого может не противоречить экономической цели сделки и все же быть неосновательным обогащением ввиду того, что оно не соответствует содержанию сделки, не является результатом исполнения обязанностей или осуществления прав, установленных сделкой. Так, непосредственной экономической целью договора купли-продажи является возмездное отчуждение имущества. Оплата этого имущества сверх установленной в договоре цены не противоречит цели договора, но она не основана на его содержании. Поэтому получение продавцом суммы, излишне уплаченной покупателем, является неосновательным обогащением продавца.

Таким образом, следует признать, что достаточным основанием обогащения, о котором идет речь в ст. 399, является соответствие обогащения не экономической цели закона, административного акта или сделки, а содержанию их, которое, разумеется, всегда направлено на осуществление тех или иных целей.

Правильным представляется, однако, деление сделок на основные и вспомогательные. Такие сделки, как передача вещи, уступка требования и другие вспомогательные сделки, всегда совершаются для реализации другого, ранее существовавшего между сторонами правоотношения, для исполнения обязательств, возникших из закона, из административного акта, из ранее совершенной сделки. Так, передача вещи осуществляется продавцом для того, чтобы исполнить обязанности, возникшие из договора купли-продажи или из административного акта планирования. Уступка требования может быть совершена для тех же целей (ст. 202 ГК) или для уплаты долга. То же следует сказать о выдаче, акцепте или передаче векселя или чека. Поэтому вспомогательная сделка может служить достаточным основанием обогащения только в случаях, если ее совершение предопределено содержанием другого, ранее существовавшего правоотношения между сторонами.

В связи со сказанным надо иметь в виду следующее: не всегда постановление закона, предусматривающее возникновение права

одного лица за счет другого, является достаточным основанием обогащения (на это указывает и М. М. Агарков).

Советское законодательство не содержит общих положений о так называемых первоначальных способах приобретения права собственности.

Частный случай приращения предусматривает ст. 179 ГК, в силу которой произведенные без согласия наймодателя улучшения, неотделимые без вреда для нанятого имущества, становятся безвозмездно собственностью наймодателя.

В этом случае норма закона является достаточным основанием обогащения одного лица за счет другого.

Юридическая литература считает приращение основанием возникновения права собственности и в других случаях, когда присоединенная вещь становится частью другой — главной — вещи, превосходящей по ценности первую вещь.

Но при этом собственник главной вещи признается обязанным оплатить стоимость присоединенной вещи.

В этих случаях правовое положение, устанавливающее основание возникновения права за счет другого лица, не является достаточным основанием обогащения.

Так же решается вопрос об отношениях сторон в случаях смешения вещей.

Так же разрешается в литературе вопрос о правовых последствиях переработки вещи (спецификации). Одни, высказывавшиеся по этому вопросу авторы (В. А. Рясенцев) ограничиваются указанием на то, что собственником новой вещи может быть признан либо спецификант, либо собственник материалов. Другие (Д. М. Генкин) признают право собственности на новую вещь либо за спецификантом, либо за собственником материалов, в зависимости от того, что имеет большую ценность, — работа или материал. Но и те и другие признают обязанность лица, ставшего собственником, возместить другой стороне соответственно стоимость материалов или стоимость работы¹.

¹ См. В. А. Рясенцев, назв. соч., стр. 89; Д. М. Генкин в учебнике «Гражданское право», 1944, т. I, стр. 333, см. также учебник «Советское гражданское право», т. I, 1950.

М. М. Агарков считал нормой, устанавливающей первоначальный способ приобретения права собственности, но не служащей достаточным основанием обогащения, также ст. 25 ГК. Однако выраженное в этой статье правило о том, что поскольку в законе или договоре не указано иное, принадлежность следует судьбе главной вещи, относится, вопреки взгляду М. М. Агаркова, лишь к случаям, когда главная вещь и принадлежность состоят в собственности одного и того же лица. В таком случае, отчуждая главную вещь, собственник, поскольку закон или договор не установил иного, отчуждает и принадлежность; отдавая в наем главную вещь, обязан передать нанимателю также и принадлежность, и т. п.

Но собственник одной вещи не может приобрести права собственности на другую, присоединив ее к первой в качестве принадлежности.

В этом случае правовое положение; устанавливающее основание возникновения права за счет другого лица, также не является достаточным основанием обогащения.

Нормой, предусматривающей возникновение права за счет другого лица, но при том не создающей достаточного основания обогащения за счет этого другого лица, является ст. 11 инструкции НКФ СССР, НКЮ СССР и Госарбитража при СНК СССР от 26 мая 1940 г. «О порядке расчетов при передаче предприятий, зданий и сооружений». Согласно этой статье при передаче кооперативной организации государственному органу на основании постановления Совета Министров СССР или Совета Министров союзной республики (постановление СНК СССР от 15 февраля 1936 г. — СЗ СССР 1936 г. № 11, ст. 93) зданий, сооружений или предприятий не подлежат оплате и принимаются государственными организациями от кооперативных организаций безвозмездно предприятия, здания и сооружения, полученные кооперацией безвозмездно от государственных организаций, за исключением тех капитальных вложений, на которые израсходованы собственные средства кооперации.

В этом случае норма закона, регулирующая возникновение права за счет другого лица, не является достаточным основанием обогащения.

Не всегда одинакова и зависимость сделок, совершаемых для реализации других правоотношений.

Наиболее часто встречающаяся вспомогательная сделка — передача, совершаемая на основании договоров о переходе права собственности (ст. 66 ГК), — не производит правовых последствий, если она не соответствует основной сделке — договору о переходе права собственности: «Право собственности на вещи переходит на основании договора, заключаемого между отчуждателем и приобретателем» (ст. 66 ГК).

Поэтому если продавец передает индивидуально-определенную вещь не покупателю, а лицу, с которым он не связан обязательством из договора купли-продажи или соответствующего акта планирования, то вещь остается в собственности или соответственно в оперативном управлении продавца.

То же имеет место, если индивидуально-определенная вещь передана покупателю, но договор купли-продажи оказался недействительным: у покупателя не возникает права собственности или права оперативного управления, следовательно, не будет и неосновательного обогащения. Продавец вправе виндицировать вещь.

Передача вещей, определенных в договоре родовыми признаками, есть их индивидуализация в том смысле, что они физически отделяются от других однородных вещей. И если такие вещи после передачи их не покупателю, а другому лицу, либо после передачи

их по недействительному договору сохранились в натуре, продавец также вправе виндигировать их. Ибо право собственности (право оперативного управления) на вещи, определенные родовыми признаками, так же как и право собственности на индивидуально-определенные вещи, «переходит на основании договора, заключаемого между отчуждателем и приобретателем», — постановление ст. 66 ГК относится ко всем случаям перехода права собственности или перехода вещей по договору в оперативное управление госоргана.

Особенность перехода права собственности или права оперативного управления на вещи, определенные в договоре родовыми признаками, заключается лишь в том, что это право в отношении вещей, определенных родовыми признаками, не может возникнуть в лице приобретателя до индивидуализации вещей. Ибо предметом права собственности или оперативного управления является всегда индивидуально-определенная вещь.

В тех случаях, когда правоотношение между продавцом и покупателем возникает не из договора, а из административного акта планирования, основанием перехода права собственности является этот акт. Передача на основании такого акта вещей, определенных родовыми признаками, определяет момент, когда возникает соответствующее право приобретателя.

Но если вещи, переданные не покупателю, а другому лицу, или вещи, переданные по недействительному договору, после их передачи утратили индивидуализирующие их признаки, то виндикация этих вещей более невозможна. Возможно только предъявление требования о возврате неосновательного обогащения.

Сказанное только что имеет наибольшее значение в отношении денежных знаков.

По общему правилу, денежные знаки фигурируют в гражданском обороте как вещи родовые. Это вытекает из экономической функции денег как средства обращения и платежа. Виндикация денежных знаков возможна лишь в очень редких случаях, например, когда отчуждена коллекция монет или когда у кассира оказываются записанными номера похищенных банковских билетов, и т. п.

В огромном же большинстве случаев, когда денежные знаки передаются без соответствующего обязательства, передавший может предъявить к получившему только требование о возврате неосновательного обогащения.

Именно денежные расчеты и являются той областью имущественных отношений, где чаще всего возникает обязательство из неосновательного обогащения.

Только обязательство из неосновательного обогащения может возникнуть в случае произведенного без достаточного основания перечисления со счета одной социалистической организации на

счет другой в кредитном учреждении. Передача денежных знаков вообще не имеет места в этих отношениях. И сторона, потерпевшая вследствие перечисления, произведенного без достаточного основания, может восстановить свое прежнее положение только путем предъявления требования о выдаче другой стороной неосновательного обогащения, иначе говоря, об обратном перечислении соответствующей суммы.

4. Из сказанного видно, что обязательства из неосновательного обогащения являются гражданско-правовым средством защиты социалистической собственности или производной от нее личной собственности.

Они являются необходимым дополнением других гражданско-правовых средств защиты социалистической собственности и личной собственности: виндикации и обязательств из причинения вреда. Ибо, как только что сказано, в целом ряде случаев, когда невозможны ни виндикация, ни требование о возмещении вреда, — возможно предъявление требования о возврате неосновательного обогащения.

ГЛАВА XVII

ОТДЕЛЬНЫЕ СЛУЧАИ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ

§ 1. Получение недолжного

1. Наиболее частым случаем неосновательного обогащения является получение недолжного.

Под получением недолжного понимается переход имущества от одного лица к другому во исполнение обязательства, в действительности не существующего между сторонами:

1) Исполнение обязательства, никогда между сторонами не существовавшего; например: отгрузка товара не покупателю, а другой организации; акцепт и оплата платежного требования по товару, поставка которого не предусмотрена договором; уплата наследником в действительности не существовавшего долга наследодателя.

2) Исполнение существующего обязательства, но с превышением его действительного размера: акцепт и оплата платежного требования, выписанного с превышением предусмотренного договором количества товара; акцепт и оплата платежного требования, выписанного с превышением цены товара, указанной в договоре; акцепт и оплата платежного требования, сумма которого оказалась преувеличенной вследствие арифметической ошибки; уплата квартирной платы, исчисленной с преувеличением площади, занимаемой жильцом, и т. п.

Возможны, разумеется, не только излишние уплаты. Возможны и недоплаты: в платежном требовании могут быть указаны цены, заниженные в сравнении с установленными в договоре; вследствие арифметической ошибки в платежном требовании может оказаться уплаченной не большая, а меньшая чем следовало сумма и т. п. Однако в таких случаях, как уже сказано, на стороне покупателя нет неосновательного обогащения. Покупатель не сберег имущества. Он лишь не исполнил надлежащим образом обязательства из договора поставки. Его обязательство продолжает существовать в соответствующей части. Поставщик вправе предъявить к нему иск из договора поставки.

3) Исполнение обязательства после его прекращения, в частности, предшествующим исполнением: акцепт и оплата платеж-

ного требования по товару, уже оплаченному по другому платежному требованию, поступившему ранее; исполнение банком распоряжения о списании суммы с расчетного счета во исполнение решения суда или арбитража после того, как равная сумма уже списана со счета на основании представленного взыскателем исполнительного листа либо приказа арбитража.

По сути дела, во всех таких случаях исполняется несуществующее обязательство. Но в отличие от случаев, предусмотренных в п. «а», обязательство между сторонами существовало, но затем прекратилось¹.

4) Исполнение по ничтожной или, как ее иначе называют, абсолютно недействительной сделке². Суд или арбитраж не уничтожают такую сделку, а лишь констатируют факт ее ничтожности и обязаны к такому констатированию независимо от требования сторон. Такая сделка не действует ни в один из моментов после ее совершения³. Следовательно, все, что исполнено по такой сделке, исполнено без достаточного основания. Такое исполнение является неосновательным обогащением стороны, в пользу которой оно произведено, и подлежит возврату другой стороне.

При этом не имеет значения, произведено ли исполнение только одной стороной или обеими. Эквивалентность исполнения не имеет значения. Из абсолютно недействительной сделки не возникают обязательства. Если невозникшие обязательства исполнены обеими сторонами, то исполнение каждой из них должно быть возвращено другой стороне.

Так решается законом вопрос, когда исполнена сделка, ничтожная вследствие недееспособности одной из сторон (ст. 148 ГК) или вследствие несоблюдения формы, установленной законом под страхом недействительности сделки (ст. 151 ГК).

Иначе решается вопрос в случаях, когда исполнена сделка, ничтожная вследствие противозаконного содержания (ст. 147 ГК) (см. ниже, п. 5).

5) Исполнение обязательства, которое отпало после того, как было исполнено.

¹ Случай неосновательного обогащения вследствие исполнения прекратившегося обязательства представлен в решении Госарбитража при Совете Министров СССР по делу одного государственного завода с другим заводом отраслевого снаб. Завод-истец оплатил полученное им оборудование как заводу-изготовителю, так и снабу. Суммы, полученные последним, были также перечислены заводу-изготовителю. Таким образом, этот завод дважды получил платеж от завода-покупателя. Государственный арбитраж обязал его вернуть заводу-покупателю излишне полученные от него суммы.

² См. И. Б. Новицкий, Недействительные сделки — сборник «Вопросы советского гражданского права», изд. Академии наук СССР, 1945, стр. 37 и сл.

³ См. Д. М. Генкин, Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону — Ученые записки Всесоюзного института юридических наук, 1947, вып. IV, стр. 49.

а) Обязательство может отпасть в связи с введением в действие новой правовой нормы, которой придана обратная сила: например, издано постановление правительства о снижении цен на определенного рода продукцию с перерасчетом по исполненной части действующих договоров поставки.

По существу однородное положение имеет место, если расчет по договору поставки впервые осваиваемой в СССР продукции произведен по ориентировочным ценам (ст. 13 постановления СНК СССР от 19 декабря 1933 г. «О заключении договоров на 1934 год»), а затем утвержденная в установленном порядке цена оказывается ниже той, по которой произведен расчет.

б) Обязательство может отпасть в связи с отменой высшей инстанцией, в частности и чаще всего, в порядке надзора, решения суда, арбитража, исполнительной надписи нотариальной конторы, послуживших основанием для имущественного взыскания. Если отмена сопровождается немедленным поворотом исполнения, то нет надобности в иске из неосновательного обогащения. В противном случае бывший ответчик становится кредитором и ищет по ст. 399 ГК то, что было с него взыскано по отмененным решению или исполнительной надписи.

в) Обязательство может отпасть вследствие неосуществления цели исполнения этого обязательства, предусмотренной в законе, в акте планирования или в договоре.

Такие случаи нередко встречаются в арбитражной практике. Обыкновенно — это дела об обратном получении сумм, уплаченных по платежным требованиям, выписанным после отгрузки товара не покупателю, а (по ошибке) другой организации. В таких случаях покупатель оплачивает «бестоварный» счет. Груз, в целях получения которого акцептовано и оплачено платежное требование, не послан покупателю и, конечно, не получен им. Цель оплаты платежного требования отпала. Таково, например, рассмотренное Госарбитражем при Совете Министров СССР дело о возврате суммы, перечисленной заводу за груз, в действительности посланный им не оптовой базе, бывшей покупателем этого груза, а другому, сходному с ней по наименованию предприятию. Таково же другое дело Госарбитража при Совете Министров СССР, в котором хлебозавод требовал от пункта «Центрозаготзерно» возврата сумм, уплаченных хлебозаводом за продукцию, в действительности отгруженную не ему, а Райпотребсоюзу.

Невозможность исполнения обязательства для одной из сторон, участвующей в двустороннем договоре, за которую эта сторона не несет ответственности, есть также отпадение цели встречного обязательства другой стороны (ст. 144 ГК). Если встречное обязательство исполнено до возникновения такой невозможности, то произведенное исполнение становится неосновательным обогащением стороны, в пользу которой оно произведено. Так, если

наниматель помещения уплатил наемную плату вперед за три месяца, а дом сгорел через два месяца, то наемная плата за один месяц составляет неосновательное обогащение наймодателя. Она должна быть возвращена нанимателю.

г) Обязательство может отпасть вследствие признания судом или арбитражем недействительности оспоримой, или, иначе, относительно-недействительной сделки.

Относительно-недействительная сделка порождает присущие ей юридические последствия. Однако эти последствия могут быть исключены посредством оспаривания сделки¹. Таким образом, в момент исполнения такой сделки получение исполнения является получением должного. Но с признанием сделки после ее оспаривания недействительной основание произведенного исполнения отпадает, и исполнение подлежит возврату исполнившей стороне.

Так решается вопрос в случаях, когда сделка оспорима вследствие существенного заблуждения одной из сторон (ст. 151 ГК).

Иначе решается вопрос в случаях исполнения сделки, недействительной вследствие ее совершения под влиянием обмана, насилия, угроз, или сделки кабальной либо недействительной вследствие злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной (ст. 149 ГК) (см. ниже, п. 5).

2. В некоторых случаях в изъятие из ст. 399 не должно полученное не подлежит возврату. Такими случаями являются:

а) добровольная выплата нанимателем рабочему или служащему тех или иных сумм по трудовому договору сверх того, что причитается (разъяснение Пленума Верховного суда РСФСР от 5 июля 1926 г.)²; однако в случае выплаты вследствие обманных или недобросовестных действий рабочего или служащего, в случае счетных ошибок лица, производившего выплату, излишне выплаченное должно быть возвращено;

б) выплата без злоупотребления со стороны трудящегося и не вследствие счетной ошибки излишних сумм пособий по временной нетрудоспособности (ст. 65 Правил о пособиях по временной нетрудоспособности, утвержденных Секретариатом ВЦСПС 5 ноября 1933 г.);

в) выплата сумм по отмененным затем в порядке надзора решениям по трудовым делам, кроме случаев, когда отмененное решение было основано на подложных документах, представленных работником, или на сообщенных им ложных сведениях (ст. ст. 44 и 61 «Правил о рассмотрении трудовых конфликтов»³ и ст. 254-д ГПК).

Во всех этих случаях суммы, полученные трудящимся, обыкновенно расходуются им на удовлетворение его текущих потреб-

¹ См. И. Б. Новицкий, назв. статья, стр. 35—38.

² «Известия НКТ СССР» 1926 г. № 36.

³ СЗ СССР 1928 г. № 56, стр. 495.

ностей. Возвращение этих сумм поставило бы его в трудное имущественное положение.

По тем же соображениям ст. 399 ГК не должна применяться к излишне выплаченным суммам алиментов. Возврат излишне уплаченных алиментов противоречил бы природе алиментного обязательства.

3. Не является неосновательным обогащением получение исполнения по обязательству, лишенному исковой силы.

Статья 401 ГК постановляет: «Не вправе требовать возврата уплаченного исполнивший обязательство, хотя бы и лишенное исковой силы, но не являющееся не действительным в силу закона».

Обязательство лишается исковой силы после истечения срока исковой давности. Однако самое обязательство с истечением срока исковой давности не прекращается. На это прямо указывает ст. 47 ГК, которая говорит об «исполнении обязательства» должником по истечении давности. Ввиду этого должник не вправе истребовать того, что передано им кредитору во исполнение обязательства, по которому истек срок давности (ст. 47 ГК).

Возможны и другие случаи применения положения ст. 401 ГК. Нельзя требовать обратно выданного иждивенцу, который по закону не имеет права на получение алиментов от лица, на иждивении которого он фактически состоял. Такое требование было бы противно правилам социалистического общежития.

§ 2. Получение исполнения по недействительной сделке

1. Не подлежит возврату тому, за счет кого оно произошло, неосновательное обогащение, возникающее в случаях, предусмотренных ст. 402 ГК. В то же время оно и не сохраняется обогатившимся. Статья 402 постановляет: «Обогатившийся за счет другого лица, вследствие противозаконного или направленного в ущерб государству действия этого лица, обязан внести неосновательно полученное в доход государства».

В судебной и арбитражной практике, так же как и в юридической литературе, ст. 402 считают обобщенным выражением принципа, находящего конкретное применение в ст. ст. 149 и 150, а также в ст. 147 ГК, из которых каждая ссылается на ст. 402.

Согласно ст. 149 в случае признания договора недействительным, как совершенного под влиянием обмана, насилия, угроз или вследствие злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной, а равно и в случаях признания недействительным кабального договора, потерпевшая сторона вправе потребовать от контрагента возврата всего исполненного ею по договору. Другая сторона такого права не имеет. Неосновательное

обогащение потерпевшей стороны взыскивается в доход государства.

Таким образом, во всех только что названных случаях потерпевшая сторона имеет право на возвращение другой стороной ее неосновательного обогащения. Неосновательное же обогащение потерпевшей стороны ее недобросовестным контрагентом истребовано быть не может. Оно взыскивается в доход государства. То же имеет место и в случаях, когда кабальный договор не признается недействительным, а расторгается на будущее время. Потерпевшая сторона вправе потребовать от контрагента возврата того из исполненного ею, за что она к моменту расторжения договора не получила встречного удовлетворения. Другая сторона права на возврат произведенного ею исполнения не имеет. Неосновательное обогащение потерпевшей стороны взыскивается в доход государства (ст. 150).

Из сопоставления ст. ст. 149 и 150, с одной стороны, и изложенных выше ст. ст. 148 и 151, с другой, неизбежен вывод, что право на истребование неосновательного обогащения своего контрагента лишается сторона, действовавшая недобросовестно. Взыскание в доход государства произведенного ею исполнения есть карательная мера¹, применение которой обосновано недобросовестностью стороны, произведшей исполнение.

Названное сопоставление послужило для ряда советских цивилистов также и отправным пунктом для толкования ст. 147 ГК. Статья 147 определяет последствия исполнения противозаконных сделок², ничтожных в силу ст. 30 ГК: в случае исполнения такой сделки ни одна из сторон не вправе требовать от другой возврата исполненного по договору. Их неосновательное обогащение взыскивается в доход государства.

Ввиду аналогии санкции, устанавливаемой ст. 147, с одной стороны, и ст. ст. 149 и 150, с другой, и ввиду того, что все эти статьи

¹ См. М. М. Агарков, «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 358; И. Б. Новицкий, назв. соч., стр. 40; Д. М. Генкин, назв. соч., стр. 41, 46.

² Д. М. Генкин (см. статью — «Недействительность сделок, совершенных с целью противной закону») считает, что ст. 30 ГК имеет в виду не всякую противозаконную по содержанию сделку, а сделки, «которые нарушают нормы, определяющие социалистический строй СССР, как таковой». К числу таких сделок относятся сделки, противоречащие нормам, вытекающим из положений, определяющих социальный строй СССР как социалистической страны, противоречащие экономической основе СССР, базирующейся на социалистической системе хозяйства, социалистической собственности, на отмене частной собственности на орудия и средства производства, на запрещении эксплуатации человека человеком, на социалистическом планировании, на всеобщей обязанности к труду, т. е. на тех принципах социализма, которые изложены в великой Сталинской Конституции. Вопросы, связанные с заключением других сделок, противоправных закону, должны, по взгляду Д. М. Генкина, разрешаться на основании ст. 4 ГК.

ссылаются на ст. 402, ряд цивилистов, толковавших ст. 147, признал, что для признания сделки, подпадающей под действие ст. 30, достаточно объективного момента — противоречия ее содержания постановлению закона, для применения же ст. 147 необходим также и момент субъективный: намерение сторон нарушить закон. Статья 147, так же как и ст. ст. 149 и 150, предполагает недобросовестность стороны, произведшей исполнение недействительной сделки¹. Если один из двух контрагентов не знал об акте планирования, не допускающем совершения данной сделки, не знал о том, что сделка выходит за пределы уставной правоспособности другой стороны, и, вступив в сделку, ее исполнил, — его исполнение должно быть ему возвращено. Наоборот, исполнение стороны, действовавшей недобросовестно, возвращению не подлежит. Оно взыскивается в доход государства.

Таким образом, последствия исполнения сделки, недействительной в силу ст. ст. 147, 149 и 150, оказываются однородными: исполнение стороны, действовавшей добросовестно, возвращается ей; неосновательное обогащение той же стороны, т. е. исполнение, полученное ею от стороны, действовавшей недобросовестно, возвращению не подлежит. Оно взыскивается в доход государства.

Какова юридическая природа взыскания в доход государства неосновательного обогащения в силу ст. ст. 147, 149 и 150 ГК?

Некоторые из цивилистов, высказывавшихся по этому вопросу в литературе (И. Б. Новицкий, М. М. Агарков), ограничились приведенным выше указанием на карательный характер этого взыскания. В. А. Рясенцев считает, что «взыскание в доход государства неосновательного обогащения совершенно новое явление, созданное советским законодательством»², но никакой правовой характеристики этому явлению не дает.

Подробно осветил этот, известный только советскому праву, институт Д. М. Генкин. Он считает, что хотя ст. ст. 147, 149 и 150 говорят о взыскании в доход государства неосновательного обогащения, хотя ст. 402 и помещена в разделе ГК, регулирующем последствия неосновательного обогащения, однако правоотношения между государством и лицом, получившим имущество по сделкам, предусмотренным в этих статьях, должны разрешаться по положениям, вытекающим из конфискации, а не по правилам, регулирующим обязательства из неосновательного обогащения. «Институт неосновательного обогащения, т. е. переход имущества

¹ См. Д. М. Генкин, назв. сочинение, стр. 46; М. М. Агарков, «Гражданское право», учебник для юридических институтов, 1944, т. I, стр. 358.

Иначе высказался И. Б. Новицкий: «При существующей редакции ст. 147 было бы произвольным утверждение, что санкция по ст. 147 сопровождается не каждой сделку, признанную недействительной по ст. 30» (И. Б. Новицкий, назв. соч., стр. 40).

² В. А. Рясенцев, назв. соч., стр. 101.

без достаточного основания, во всех этих случаях характеризует лишь правовые отношения участников сделки, а не правовые отношения сторон к государству. Наличие неосновательно полученного, о котором говорит закон, является лишь предпосылкой конфискации, а не устанавливает правовое основание притязания государства»¹.

Предметом конфискации является, по взгляду Д. М. Генкина, не право на возврат исполнения, а самое исполнение, имущество, переданное недобросовестной стороной другой стороне.

О конфискации государством права на возврат исполнения невозможно говорить потому, что такое право не возникает для недобросовестной стороны, исполнившей противозаконную сделку, либо сделку кабальную или сделку, в которую другая сторона вступила под влиянием обмана, угроз или насилия. Статья 147 прямо говорит: ни одна из сторон не имеет права требовать от другой возврата исполненного по договору. Статья 149 говорит, что недобросовестная сторона такого права, т. е. права на возврат исполненного, не имеет.

В соответствии с этим при взыскании имущества в доход государства не применяется и правило ст. 400 о возвращении доходов, которые получивший исполнение извлек или должен был извлечь. Не применяется и правило ст. 400 о возмещении получившему исполнение затрат на полученное им имущество. «Из ст. 402 вытекает, что обогатившийся должен внести в доход государства неосновательно полученное и только...».

Возражая против взгляда Д. М. Генкина, В. А. Рясенцев выдвигает два соображения:

1) Конфискация есть мера преимущественно уголовного, а в отдельных случаях административного права. Закон содержит строго ограниченный перечень случаев конфискации имущества, не позволяющий распространить действие этого закона и понятие конфискации на взыскание в доход государства неосновательного обогащения.

2) При конфискации имущества оно переходит в собственность государства, между тем неосновательное обогащение не всегда переходит в собственность государства².

Эти доводы нельзя признать убедительными.

а) Сводный закон РСФСР о конфискации и реквизиции перечисляет случаи, когда подлежит применению этот закон. Это не значит, что конфискация не может быть установлена другими специальными нормами закона. В данном случае такими специальными нормами, подлежащими применению в случаях исполнения противозаконных сделок либо сделок, совершенных под

¹ Д. М. Генкин, назв. соч., стр. 54.

² См. В. А. Рясенцев, назв. соч., стр. 100.

влиянием обмана, угроз, насилия, либо кабальных, — являются ст. ст. 147, 149 и 150 ГК.

б) Конфискация чаще всего выражается в принудительном переходе к государству права собственности на то или иное имущество.

Но советскому законодательству известна и полная конфискация имущества (ст. 20 УК РСФСР). Следовательно, советское законодательство допускает переход к государству на основании конфискации не только права собственности, но и других имущественных прав.

В то же время точный смысл статей 147, 149 и 150 ГК подтверждает взгляд Д. М. Генкина.

§ 3. Другие случаи неосновательного обогащения

1. Выше указано, что неосновательное обогащение может возникнуть вне связи с каким бы то ни было обязательством, существующим или предполагаемым.

а) В тех случаях, когда оно является результатом не связанного с каким-либо обязательством действия потерпевшего, нередко возникает вопрос об отграничении неосновательного обогащения от так называемой «деятельности в чужом интересе без поручения» или «ведения чужих дел без поручения»¹.

Отношения, возникающие на почве «деятельности в чужом интересе без поручения», не урегулированы нашим законодательством.

Между тем, ввиду того, что охрана социалистической собственности составляет долг каждого советского гражданина и каждой социалистической организации, что советское общество основано на морально-политическом единстве его граждан, деятельность в интересе других лиц, когда этим интересам угрожает та или иная опасность, стала в СССР нормой поведения граждан и социалистических организаций.

Правовые вопросы, возникающие в связи с такой деятельностью, разрешаются нередко путем применения правил об обязательствах из неосновательного обогащения. Однако нельзя не заметить, что между отношениями, возникающими в одном и в другом случае, имеются существенные различия.

Осуществляющий деятельность в чужих интересах действует намеренно в интересах другого лица. Поэтому за ним должно быть признано право на возмещение ему произведенных в интересах другого лица расходов, но не выгод, которые получило это другое лицо. В то же время право на возмещение произ-

¹ См. В. А. Рясенцев, Ведение чужого дела без поручения — Ученые записки Московского государственного университета 1946 г., вып. 116.

веденных расходов должно быть признано за ним, хотя бы другое лицо выгод не получило.

Вместе с тем в случаях деятельности в чужом интересе без поручения есть все основания требовать от того, кто такую деятельность осуществляет, не меньшей осмотрительности, чем та, которую он проявляет в своих делах.

Иначе складывается положение при возникновении неосновательного обогащения. Потерпевшим в этих случаях является лицо, полагавшее, что оно действует в своих интересах. Его требование к другому лицу возникает, если его действия создали выгоду для другого за счет невыгоды для него самого. Он вправе потребовать выдачи ему этой выгоды.

Таким образом, субъективный момент: наличие или отсутствие намерения действовать в чужом интересе — является основным признаком для различения деятельности в чужом интересе без поручения, с одной стороны, и неосновательного обогащения, — с другой. В зависимости от наличия или отсутствия такого намерения разрешаются и все остальные вопросы взаимоотношений сторон.

б) Неосновательное обогащение, возникающее вне связи с каким-либо обязательством, может быть и следствием действия обогатившегося. Одна из двух организаций, хранящих уголь в одном и том же помещении, израсходовала уголь сверх принадлежавшего ей количества. Один из двух жильцов квартиры использовал для ремонта своей комнаты обои, купленные другим. Одно лицо использовало для написания картины холст и краски другого. Во всех таких случаях также имеет первостепенное значение субъективное отношение обогатившегося к своим действиям. Если в его действиях была вина, он отвечает по ст. 403 ГК за причинение вреда. Если в его действиях вины не было, он обязан выдать неосновательное обогащение¹.

в) Неосновательное обогащение может возникнуть в результате действий третьего лица. В некоторых из таких случаев у потерпевшего наряду с требованием о возврате неосновательного обогащения может возникнуть и другое требование: к третьему лицу, действиями которого порождено неосновательное обогащение. О соотношении этих требований см. гл. XVII.

¹ Так же должен решаться и обсуждаемый В. А. Рясенцевым вопрос об отношениях, возникающих из факта занятия одним из жильцов комнаты домовладельца, уехавшего в длительную командировку. Невозможно согласиться с тем, что во всех случаях, когда после отъезда домовладельца в длительную командировку один из жильцов его дома поселяется без разрешения в его комнате, перед нами случай неосновательного обогащения (см. В. А. Рясенцев, назв. статья, стр. 97).

ГЛАВА XVIII

СООТНОШЕНИЕ ТРЕБОВАНИЯ О ВОЗВРАТЕ НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ С ДРУГИМИ ТРЕБОВАНИЯМИ И ЕГО СОДЕРЖАНИЕ

§ 1. Соотношение требования о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями

1. Нередко возникает вопрос о соотношении требования о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями: 1) с виндикацией, 2) с требованием из договора, 3) с требованием о возмещении вреда.

Поэтому эти требования должны быть четко разграничены.

а) В тех случаях, когда может быть предъявлена виндикация, нет оснований для предъявления требования о возврате неосновательного обогащения.

Виндикация есть иск собственника об истребовании своей вещи из чужого противоправного владения. Истец по виндикации доказывает свое право собственности на истребуемую вещь. Ответчик — не собственник вещи. Требование направлено на выдачу вещи в натуре. Оно носит, как говорят, вещный характер.

Требование о возврате неосновательного обогащения предполагает, — если обогащение выразилось в приобретении вещи, — что эта вещь перешла в собственность обогатившегося. Следовательно, виндикация ее стала невозможной. Обогатившийся не обязан к выдаче вещи. Но поскольку его право собственности возникло за счет потерпевшего без достаточного основания, обогатившийся должен выдать свое неосновательное обогащение, т. е. стоимость вещи. Требование потерпевшего направлено здесь на получение денежной суммы. Оно носит обязательственный характер. Таким образом, выбора между виндикацией и иском из неосновательного обогащения нет никогда. Если возможна виндикация, то невозможен иск о возврате неосновательного обогащения. Если возможен иск о возврате неосновательного обогащения, то невозможна виндикация.

В связи с этим следует обратить внимание на следующее: ст. ст. 147, 149, 150 ГК отождествляют «исполненное по недействительному договору» и «неосновательное обогащение». Между тем, если исполнение сделки, признанной недействительной по основаниям, указанным в названных статьях, заключается в передаче вещи, то до тех пор, пока эта вещь не утратила инди-

видуализирующих ее признаков, возможна ее виндикация. Ибо эта вещь не перешла в собственность того, к кому она поступила во владение, кому она передана во исполнение сделки, оказавшейся недействительной (см. выше). Следовательно, нет места требованию о возврате неосновательного обогащения.

В то же время суд, констатирующий ничтожность сделки по основаниям, указанным в ст. 148 или ст. 151 ГК, или признающий недействительность сделки по основаниям, указанным в ст. 151, обязан вынести решение и о возврате одной стороне другой стороной вещей, полученных от нее последней и сохранивших свои индивидуальные признаки.

Равным образом, если в случаях, предусмотренных ст. 147, 149, 150, вещь передана добросовестной стороной стороне недобросовестной, то вещь должна быть возвращена передавшей ее стороне.

Во всех этих случаях получит применение и ст. 400 ГК: сторона, возвращающая вещь, должна будет не только выдать доходы, которые она извлекла или должна была извлечь из вещи, полученной по недействительной сделке с момента, когда она узнала о ее недействительности, но и отвечать за произведенное или допущенное ею после этого момента ухудшение вещи. За ухудшение, допущенное ею до этого момента, она будет отвечать лишь при наличии грубой небрежности. Со своей стороны она будет вправе требовать возмещения ей необходимых затрат на имущество с того времени, с которого она возвращает доходы.

К переходу вещей в собственность государства, как сказано выше, ст. 400 не относится. Ибо к государству, в силу ст. 402, переходит не право потребовать возврата вещи, а самая вещь в том состоянии, в котором она находится у получившего ее.

2. В тех случаях, когда между сторонами существует договор и одна из сторон исполнила свои, возникшие из договора обязанности, а другая своих обязанностей не исполняет, исполнившая сторона может предъявить к другой стороне иск из договора, но не иск о возврате неосновательного обогащения.

Это положение также вытекает из существа требования о возврате неосновательного обогащения, с одной стороны, и требования из договора, — с другой.

Требование о возврате неосновательного обогащения предполагает наличие обогащения на стороне ответчика. Сторона, не исполнившая обязательства, не обогатилась в правовом смысле. Правда, она приобрела право на то, что исполнено другой стороной. Но остаются в силе ее обязанности в отношении другой стороны. Она не сберегла того, что должно быть передано во исполнение этих обязанностей. Поэтому к ней должно быть предъявлено не требование о возврате неосновательного обогащения, а требование из договора.

Из сказанного выше ясно, что объем того и другого требования различен. Требование о возврате неосновательного обогащения направлено на выдачу обогащения, т. е. того, что приобрел или сберег обогатившийся в подлежащих случаях, с присоединением доходов, которые он извлек или должен был извлечь с момента, когда он узнал о неосновательности обогащения. Иск из договора направлен на исполнение обязательства в натуре, а когда такое исполнение невозможно по вине должника, — на возмещение убытков, причиненных неисполнением договора, а в подлежащих случаях — на уплату неустойки, пени и т. п.

3. Значительные трудности представляет иногда разграничение требования о возврате неосновательного обогащения и иска о возмещении вреда.

Выше уже было указано, что неосновательное обогащение есть часто результат действий потерпевшего, в которых обогатившийся не принимал никакого участия. Иногда оно является результатом действий потерпевшего противоправных, но не виновных. Иногда в действиях того, кто обогатился без достаточных оснований за счет другого, не было и ничего противоправного. В каждом отдельном случае, когда обогащение является результатом действий обогатившегося или его совместных действий с потерпевшим, если эти действия противоправны, должен быть разрешен вопрос об их виновном или невиновном характере. При виновном характере таких действий возникает ответственность по ст. 403 ГК. При невиновном характере возникает ответственность по ст. 399 ГК.

В этом смысле высказался Пленум Верховного суда РСФСР в постановлении от 20 июня 1928 г.

4. В тех случаях, когда неосновательное обогащение является результатом действий не обогатившегося и не потерпевшего, а третьего лица, у потерпевшего могут возникнуть два требования: к обогатившемуся и к лицу, действиями которого создано неосновательное обогащение. Первое из этих требований является требованием о возврате неосновательного обогащения. Второе — может быть требованием из договора. Например, если банк произвел перечисление денег с превышением суммы, указанной в распоряжении плательщика, то банк ненадлежащим образом исполнил обязанность, возложенную на него договором расчетного счета. Держатель счета может предъявить банку требование о восстановлении на счете соответствующей суммы.

К третьему лицу может возникнуть и требование из причинения вреда, если действия этого лица не являются нарушением его обязательства перед потерпевшим: например, третье лицо самовольно предоставило обогатившемуся в пользование вещи потерпевшего.

§ 2. Содержание требования о возврате неосновательного обогащения

Согласно ст. 399 неосновательно обогатившийся должен возвратить неосновательное обогащение.

Таким образом, возврату подлежит не остаток обогащения, наличный в момент предъявления требования о возврате неосновательного обогащения, а имущество, которое неосновательно обогатившийся приобрел или сберег.

В юридической литературе высказан взгляд, по которому размер требования из неосновательного обогащения должен быть ограничен наличным обогащением в случаях, когда обогатившийся является недееспособным, и его обогащение произошло без посредства его опекуна.

Возложение на недееспособного обязанности вернуть обогащение в полном размере шло бы в отдельных случаях (например, когда недееспособный потребил полученное) в разрез со ст. 405, освобождающей недееспособного от ответственности за причиненный им вред.

Ни в судебной, ни в арбитражной практике нет материала для суждения о том, по какой цене должна исчисляться цена неосновательно приобретенных вещей, потребленных обогатившимся.

Рясенцев указывает, что если при снижении цен на тот или иной род товаров возмещение стоимости их будет происходить по ценам дня, когда возникло неосновательное обогащение, то на присужденную сумму потерпевший сможет приобрести большее количество товаров, чем он потерял, в пользу обогатившегося. Ввиду того, что при этом утвержденные в установленном порядке цены обязательны для обеих сторон, В. А. Рясенцев приходит к выводу, что, по общему правилу, стоимость неосновательно полученного и израсходованного имущества должна определяться на день предъявления иска. Однако по соображениям, приведенным В. А. Рясенцевым, правильным представляется исчислять эту стоимость по ценам дня вынесения судебного решения¹. В случаях же, когда на израсходованные вещи нет нормированных цен, их стоимость должна исчисляться на день возникновения неосновательного обогащения.

В тех случаях, когда обогащение выразилось в сбережении, должны быть возвращены сбереженные суммы.

В частности, такое сбережение является иногда результатом пользования вещью без достаточного основания. В таких случаях должны быть возвращены суммы, которые при нормальном положении дела должны были бы быть издержаны в связи с таким использованием.

¹ См. В. А. Рясенцев, назв. соч., стр. 103—104.

Доходом, который подлежит возврату вместе с неосновательно приобретенным имуществом, являются поступления от неосновательно приобретенного имущества, действительно имевшие место, или такие, которые должны были бы иметь место при нормальном пользовании этим имуществом.

Поступления от недолжно полученного имущества должны быть возвращены и в тех случаях, когда переданная по недействительной сделке вещь не перешла в собственность получившего и подлежит возврату в натуре.

Так как чаще всего неосновательное обогащение возникает на почве денежных расчетов, то доходом являются проценты на подлежащие возврату суммы.

Во всех случаях, когда деньги, полученные без достаточного основания, подлежат возврату одной социалистической организацией другой, Государственный арбитраж присуждает на подлежащую возврату сумму 4% годовых в соответствии с размером процентов, начисляемых Госбанком по расчетным и текущим счетам.

В том случае, когда возврат неосновательного обогащения имеет место в отношениях между гражданами, на подлежащую возврату сумму должны начисляться проценты в размере процентов, уплачиваемых по вкладам государственными трудовыми сберегательными кассами.

ЛИТЕРАТУРА

- М. М. Агарков, Обязательство по советскому гражданскому праву, 1946.
Д. М. Генкин, Недействительность сделок, совершенных с целью, противной закону — Ученые записки ВИАУ, 1947, вып. V.
В. А. Рясенцев, Обязательства из так называемого неосновательного обогащения в советском гражданском праве — Ученые записки Московского государственного университета, 1949, вып. 144.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ЧАСТЬ I. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ПРИЧИНЕНИЯ ВРЕДА

	Стр.
<i>Глава I. Понятие и значение обязательств из причинения вреда</i>	
§ 1. Понятие обязательств из причинения вреда в советском гражданском праве	5
§ 2. Социально-экономическое значение обязательств из причинения вреда	8
§ 3. Обязательства из причинения вреда в буржуазном гражданском праве	17
<i>Глава II. Вред</i>	
§ 1. Вред, подлежащий возмещению по ст. ст. 403—415 ГК РСФСР и соответствующим статьям ГК других союзных республик	20
§ 2. Понятие вреда в буржуазном гражданском праве	28
<i>Глава III. Противоправность причинения вреда</i>	
§ 1. Понятие противоправного действия в советском гражданском праве	30
§ 2. Обстоятельства, исключающие противоправность действия, причинившего вред	44
§ 3. Понятие противоправного действия в буржуазном гражданском праве	50
<i>Глава IV. Причинная связь между противоправным действием и вредом</i>	
§ 1. Значение причинной связи в обязательствах из причинения вреда	52
§ 2. Основные положения диалектического материализма о причинной связи и их применение к ответственности за внедоговорный вред	55
§ 3. Вопросы причинной связи в судебной практике по делам об обязательствах из причинения вреда	65
§ 4. Вопрос о так называемой каузальности бездействия	70
<i>Глава V. Вина лица, причинившего вред</i>	
§ 1. Принцип вины и принцип причинения в обязательствах из причинения вреда в советском гражданском праве	73
§ 2. Формы вины и «критерии» неосторожной вины	80
§ 3. Вина в гражданском праве и вина в уголовном праве	94
§ 4. Дееспособность как необходимое условие ответственности за виновное действие	96
<i>Глава VI. Ответственность за вред, причиненный чужим действием</i>	
§ 1. Общие положения	100
§ 2. Ответственность за вред, причиненный недееспособными	103
§ 3. Ответственность за вред, причиненный несовершеннолетними (старше 14 лет)	107
§ 4. Ответственность юридических лиц	110

**Глава VII. Ответственность государственных органов
за имущественный вред, причиненный должностными лицами
при совершении актов управления**

- § 1. Сфера действия ст. 407 ГК РСФСР и соответствующих статей ГК других союзных республик 113
- § 2. Условия ответственности государственного органа за вред, причиненный должностным лицом 122
- § 3. Отдельные случаи ответственности государственных органов за вред, причиненный должностными лицами 127

**Глава VIII. Ответственность за вред, причиненный источником
повышенной опасности**

- § 1. Понятие деятельности, связанной с повышенной опасностью для окружающих 131
- § 2. Обоснование повышенной ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности 134
- § 3. Причинная связь между действием источника повышенной опасности и вредом 138
- § 4. Лица, ответственные за вред, причиненный источником повышенной опасности 140
- § 5. Обстоятельства, исключющие ответственность за вред, причиненный источником повышенной опасности 143
- § 6. Ответственность по ст. 132 Кодекса торгового мореплавания СССР и по ст. 78 Воздушного кодекса СССР 149
- § 7. Ответственность за вред, причиненный столкновением средств механизированного транспорта 150

Глава IX. Ответственность лиц, совместно причинивших вред

- § 1. Понятие совместного причинения вреда 152
- § 2. Субъективные условия солидарной ответственности за совместно причиненный вред 155
- § 3. Вопрос о праве регресса лица, возместившего вред, причиненный им совместно с другими лицами 156

Глава X. Ответственность по ст. 406 ГК РСФСР 158

Глава XI. Значение умысла или грубой неосторожности (небрежности) потерпевшего

- § 1. Общие положения 160
- § 2. Понятие вины потерпевшего 164
- § 3. Вопрос об учете поведения лиц, обязанных нести надзор за недееспособным потерпевшим. Значение поведения органов потерпевшего юридического лица 170
- § 4. Размер присуждаемого возмещения вреда при наличии вины потерпевшего 172

Глава XII. Способы возмещения вреда

- § 1. Восстановление прежнего состояния и возмещение убытков 174
- § 2. Понятие убытков 177
- § 3. Размер возмещаемых убытков. Вопрос об учете форм вины и степени неосторожности 179
- § 4. Учет имущественного положения лица, ответственного за вред, и потерпевшего 182

*Глава XIII. Возмещение вреда при причинении смерти
или повреждения здоровья человека*

§ 1. Общие положения	184
§ 2. Ответственность при причинении смерти человеку	185
§ 3. Ответственность при повреждении здоровья	188

Глава XIV. Исковая давность по обязательствам из причинения вреда 200

*Глава XV. Соотношение договорной и внедоговорной ответственности
в советском гражданском праве* 203

**ЧАСТЬ II. ОБЯЗАТЕЛЬСТВА ИЗ ТАК НАЗЫВАЕМОГО
НЕОСНОВАТЕЛЬНОГО ОБОГАЩЕНИЯ**

*Глава XVI. Понятие и значение обязательств из так называемого
неосновательного обогащения*

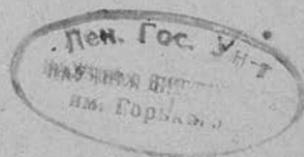
§ 1. Общие положения	209
§ 2. Понятие «достаточного основания» так называемого обогащения за счет другого	212

Глава XVII. Отдельные случаи неосновательного обогащения

§ 1. Получение недожного	222
§ 2. Получение исполнения по недействительной сделке	226
§ 3. Другие случаи неосновательного обогащения	230

*Глава XVIII. Соотношение требования о возврате неосновательного
обогащения с другими требованиями и его содержание*

§ 1. Соотношение требования о возврате неосновательного обогащения с другими требованиями	232
§ 2. Содержание требования о возврате неосновательного обогащения	235

Редактор *М. Е. Коган*
Художник *П. Ф. Белов*
Техн. редактор *Е. В. Мулин*
Корректоры *Л. И. Бунчукова* и *З. Я. Жигур*

*

Сдано в набор 25/II 1951 г.
Подписано к печати 26/IV 1951 г.
Печ. л. 15. Уч.-изд. л. 15,36. А01846.
Формат бумаги 67х92¹/₁₆.
Тираж 10 000 экз. Цена 8 р. 70 к. Заказ 85.

*

3-я типография «Красный пролетарий» Главполи-
графиздата при Совете Министров СССР. Москва,
Краснопролетарская, 16.